

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

72-73

МЮНХЕН 1994

СОДЕРЖАНИЕ

В.Пирожкова. Духовное возрождение	1
В.Пирожкова. Новая конституция	3
Д.Штурман. Оглянуться назад	10
Ю.Линник. Несколько мыслей о России	16
Б.Богданович. Воскресение Сталина	20
В.Пирожкова. Потерянное поколение (<i>Продолжение</i>)	21
Протоиерей Д.Константинов. Испытания в пустыне	28
Протоиерей Д.Константинов. Божией милостью	30
Р.Гуардини. Религиозные образы в творчестве Достоевского (<i>Продолжение</i>)	33
С.Тиктин. Коричневое и красное	45
Д.Штурман. Как Ленин убил Духонина	53
С.Тиктин. Так был ли предсказуем Чернобыль?	59
Р.Кравец. Эпизоды и судьбы	64

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№72-73

Июнь 1994 г.

Мюнхен

В. Пирожкова

Духовное возрождение

Мы много писали о процессе постепенного восстановления правового государства, гражданского общества, экономики. А как обстоит дело с духовным возрождением России? Это сложный вопрос, который многими воспринимается слишком легко и поверхностно. Есть немало русских в самой России и в поредевших кругах эмиграции, которые все еще находятся под влиянием броских лозунгов и упрощенной идеализации прошлого. Они говорят о "Святой Руси", явно не понимая, что такое наименование означает на самом деле. Святая Русь всегда была только идеалом и никогда не была действительностью, но в наше время есть немало идеологов, старающихся внушить народу, что следует только восстановить прошлое и на Руси снова наступит святость. Не говоря о том, что прошлое нельзя восстановить, оно никогда не было таким, каким представляется тоскующему взору потомков. Началось это еще со славянофилов, непонятно по какой причине рисовавших многотрудную эпоху Московской Руси неким золотым веком, симфонией между Церковью и государством, хотя эта симфония, если и существовала, то только короткое время, когда патриархом был родной отец царя – неповторимая констелляция. Петровская европеизация разбила многие традиции, и эти самые традиции оделись в лучи света, которые их в таком совершенном виде некогда покрывали в то время, когда они были еще настоящим и не стали уже прошлым. Люди постоянно переносят свою мечту о золотом веке то в будущее, то в прошлое, но в известной нам истории человечества его никогда не было и на этой земле и под этим небом никогда не будет. Чем усиленнее люди мечтают либо о создании совершенно нового золотого века в будущем, либо о восстановлении якобы существовавшего золотого века в прошлом, тем менее внимательными и гуманными они становятся по отношению к настоящему, по отношению к живым людям современности.

Россия как раз только сбросила с себя страшное владычество партии, обещавшей ей золо-

той век в ближайшем будущем, правда, золотой век чисто секулярный, не только без Бога, но и против Него. Мы знаем, к чему привела попытка построения такого "счастливого будущего". Естественно, что после этого страшного эксперимента люди, многие из которых потеряли ориентацию, ищут духовных начал. Они их ищут зачастую не там, где можно найти Единого Живого Бога, ищут не только в разных христианских сектах, где Бог присутствует, но и вне христианства, в буддизме, кришнаизме и даже дурных извращениях, в астрологии, гадании, у более чем сомнительных предсказателей и телевизионных "врачевателей".

В этой ситуации велика задача христиан нести многим запутавшимся и несчастным людям истинного Бога Живого, нести не внешние формы ритуала, а проникновение связью с Господом каждого шага нашей земной жизни. Мне вспоминается рассказ одного немецкого военнопленного, который после многих лет плена вернулся на родину. Он рассказал мне, что его, в гражданской жизни сельского хозяина, послали раз работать в совхоз. Там надо было посадить рассаду помидоров. Он сделал это, как привык делать у себя дома: выкопал ямки, налил в каждую воды, посадил рассаду и сверху снова полил. Его помидоры прекрасно прижились. А рядом совхозные работники небрежно посовали рассаду в пересохшую землю, и помидорные кустики, конечно, завяли. И вот к немецкому военнопленному подошла русская старушка и заговорила с ним. Он тогда уже понимал довольно хорошо по-русски. Она спросила: "Сынок, ты веришь в Бога?" Он ответил, что верит. "Вот, – сказала она, – оттого твоя рассада и прижилась, а у этих безбожников засохла", – добавила она, показав рукой на увядшие совхозные растения.

Может быть, некоторые улыбнутся наивности старушки, так как непосредственной связи здесь, конечно, нет: и неверующий, правильно посадивший рассаду и поливший ее, добьется успеха. И тем не менее, старушка была права, глубинная связь между этими явлени-

ями существует. В верующем человеке живет чувство ответственности за все, что он делает, и перед окружающими его людьми, и перед обществом, и даже перед животными и растениями, перед природой, сотворенной Творцом. В обществе, где еще есть традиции живой веры, многие лично уже неверующие, все еще живут этими традициями, хотя бы и подсознательно. Но даже невозможно вообразить себе такого общества, в котором все эти традиции окончательно бы умерли. Это было бы что-то страшное.

Теперь задача всех верующих христиан, особенно церковных, стараться внедрять живое христианство в повседневную жизнь. Мы хотим в этой связи остановиться на одной небольшой книжечке. Как раз в Сибири, в Томске, были в прошлом году прочитаны доклады на тему "Культура отечества, прошлое, настоящее, будущее", а в этом году они вышли небольшой книжечкой. В коротких докладах затронуты многие темы, появляются многие имена русских мыслителей прошлого, как 19-го, так и 20-го века: Владимира Соловьева, Бердяева, Булгакова, Лосского, о. Флоренского и многих других. Но мы пока хотели бы остановиться только на небольшой статье протоиерея Евгения Касаткина "Влияние Церкви на духовную жизнь общества".

В этой статье о. Касаткин говорит о том, что как бы ни оценивать так называемую "симфонию Церкви и государства" в прошлом, особенно в Византии, теперь это время прошло. Он пишет: "У нас, в современных условиях, при благожелательном отношении федеральной власти к Церкви, практический и тактический вопрос сводится к тому: нужно ли прямолинейно добиваться союза Церкви и государства или, не тратя сил на восстановление этого, расторгнутого историей "брака", оставаться в невольном "разводе" с государством и творить положительное, конструктивное церковное дело, пользуясь свободой развязанных рук? Наш восточный опыт, заостренный в трагическом русском опыте, побуждает нас склоняться к практическому предпочтению в настоящий момент позиции максимальной независимости церкви от государства, т. е. использования всех выгодных для Церкви сторон столь широко распространенного в действующих конституциях принципа отделения Церкви от государства..."

Чтобы воплотить дух Церкви в жизни, нужно обращаться к силам общества. Вот с ним-то и должна быть симфония Церкви. Плановый облик симфонии в данном случае очень усложняется. Но зато становится явным реализм действенных, а не призрачных достижений хри-

стианизации мира сего. В период действительной свободы вероисповедания для новой, непривычной для нас миссии и ответственности за судьбы Церкви мы все, и иерархия, и миряне, должны радикально перестроиться и в мыслях, и в действиях".

Это очень хорошие идеи. России так необходим отход от фразы, от громких самовосхвалений прошлого и якобы грядущего великого будущего, и так важна ежедневная, упорная, терпеливая работа над собой и через себя над обществом в его практической христианизации.

Христианство – это не громкие слова, это – живая связь с Богом, с Иисусом Христом в ходе всей жизни, в труде, в семье, в отношениях к соседям и сослуживцам, в отношении ко всему обществу. Протоиерей Касаткин возлагает надежду на братства, определяя их как объединение нескольких приходов. Он указывает на Братство С.Радонежского, занимающееся издательской деятельностью, преподаванием в гимназиях, выставками и пр.

Конечно, есть хорошие братства, но мы должны остеречь от некоторых братств. О.Касаткин об этом не упоминает, но мы знаем, что есть братства, называющие себя православными и не имеющие ничего общего с христианством. Это, например, те братства, в которых участвует В.Осипов. Их публикации заполнены диким антисемитизмом, враждой и ненавистью к христианам других вероисповеданий, враждой к нерусским национальностям. Они сплошь пропитаны антихристианской ненавистью ко всем, кто думает и чувствует хоть немного иначе, чем они сами. Такие братства могут только дискредитировать православие и оттолкнуть людей от христианства вообще. Дело духовенства быть очень осмотрительным в этом вопросе.

О. Касаткин ожидает от братств как объединений нескольких приходов положительного: "Братства внесли бы во все каналы жизни струи евангельского православного духа. Вся жизнь преобразовалась бы внутренне, органически, без малейшего насилия, свободно, без давления. Однако он полагает надежду не только на братства. "На местах, на разных уровнях, возможно создание общества, групп, курсов, воскресных школ и т.д. Само общество следует подготовить к симфонии".

Все это очень хорошие пожелания. Будем молиться, чтобы они пронизали постепенно российское общество и чтобы оно сумело различать между христианскими, настоящими православными братствами и псевдоправославными, националистическими и полными ненависти "братствами".

В. Пирожкова

Новая конституция

Недавно я слышала от одного начитанного молодого человека фразу, которую в России можно слышать часто: "У нас и прежде была как будто бы неплохая конституция, а что это дало?" Трудно бороться с этим столь распространенным в России предрассудком, тем более, что диссиденты способствовали его распространению, требуя выполнения конституции, которая была якобы именно неплохой, но не исполнялась. Все это – мышление вверх ногами. И сталинская, и брежневская конституции были плохими и они **выполнялись**. Все, кто бездумно повторяет, что это были хорошие конституции, но не выполнялись, не дали себе труда прочесть эти конституции. Они повторяют с чужих слов. Сколько всего повторяется с чужих слов, без проверки! И если что-либо достаточно часто повторялось, то постепенно люди перестают сомневаться в том, что они повторяют, хотя бы это был самый нелепый абсурд.

Как раз эта расхожая фраза о коммунистических конституциях и есть нелепый абсурд, который каждый мог бы проверить, взяв в руки эти конституции и прочитав их внимательно.

В этих конституциях была записана абсолютная власть одной, коммунистической, партии, во внутренней и во внешней политике. И эта партия действовала согласно конституции, т. е. владела всей полнотой власти. В этих конституциях были записаны колхозы, и они существовали. По этим конституциям не разрешалось иметь частную собственность, вся собственность была в руках государства, и это тоже выполнялось. А к пресловутым свободам, провозглашавшимся этими конституциями, на которые ссылались постоянно диссиденты, были предпосланы преамбулы, где ясно говорилось, что эти свободы даются **только** с целью укрепления и расширения социализма. А поскольку для социализма не имеется общепризнанного определения, то то же самое политбюро определяло, что такое социализм, и тем самым, что именно гражданам разрешается говорить, писать, во имя чего митинговать или демонстрировать. Иными словами: конституции выполнялись. Только они были плохими.

Принятая 12 декабря 1993 г. конституция – хорошая конституция, хотя и у нее есть недостатки. Но эти недостатки не так существенны и могут быть с течением времени понемногу исправлены. Конституция будет действовать. Она – не пустой клочок бумаги. Остается только надеяться, что русские начнут понемногу понимать значение конституции и преодолеют предрассудок, что значение имеют только те

или иные лица, а не Основной Закон. Он имеет огромное значение.

В начале этого года президент Ельцин сказал, что самое главное его дело, – завершенное в истекшем году, – это принятие конституции. Он прав. Имя Ельцина войдет в историю России связанным со многими положительными событиями в нашей стране, но особенно оно останется связанным с новой конституцией. Для России было счастьем, что в такое трудное время во главе ее стал крупный политический деятель. Ельцин войдет таковым в историю, независимо от ошибок, которые в такое чрезвычайно трудное время неизбежны и независимо от того, что еще произойдет в России.

Но присмотримся к новой конституции. Ее, так сказать, вступление, где говорится об исторических традициях, единстве и суверенности Российского государства, правах и свободах личности, не следует рассматривать лишь как красивые слова. Несомненно хотя бы часть ее авторов, а особенно сам ее вдохновитель, президент Ельцин, берет все это всерьез.

В первом разделе устанавливаются основы конституционного строя. В этом же отделе человек, его права и свобода объявляются высшей ценностью. Как мы уже указывали в предыдущем номере в статье "Второй этап ликвидации советской власти", было бы хорошо, если б под то, что человек – высшая ценность, подводилась основа: отчего все же человек, его права и свободы – высшая ценность? Эти правильные слова повисают в воздухе без их обоснования. А обосновать их можно только тем, что человек – образ и подобие Божие. Но мы, увы, слишком многого требовали бы от этой первой конституции после коммунистических ублюдков-"конституций", если б мы ожидали сразу же последней глубины. Тем более, что "православные братства" вместо христианской сущности требуют от новой конституции фиксирования теократического государства и превращают православие в некую новую идеологию. Как же можно ожидать от советских составителей конституции, чтобы они вникли в глубину отношений человека к Богу, если этого не могут понять организации, называющие себя православными (по недоразумению). В упомянутом отделе конституции устанавливается единство и суверенность Российской Федерации и то, что ее законы имеют верховенство перед законами отдельных федеральных республик. Здесь также определяются права автономных республик, областей и краев. Россия – федеративное государство, и

это правильно, но она – единое государство, скрепленное общей конституцией. Мы не можем согласиться с теми, кто предсказывает распадение Российской Федерации на отдельные совсем самостоятельные государства. По нашим наблюдениям, идет обратный процесс: постепенное сближение с Россией ставших самостоятельными республик. Увидим, как пройдут выборы на Украине. Украина даже не начинала экономических реформ, и положение там отчаянное. Мы советуем всем хулителям экономических реформ в России, всем критикам политики Ельцина бросить взгляд на Украину, где экономика продолжает оставаться прежней, социалистической, командно-плановой. Русские, приезжающие на Украину со своими рублями, живут в Киеве так же, как западные европейцы или американцы в Москве со своей валютой. Понятно, что особенно области, населенные преимущественно русскими, хотели бы даже вообще возвращения в Россию, а тем более сближения с ней. Кравчук пытается получить от США деньги, соблазняя американцев обещаниями враждебного отношения к России. Но это вряд ли сыграет роль козыря. Между Россией и США развиваются, хотя и не без естественных трений, партнерские отношения, и США вряд ли захотят их променять на дружбу с обанкротившейся Украиной. Украинцам следует прежде всего переменить своих коммунистических руководителей и начать экономические реформы. Тогда и отношения с Россиейотрегулируются.

Но вернемся к конституции. Следующий раздел посвящен правам и свободам человека и гражданина. Эти права и свободы очень обширны, перечисляются по отдельности даже такие, которые уже естественно включаются в общую декларацию прав и свобод. Западные европейцы обращают внимание на такие пункты, которые не содержатся в их конституциях, так как считаются само собой разумеющимися. Пример: статья 30-я гласит, что никто не может быть принужден вступать в какие-либо организации против его воли. Разрешение образовывать партии или организации понятно, но запрещение кого-либо заставлять вступать в таковые может родиться только из практики предшествовавшего российской демократии коммунистического государства, где на людей оказывалось давление, чтобы они вступали в комсомол или партию.

Мы не можем разбирать всю конституцию, остановимся лишь на некоторых пунктах. На Западе о ней говорили как о президентской, делающей положение президента особенно сильным. В этих комментариях сквозило даже некоторое сомнение, является ли российская

конституция действительно демократической, а не полуавторитарной. И ни в одном комментарии мне не пришлось услышать или прочесть сравнения с французской конституцией, демократичность которой никто не подвергает сомнению и по которой президент имеет больше власти, чем он ее имеет в России. Достаточно указать лишь на тот срок, на который выбирается президент: в России на 4 года, во Франции – на 7 лет. И там, и там президент может выдвинуть свою кандидатуру на второй срок, а на третий уже не имеет права. Но во Франции президент может управлять 14 лет подряд, а в России всего лишь 8 лет. Ясно, что за 14 лет президент может укрепить свою личную власть гораздо успешнее, чем за 8 лет. Вот мы уже даже позабыли, когда во Франции был другой президент, Миттеран, как кажется, сидит в этом кресле вечно, и ему остался еще год власти. В то время как американские президенты меняются на наших глазах довольно быстро, даже в том случае, если президенту удастся быть избранным на второй срок. Только Ельцин в виде исключения мог бы пробыть президентом 9 лет, если он в 1996 г. будет кандидировать на второй срок, так как в 1991 г. президент избирался на 5 лет. Эти 5 лет мы бы хотели видеть и в новой конституции, хотя 9 или даже 10 лет – это все же не 14. Этот долгий срок дает стране стабильность. Как раз для России она сейчас очень нужна. Согласно российской конституции президент назначает премьер-министра с согласия Государственной Думы. Французский президент назначает премьера без всякого согласия парламента. Он же по предложению премьера назначает министров. Парламент может высказать правительству недоверие, но он сам должен взять на себя эту инициативу. При назначении правительства его не спрашивают. А президент не обязан считаться с вотумом недоверия парламента. Конечно, на практике французский президент предпочитает считаться с большинством Национального собрания, если оно ярко выражено. После того, как на последних выборах его социалисты потерпели поражение, Миттеран назначил премьером политика из консервативных группировок, но он сам выбирал, кого он назначит, не спрашивая Национальное собрание.

Президент Франции назначает послов в другие страны без обсуждения в соответствующих комитетах парламента. В России их кандидатуры должны обсуждаться в таких комитетах.

Конституционного суда во Франции нет, но есть конституционный совет, который выступает в его роли. Он состоит из 9 членов, трех

из них назначает президент, трех сенат, трех Национальное собрание, председателя назначает президент и его голос в случае несогласия является решающим. Таким образом президенту обеспечена очень большая власть. Импишмент французского президента конституцией не предусмотрен.

Право помилования во Франции закреплено за президентом, а у парламента нет никакого права амнистии. В Российской конституции совершенно нелепо расщепили право помилования, закрепленное тоже за президентом, и право амнистии, переданное Государственной Думе. Различить эти два права трудно и юристам. Дума сейчас же злоупотребила своим правом, амнистировав руководителей мятежа 3–4 октября 1993 г. Приняв амнистию, они, собственно говоря, признали свою вину, так как амнистировать можно только виновных, но они сами, конечно, не хотят об этом слышать, да и другие мало об этом говорят. В законодательстве следовало бы иметь механизмы, запрещающие амнистированным преступникам кандидировать в президенты Российской Федерации, но мы опасаемся, что при неопытности одних и злонамеренности других такое законодательство не будет создано, и Руцкой сможет в 1996 г. кандидировать. Остается лишь надеяться на мудрость избирателей.

Мы не можем в этой статье разбирать всю конституцию, мы только хотели указать на то, что президент России, к сожалению, не имеет такой же сильной власти, как президент Франции, а мы думаем, что для стабилизации положения как раз в России нужна была бы сильная президентская власть.

Тем не менее, прекрасно, что конституция есть и что она была народом принята. Этот факт говорит о все еще не поколебленной популярности президента Ельцина: он призвал голосовать за конституцию и большинство избирателей за нее проголосовало. Мы, вероятно, не ошибемся, если предположим, что, увы, многие избиратели не дали себе труда прочесть внимательно конституцию и голосовали они не столь потому, что были согласны с ее текстом, сколь доверяя президенту Ельцину. Однако ничего удивительного в этом нет. И в развитых демократических странах, как мне уже не раз приходилось писать, многие голосуют не столь за программы той или иной партии, сколь за то или иное лицо, доверяя именно данному политику. Итак, конституция есть, и она будет действовать и постепенно, – очень постепенно, – формировать общество. Много будет еще несуразностей, много попыток злоупотреблений – ведь конституция сама по себе не может как по мановению волшебной палоч-

ки изменить психику людей, выросших при советском режиме, но постепенно ее влияние будет проявляться все яснее. Принятие конституции было великим делом. Ее шероховатости и недостатки постепенно сгладятся. Более разумный по составу парламент может несколько изменить ту или другую не совсем удачную статью, но в общем конституция составлена хорошо и, повторяем, она будет иметь свое благотворное влияние на общество.

Избирательный закон не вписан в конституцию. Это хорошо, так как его легче изменить. В таком виде, как он действовал в декабре 1993 г., он вряд ли является оптимальным. Мы не раз указывали на то, что избирательный закон по партийным спискам не оправдал себя и в Германии. К сожалению, в России есть большая склонность копировать многое в Германии, в том числе и то, что в самой Германии показало себя неудачным. Так или иначе, в России не решились применить чисто мажоритарный избирательный закон, хорошо еще, что половина депутатов избиралась мажоритарным способом, а то партия Жириновского получила бы значительно больше мест. Если бы все депутаты избирались мажоритарно, то партия Жириновского, вероятно, не получила бы и половины имеющихся у нее мест в Думе. Какую роль играет Жириновский, трудно сказать. Отчего он разыгрывает из себя политклоуна, какую цель преследует он сам, неясно. Некоторым кругам на Западе он весьма выгоден, и есть сведения, что известные круги западной военной промышленности его оплачивают. В известном смысле он нужен и западным профсоюзам. Дело в том, что по окончании холодной войны частичная конверсия военной промышленности в мирную идет не только в странах бывшего СССР, но и на Западе. И здесь эта конверсия тоже проходит нелегко. Вследствие сворачивания части военной индустрии возникает безработица. В Германии, например, сейчас 4 миллиона безработных. Их особенно много, конечно, в бывшей ГДР. Среди военных и промышленных кругов, а также среди профсоюзов есть значительные силы, которые заинтересованы в восстановлении статуса холодной войны. Им нужен новый образ врага. Конечно, они считают, что под этот образ врага легче всего стилизовать Россию. Тем более, что очень многие на Западе никогда не умели делать различия между коммунистами и русскими. Печально то, что, например, в Германии отрицательное отношение к России больше распространено среди консервативных, в прошлом антикоммунистических, кругов, чем среди социал-демократов. В телевизионной дискуссии известный политик Мехтерсхеймер ска-

зал: "Теперь видно, что за многими якобы коммунистическими настроениями скрывались антирусские". Сейчас немецкая пресса по крайней мере раздрается противоречиями, понимая, с одной стороны, что без России не решить многих конфликтов и, прежде всего, страшной войны в Югославии, но чувством сопротивления необходимости считаться с Россией. Приблизительно год тому назад известный немецкий журналист Герберт Кремп написал буквально: "А мы-то думали, что Россия теперь будет делать все, что ей скажут США, она же хочет иметь самостоятельную внешнюю политику".

Теперь уже никто в Германии так не говорит и не пишет. Теперь все поняли, что президент Ельцин поставил Россию на ноги и в международном престиже. С Россией стали считаться, но с неудовольствием. При этом не играет роли, какую политику Россия ведет. Нередко те же западные журналисты признают ее разумной и умеренной, даже признают, что она поистине в помощь, но их раздражает самый факт, что с Россией приходится считаться. И тут вступает в действие подспудное противоречивое желание, чтобы к власти пришел какой-нибудь Жириновский, чтобы на Россию можно было безудержно и по праву нападать, как прежде по праву нападали на коммунистический Советский Союз. Такое же амбивалентное отношение западной прессы к президенту Ельцину. С одной стороны, есть страх перед хаосом гражданской войны или агрессивными действиями того же Жириновского, и понимание, что гарантом стабильности в России является сейчас президент Ельцин. С другой стороны, на Западе видят, что Россия снова подымается и занимает среди народов постепенно подобающее ей положение, а этого многие не хотят. Ельцина, с одной стороны, нельзя обвинить в агрессивности и империализме, хотя в западной прессе все время делаются эти попытки, но они успеха не имеют, так как для них нет зацепки. Можно раздуть муху в слона, но трудно создать слона, если нет даже мухи. С другой стороны, западная пресса недовольна, что без России не разрешить кровавого конфликта в бывшей Югославии, но тем не менее, все согласны, что это так и что Россию следует просить содействовать этому разрешению. Также и в урегулировании ближневосточного конфликта Россию просят играть более активную роль.

23 февраля президент Ельцин держал речь перед обеими палатами парламента. Это была в высшей степени государственная речь. Западные медики (хотя и не все) поспешили оценить ее как ослабление положения Ельцина,

так как он якобы отчасти уступил национал-патриотам. Но такая оценка была большой ошибкой. Она исходила из неправильной оценки Ельцина. Многие на Западе не хотели видеть в нем государственника. Между тем, он им безусловно является. То, что он допустил распад коммунистического Советского Союза, не попробовав, как Милошевич или Караджич, удерживать республики или хотя бы части их силою в составе России, поливая землю обильно кровью и разрушая города, было таким же в высшей степени государственным актом, как теперь стремление консолидировать Российскую Федерацию. Ельцин спас Россию и другие народы бывшего СССР от страшнейших испытаний, которые были бы во много раз ужаснее, чем самые кровавые бои в Югославии, так как не исключено, что следствием этих войн было бы атомное заражение огромных пространств России. Нужно было иметь очень много мудрости, чтобы в тот момент не поддаться искушению насилия. Ельцин ему не поддавался. Тогда, когда центробежные силы были на полном ходу, им надо было дать волю изжить себя. Теперь они себя понемногу изживают. Постепенно вступают в действие другие силы, центростремительные. Не только автономные республики внутри Российской Федерации все яснее понимают, что им не устоять ни в экономическом, ни в политическом отношении, если они не сомкнутся теснее с российским центром, но и отделившиеся республики теснятся ближе к России. Заключен таможенный союз между членами СНГ. Вспомним, когда-то объединение 33 независимых немецких государств началось с заключения таможенного союза между ними.

Несостоятельны были бы возражения, что в данном случае объединение уже было и незачем было сначала разъединяться, чтобы потом снова соединяться. В жизни и истории прямые логические линии редко срабатывают. Жизнь развивается не по прямой, а по зигзагообразной линии. Насильственно сдерживавшиеся в объединении должны были сначала разъединиться, чтобы потом добровольно и на новых началах снова соединиться в иной структуре, чем она была. Назарбаев, постоянно идущий впереди в отношении идей объединения, предложил создать Азео-европейский союз по образцу западноевропейского, но другие республики, особенно Украина, к этому, кажется, еще не готовы. Тем не менее, идея эта, думаем, будет осуществлена. Ведь и европейский союз создавался в течение долгого времени, он возник не в два-три года. Только бы не помешали нетерпеливые, неразумные, агрессивные.

Мы уже писали, что Жириновского кто-то выдвигает и кто-то финансирует. Так были в Германии обнаружены платежи партии Жириновского со стороны фирмы Гирке, бывшего сотрудника восточногерманской Штази (КГБ), но безусловно есть западные круги, которым выгодно раздувать опасность Жириновского. Так была раздута и его "победа". Нормально в демократиях победившей считается партия, которая получает, если не абсолютное, то хотя бы относительное большинство. Так национал-социалистическая партия в Германии на выборах 1933 г. получила относительное большинство, т.е. из всех партий она провела в Рейхстаг наибольшее число депутатов, хотя и не достигла 50%. Партия Жириновского из 450 депутатов Думы насчитывала вначале 63 депутата, теперь еще несколько депутатов вышли из состава этой партии. "Выбор России" набрал больше 90 депутатов. Но несмотря на это все кричат о победе Жириновского и проигрыше "Выбора России". Здесь очевидны погоня за сенсацией и манипуляции. Состав Думы разношерстный, чего и следовало ожидать от первых свободных выборов, когда политические силы еще не устоялись, а избиратели в большинстве своем неопытны и неумелы. Тем не менее эта Дума много нормальнее и работоспособнее, чем состоящий преимущественно из коммунистов-номенклатурщиков Верховный совет, а спикер этой Думы И.Рыбкин представляется спокойным и деловым и не идет в сравнение с ненормальным честолюбцем Хасбулатовым.

На Западе критиковали Договор об общественном согласии, подписанный многими российскими политическими силами по инициативе президента Ельцина. Критику вызывало не его содержание, а самое его существование. Есть, мол, конституция, и, согласно этой конституции, конечно же, все политические разногласия следует разрешать цивилизованным путем, переговорами, компромиссами или, в крайнем случае, новыми выборами, а не мятежами или гражданским неповиновением. Все это правда, но относится это к странам с развитой демократией. В России же никогда не было конституции – советские конституции нельзя таковыми считать, хотя на самом деле, как мы уже писали, они были гораздо более действенными, чем о них думали. Но, как мы уже отмечали, многие русские не понимают, что такое конституция. Поэтому в России не лишне то, что в немецкой поговорке называется "двойной сшивкой", то, что в западных странах было бы излишним. Ельцин – президент России, он русский человек и вышел из недр этого самого народа, варился в той же

каше, в которой варились все, и он знает, что понимать конституцию люди начнут лишь постепенно, а поэтому "двойная сшивка" пока еще совсем не лишняя. Многие журналисты в России тоже считают, что договор об общественном согласии стабилизирует политическое положение. Интересно, что его подписал даже Жириновский, который все еще рассчитывает прийти к власти легально, как в свое время в Германии пришел к власти Гитлер. Не подписал этого договора Явлинский. И это удивляет. С.Чугаев в статье "Договор об общественном согласии стабилизирует ситуацию в России" ("Известия" 5 мая 1994 г.) считает, что Явлинский делает ставку на насильственное свержение власти. Если это так, то это трудно понять. Мне приходилось слышать Явлинского в Москве лично, он – типичный интеллигент, демагог, но не трибун, массы он за собой увлечь не может. Разве что ему удастся найти кого-нибудь, кто сыграет для него роль трибуны, но пока никого в этом роде на горизонте не видно. Будем надеяться, что такого и не появится. Не унывает, конечно, Руцкой. Он все еще надеется сколотить военную мощь, чтобы идти на Кремль. Однако на нем лежит печать неудачника, и вряд ли ему представится второй случай начать смуту. Может быть, кто-нибудь укажет на того же Гитлера и скажет, что история дала ему возможность сделать вторичный "рывок к власти", и уже успешно. Но тут следует указать на одно очень важное обстоятельство: Гитлер изменил тактику: первый раз он попробовал мятеж, а потом пришел к власти легально. Пробовать тот же самый метод после такого явного провала вряд ли перспективно.

Интересно, что не только русские, жившие десятилетиями под советской властью, но и многие эмигранты, десятилетиями жившие в демократических странах, не понимают, что такое конституция. Мы говорим не о том, что многие не любят демократии и хотели бы диктатуры или самодержавия, мы говорим о непонимании. Ведь и для того, чтобы что-либо отрицать, следует сначала понять то, что отрицаешь. Так, один эмигрант-монархист, воздав неожиданно должное президенту Ельцину за его победу над мятежниками 3–4 октября 1993 года, требует от него, чтобы он решительнее действовал против коммунистов, лицемерно добавляя, что он, мол, этого не сделает, так как сам был коммунистом. Это спекуляция на забывчивости читателей. Президент Ельцин начал с того, что запретил коммунистическую партию. Его коммунистическое прошлое, с которым он радикально и искренне порвал, ему при этом не помешало. Но несправедливый Конституционный суд во главе с Зорькиным восста-

новил компартию, и президент, который по конституции имеет сильную власть, но диктатором не является, запретить ее теперь не может. Запретить какую-либо партию может только вновь созданный Конституционный суд. Или этот эмигрант не знает, что такое конституция, или он делает вид, что не знает, чтобы нанести вред президенту и правительству, ведущему тяжелую работу по постепенной ликвидации коммунистического господства. Возможно и второе, так как тот же самый эмигрант-монархист тогда, когда Ельцин запретил компартию, поддерживал не президента, а... коммунистов. Когда весной 1992 г. Верховный совет, где большинство состояло из старых коммунистов-номенклатурщиков, начал борьбу против президента, этот эмигрант-монархист писал мне с захлебом восторга: "Ельцин скоро – очень скоро – слетит". Он даже кощунственно призывал Господа Бога помочь коммунистам-номенклатурщикам свалить президента, запретившего компартию. Все его симпатии были тогда на стороне коммунистов. Зачем же теперь лицемерно требовать от президента того, чего он, согласно конституции, сейчас сделать не может? Кстати, этот же эмигрант и по сей день оскорбляет свободных российских граждан, называя их "подсоветскими", хотя советов уже и в помине нет. До чего же иные правые эмигранты не любят свободную Россию, да и вообще Россию: они хотели бы запечатлеть ее навеки под советской диктатурой и теперь продолжают выдавать желаемое за сущее. Но оставим их, влияние их минимально, только невольно удивляешься людям, которых мы десятилетиями принимали за антикоммунистов. Кстати, на майских демонстрациях опять наряду с красными знаменами, портретами Ленина и Сталина в Москве носили и флаги с императорскими цветами, правда, в перевернутой последовательности. Но самые эти демонстрации были довольно жалкими, шли преимущественно престарелые "товарищи".

Незадолго до приезда президента Ельцина в Германию вдруг вспыхнул спор о порядке прощания российских войск, окончательно покидающих Германию. Для войск западных союзников был предусмотрен общий торжественный парад в Берлине в начале сентября. Российские войска должны были быть отпущены 31 августа, причем в Веймаре предполагался не военный акт прощания. Веймар – город, у которого есть много культурных связей с Россией. Но подобные планы вызвали обиду у представителей российской армии. Даже Копелев написал канцлеру Колю письмо, спрашивая его, должны ли нынешние молодые партии отвечать за преступления Сталина. Дело не

в одном Сталине. В этом вопросе, казалось бы не столь существенном, столкнулись история, современность и будущее. Исторически войска западных союзников и советские войска играли в Берлине разные роли. Западные войска защищали Западный Берлин и в блокаду 1948 г. и от ультиматума Хрущева в 1958 г., советские войска стреляли в берлинских рабочих в 1953 г. и стояли угрозой в периоды блокады и ультиматума. Но даже еще в качестве советских войск они не вышли на улицу защищать Хонеккера и его режим, а теперь это уже вообще не советские, а российские войска. Теперь это другая страна, которой Запад предлагает партнерство. Не следовало ли бы в духе этого грядущего партнерства взглянуть в будущее и протянуть новой России руку? Немецкий комментатор сказал, что Копелев написал письмо не по адресу, он должен был бы направить его Клинтону, Мейджеру и Миттерану, так как не Германия, а западные союзники отказываются от общего парада их войск с русскими войсками. Коль не может приказать им изменить свое мнение. Думается, что особенно Миттеран против такой общности. Он не пригласил Россию и на празднование годовщины высадки войск союзников во Францию. Высадились там лишь западные войска, но воевали они тогда в союзе с... Советским Союзом. Да, вот именно, с Советским Союзом, а не с Россией. Мне приходилось говорить с немецкими политиками, и они присоединились к высказанной мною мысли, что если бы сейчас еще существовал Советский Союз и коммунистическая диктатура, то Миттеран непременно пригласил бы на торжества соответствующего генсека КПСС. Но зачем же приглашать свергнувшую коммундиктатуру Россию? Французские социалисты вообще не любят новой России и лично президента Ельцина: они не могут простить ему того, что он порвал с коммунизмом и социализмом. С точки зрения социалистов это можно понять. Консервативные французы, как кажется, относятся к России лучше. Миттеран не вечен, будем надеяться на улучшение отношений между Россией и Францией.

Но вот получается так странно: нынешняя Россия, с одной стороны, не принимается во внимание как наследница военной славы СССР, с другой же стороны, должна расплачиваться за старые грехи СССР. Но ничего, Россия оправится и будет играть подобающую ей роль. Пока же канцлер Коль сделал все, что мог сделать по своей инициативе: российские войска будут, так сказать, отпущены отдельно от западных союзников, но с парадом и народным праздником в Берлине. Ельцин остался доволен. Между прочим, знаменательно: имен-

но восточные берлинцы высказывались за парад российских войск в Берлине. Они чувствуют известную связь со "своими" войсками, настроены скорее дружелюбно по отношению к российским войскам.

Шли разговоры и о вступлении России в так называемое партнерство для мира при НАТО. Положение с НАТО вообще сложное. Когда развалился Варшавский пакт, то, собственно говоря, следовало бы и НАТО самораспуститься. НАТО было создано как оборона против агрессивного Советского Союза и Варшавского пакта. Их больше нет. Зачем же нужно сохраняться НАТО? Но вместо самороспуска НАТО начало, наоборот, лихорадочно укрепляться, и восточноевропейские страны, бывшие члены Варшавского пакта, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия устремились в НАТО. Был момент, когда их как будто бы хотели безоговорочно принять. Понятно, что Россия встревожилась: НАТО подошло бы к самым российским границам. При наличии сил, о которых мы писали в начале этой статьи, которые хотели бы стилизовать новую Россию снова под образ врага, это становилось опасным. Вспомним, что в течение тысячелетия Россия ни разу не напала фронтально на Запад. Нападение шло всегда с Запада на Россию, и только в ходе отчаянной обороны российские войска потом переходили западную границу. НАТО сейчас мирно и не нападет на Россию, да, а как будет завтра? Протест России имел успех. Канцлер Коль и президент Клинтон поняли, что НАТО сейчас нельзя нагружать восточноевропейскими странами против желания России. Да и стоило бы это западным странам дорого, так как все их вооружение надо было бы привести в соответствие со стандартом НАТО, конечно, за счет западных стран. В январе всем восточноевропейским странам, включая Россию, был предложен пакт для известного сотрудничества с НАТО. Но Россия в этих рамках добивается особого статуса как великая держава, и западные страны понимают это желание.

Во время посещения президентом Ельциным Германии возникли несколько новые конstellации, хотя еще пока и в нюансах. Выкристаллизовывается более тесное сотрудничество между Россией и Германией. Так, Россия ожидает от Германии поддержки в вопросе вхождения России в Европейский совет и в так называемую семерку самых крупных держав мира, которая превратилась бы тогда в восьмерку. Это более близкое сотрудничество пока лишь намечается, но уже забеспокоились те, кто этого не хочет, прежде всего австрийские комментаторы с их традиционным недоверием

к России. Но и часть немецкой прессы испугалась потерять покровительство западных держав, хотя сближение России и Германии вовсе не направлено на конфронтацию с США и Западной Европой. Есть в немецкой прессе голоса, вспоминающие Рапалло, совершая при этом столь обычную коренную ошибку, ставя в один ряд бывший Советский Союз и новую Россию. Но есть и другие голоса в немецкой прессе, которые вспоминают о дореволюционном прошлом. Так, одна газета указала на то, что посещение президента Ельцина – это первый визит главы Российского государства в Германию за почти сто лет. Перед тем в 1896 г. император Николай II был в Берлине. И мы отметим наше сожаление, что тогда этот визит императора Николая в Берлин не принес благотворных результатов. Может быть, читатель простит мне лирическое отступление. В августе 1944 г., когда Рига была окружена советскими войсками и был только выход через минированное море, я готовилась сесть на пароход, который должен был доставить нас по этому самому минированному морю в Данциг. Накануне я узнала, что можно в каком-то учреждении получить талон на чулки. Бегство бегством, мины минами, но чулки были тогда такой драгоценностью, что не терять же их! И я рано утром, до отхода парохода, направилась в это учреждение, проскользнула мимо длинной очереди, нашла заднюю дверь и проникла в еще закрытое учреждение. Немолодой латышский служащий, как все молодые латыши, хорошо говоривший по-русски, отнесся снисходительно к моему нахальству и сказал, что выдаст мне талон на чулки. "Только подождите, я расскажу сон, который видел сегодня ночью, – и он продолжал говорить по-русски, обращаясь к своим тоже уже не молодым коллегам, – я видел, что тогда, перед первой мировой войной, императоры Вильгельм и Николай договорились между собой, никакой войны не было и всем было так хорошо жить", – добавил он с глубокой тоской и вожделием.

Да, если бы тогда наяву исполнился сон этого латышского служащего! Сербия и Австрия не допустили исполнения этой мечты. Император Вильгельм видел, что Австрия хочет втравить Германию в войну, он говорил: "Австрия слишком сильно бряцает **моим** оружием", – но, несмотря на это понимание, он не сумел ее остановить, а Россия не сумела остановить Сербию, тоже бряцавшую не своим, а русским оружием.

Да не будет этого теперь. Если русско-германские отношения наладятся, то это пойдет на пользу всему миру, так же, как тогда война между этими двумя странами всем принесла

несчастье, но больше всего двум странам, России и Германии. Эти роковые ошибки нельзя повторять.

Подведем итог. Политическое положение в России сейчас относительно стабильно. Мы пишем "относительно", так как полностью оно может стабилизироваться только тогда, когда более или менее стабилизируется экономика и когда крепче внедрится лишь медленно растущее понимание гражданского общества, прав и ответственности свободных граждан, понимание значения конституции, как ее преимуществ, так и обязанностей, которые она налагает на гражданина. Все это длинный процесс. Ни экономика, ни психика людей не может перемениться в течение нескольких лет. Экономические реформы идут дальше, по свидетельству западных экспертов, скорее, чем они ожидали, но впереди еще очень трудные периоды: неизбежные банкротства нерентабельных производств, рост безработицы. В восточную Германию западная Германия вкладывает десятки, даже сотни миллиардов марок, но там все еще закрываются предприятия, все еще растет безработица. Интересно, что сейчас предлагается стальной концерн, стоя-

щий перед банкротством, даже русским предприятиям, и об этом ведутся серьезные переговоры. Русские, может быть, переймут этот концерн вместе с другими иностранцами, тогда рабочие останутся, не будут уволены. Так растут интернациональные переплетения уже совместно с русскими.

Между прочим, Зюганов и его коммунисты не приняли Договора о гражданском согласии. Но на все нужно время. Много времени. Опасность в том, что нетерпеливые и злонамеренные будут пытаться сорвать этот процесс созреваания.

До сих пор еще не выдвинулось политической личности, которая могла бы играть ту же интегрирующую и ведущую роль, какую теперь играет президент Ельцин. Пока представляется единственным сколько-нибудь способным заменить Ельцина на посту президента премьер-министр Черномырдин, но и от него трудно ожидать такого же авторитета. Поэтому мы лично считаем, что если здоровье Ельцина позволит, то ему следовало бы кандидировать в 1996 году на второй президентский срок. Пока ничто не указывает на то, что здоровье может этого ему не позволить, но как Бог даст.

P.S. Положение с Крымом обострилось как раз перед отсылкой этой статьи для печати. Остается надеяться, что не возникнет военных действий между Россией и Украиной из-за Крыма. Крым, конечно, русский, но следовало бы подождать, пока страсти поостынут, а потом провести голосование. Так, после войны Саарская область осталась сначала у Франции, но после голосования в этой области вернулась к Германии.

Д. Штурман

Оглянуться назад

Я долго не писала о российских событиях. Причины этого были чисто личные: болезнь, переезд, отставание от быстро текущей жизни. И вот теперь, в мае 1994 года, я беру в руки черновик, оборванный болезнью в сентябре 93-го. Не полезно ли перед тем, как попытаться вернуться в поток реальности, оглянуться назад?

Тогда события виделись так:

"22 сентября 1993. Вчера Ельцин обратился к народу с просьбой понять: с людоедом не играют в правовые игры. Самое время, не зная, что будет завтра, оглянуться назад.

Интересно, помнят ли еще авторы сборника "Иного не дано", 1988, полный его заголовок: "Гласность – демократия – социализм – ИНОГО НЕ ДАНО"? Я тогда исписала недоуменными комментариями по ходу сборника чуть ли не такого же веса пакет бумаги. Но к тому времени, когда я его дочитала и документировала, рецензировать его стало бессмысленно. Все авторы, кроме уже в нем до конца искреннего (как и по сей день) Селюнина и экологистов, сменили очередные вехи. Как выяснилось,

кое-что иное – дано. Причем не только Историей, но и цензурой. И полились речи, шумные и впечатляющие, о новом "большом скачке" – "из царства необходимости в царство свободы". Речи такие смелые, что толпы слушателей и наблюдателей вообразили вчерашних конформистов революционерами-переворотчиками. И сами они в свою революционность поверили. А когда сделать, да еще по-быстрому, бывшее не бывшим снова не удалось, слушатели-читатели на них рассердились. И они сами во всем горько разочаровались. Прежде всего, конечно, в правительстве, уже вроде бы и своем. Разруха и распад увеличились, усилились. Ускорились. Люди (в массе своей) не радовались свободе и повели себя совершенно неблагоприятно по отношению к апологетам свободы слова. Им почему-то вскоре приелись слова, слова, слова и захотелось чего-то более. Вдобавок еще и оказалось, что вроде бы отмененный тоталитарный монстр, отряхивается, как зверь, вылезший из воды, и становится на свои, слегка было дрогнувшие от страха лапы.

Между тем, не было ведь никакого "застоя" и никакой революции после октября 1917 года. "Застоем" был назван период, за время которого окончательно исчерпались экстенсивные (насильственно выжимаемые) резервы разрушенной в 1917–1933 гг. дореволюционной России. После физического дожатия досуха ее резервов начало рушиться, зримо и неудержимо, самое ее тело: природные запасы, структуры их извлечения, переработки, транспортировки, распределения; стал окончательно вырождаться труд, который не может не покоиться на здоровой этике.

"Перестройка" и "гласность" были верховной попыткой (не первой, заметим, в истории СССР и Восточной Европы) провести на ходу ремонт Системы.

Горбачев и его тогдашние (в Политбюро) единомышленники сочли возможным ввести в обиход Системы некоторые безопасные, как им виделось, для ее фундаментальных принципов элементы либерализма и сугубо паллиативной экономической рациональности. Ремонт, названный "перестройкой", и крупницы самоорганизации ("новое мышление"), снятие со страны части ее бремени должны были остановить разрушение, начатое в 1917 году. Но из этого ничего не вышло: эта Система была обречена на вырождение в принципе, изначально. К 1991 году в определенных кругах верхних этажей власти и в сознании многих думающих людей вызрело понимание того, что отремонтировать Систему, сохраняя ее основные принципы, нельзя. Невозможно бороться с вырождением и разрушением путем сохранения и совершенствования причин, вызвавших вырождение и разрушение. Вот тогда и начались (после августа 1991 года) попытки на ходу реформировать Систему в нечто ей принципиально не тождественное. Почему на ходу? Потому что, если бы даже это и удалось, то, привычно взорвав "старый мир до основания", Систему нечем было бы тут же и подменить. Никаких иных, в том числе и жизнеобеспечивающих, механизмов, помимо рушащихся, в запасе у реформаторов не было. Их предстояло выращивать в полостях рушащейся машины. И необходимо было успеть это сделать раньше, чем она рухнет.

Я не знаю, был ли в истории когда-либо строй, настолько катастрофически – к моменту своего естественного крушения – неподменный. Внутри мертвой, разлагающейся, но парадоксально цепкой и хищной Системы нужно было медленно, тихо, без рывков раскрепощать узелок за узелком, высаживать росток самодействия и самоорганизации за ростком. Но кто бы это стал **делать**? Почти век Система се-

лекционировала для "хождения во власть" людей, которых аборигену соцлагерной культуры не надо описывать. Мы их знаем. Мы и Горбачева слушали не в переводе шустрых мальчиков в штатском. Поэтому от нас не ускользала его человеческая ничтожность. Человек – это стиль. Мы сразу ощутили его безнадежную пустоту и безблагодатность. Ельцин, что бы о нем ни говорили во всех лагерях и кругах (и недоброжелатели России, и борцы и страдатели за нее), именно как человек – редчайшее исключение, непростительная оплошность в системной селекции. Среди верховно-партийных гробов повапленных, внутри которых – одно вождение к властвованию и сибаритству (а если и тени сомнения, призраки угрызений совести, то страх – сильнее них), Ельцин – живой и сердечный человек, способный думать, чувствовать, иметь мировоззрение и меняться. Может быть, он до конца понял происходящее (понял социализм) достаточно поздно, находясь далеко еще не на самом веру властной иерархии. Может быть, и по характеру своему он – человек и политик не совсем того склада и жанра, которые скомпоновал бы некий компьютер для уникальнейших этих обстоятельств. Тут нужно редкое сочетание качеств и дарований. Хитроумие Маккиавели, но при этом честность по отношению к **благой** цели. Способность идти путем наименьшего зла, не избегать компромиссов, но при этом – твердость и готовность вовремя к решительнейшим шагам. Откуда бы взялся такому политику в стране, где государственные деятели как таковые, в принципе, давно уничтожены и заменены властителями и аппаратчиками? Неидеальный Ельцин совершил подвиг, перестав быть одним из них, сохранив человечность, совесть и мужество. Но политической школы взять было негде и неоткуда.

Для успеха дела было крайне желательно, чтобы (задолго до перевода Ельцина из Свердловска в Москву) перестройка (без кавычек) началась прежде "гласности". Я писала об этом еще в 1988 году, когда поняла, что в Горбачеве Россия тянет пустой номер.

Мы здесь говорим не столько о вещах текуще-политических (автор еще не знает, чем, как и когда разрешится противостояние конца сентября 1993 года), сколько о проблемах долгосрочных. О том, как они преломляются в злобе дня. А потому – еще одно наблюдение. Некая группа молодых тележурналистов эпохи "гласности" мужественно (говоря это без тени иронии) разоблачала "застой", "сталинщину", замахивалась довольно серьезно уже и на "ленинщину" и, что самое главное, последовательно оппонировала Горбачеву. В свое время она

поддержала борющегося Ельцина. Апогеем этой поддержки были августовские дни 1991 года, когда эти (обобщенные мной) журналисты пошли на серьезный риск. Перешагнем через месяцы.

Когда Ельцин стал все глубже входить в конфликт с реставрационно-реваншистскими силами, когда его реформаторские усилия стали захлебываться в их сопротивлении, усиленном объективно растущей сложностью ситуации, вышеозначенная команда вольных стрелков вдруг стала отодвигаться от Ельцина, создавая вокруг него недоброжелательный вакуум. Шаг за шагом подвел этих лепщиков общественного мнения к тому, что оппозиция реформам приняла в их интерпретации очертания некоего гонимого и дискриминируемого начала. Ельцин – власть, значит ему следует оппонировать. Его противники – “оппозиция”, значит ей надо предоставлять, по меньшей мере, такое же право голоса, как власти. Только в те моменты, когда “оппозиция” (мощные силы Системы, с которой лишь начато было сражение) оскаливала клыки и хватала за икры самих журналистов, последние отчасти опминались в своем самоубийственном и убийственном “объективизме”. Но как только президент делал решительный шаг, значительная часть “либеральной” media протягивала руку “гонимым”. В своем поистине безграничном “объективизме” журналисты всех родов media объединялись с “разбойниками с большой дороги” и возникал фантазмагорический профсоюз “работников пера и топора”. “Взгляд” (особенно в “Политбюро” Политковского) становился опасней “Дня”, “Пульса Тушина” и “Молодой гвардии”, потому что ему привыкли верить. Перигеем взгляда стало 24 сентября 1993 года, когда трибуна “Политбюро” была предоставлена “эксклюзивам” стрелцов Белого дома.

Что видится в этой синусоиде подъемов и грехопадений “оппозиционной” образованщины?

Верность принципу последовательной беспринципности. Поддерживается не определенная линия политического поведения, программа, идея, мировоззрение. Поддерживается не **власть** (какова бы она ни была), а **оппозиция власти** (тоже – в чем бы одна другой ни оппонировала). Так, западные леволиберальные “правозащитники” рефлексивно поддерживают любое “меньшинство”, на чем бы последнее ни стояло, из кого бы ни складывалось, вплоть до уголовников, террористов и сатанистов. По своей сознательности этот рефлекс поддержки сравним разве что с рефлексом котенка, преследующего любой движущийся от

него предмет: клубок ниток или бумажку на веревочке.

Нет программы, нет субстанта собственного миропонимания, позволяющего выбрать соратника и направление, – есть рефлекс ложной объективности, беспринципного объективизма. И этот инстинкт заставляет поддерживать смерть против жизни, бездну против земли и неба.

К силам, срывающим стабилизацию, следует отнести не только старую номенклатуру всех модификаций, но еще и романтиков “права наций на самоопределение вплоть до отделения” – с одной стороны, и фанатичных “единице неделимцев” – с другой.

Как часто и на скольких языках говорят о том, что большевики реставрировали Российскую империю и продлили ее существование. В эмиграции многие старые “неделимцы” и “государственники” простили Сталину все грехи за то, что он приумножил к 1945 году империю. А ведь большевики создали не классическую империю, снившуюся старым “неделимцам”, а совершенно особое государственное образование. И создали так, чтобы безболезненно для любой из его частей ни одна из последних “самоопределиться вплоть до отделения” не могла. Не случайно гимн этого странного образования начинался весьма парадоксально: “Союз **нерушимый** республик **свободных** сплотила навеки Великая Русь”.

Если бы старая Российская империя благополучно дожила до той поры, когда окончательно распались классические империи, она, может быть, и рассталась бы с несколькими окраинными скорее странами, чем губерниями (или землями), но не претерпела бы при этом значительного для себя ущерба. Внутренние иногородские анклавные отпадать от нее не собирались. Экономика была свободной и быстро развивалась. Внутреннее деление носило, в основном, характер административно-территориальный, а не этнический. Но призрак сепаратизма окраин преследовал Россию и до 1917 года. Она страшилась ущерба своему великодержавию, хотя осталась бы великой страной и без жаждущих самостоятельности своих нерусских окраин. Империя предпочла, однако, в гражданской войне уступить козырной туз “права наций на самоопределение вплоть до отделения” большевикам. Конечно, у большевиков это была крапленая карта, как вся их колода. Но они успели провести свой разрушительный маневр, как всегда, вовремя.

Что оставил большевикам Сталин?

“Национальные” республики, края и области, нарезанные так, что различные этнические анклавные перемежались друг с другом, вклини-

вались друг в друга и "самоопределились вплоть до отделения", не вступая в конфликты с соседями, никто не мог. Да кто и позволил бы?

Перемешанное переселениями, "организованными наборами" ("оргнаборами") рабочей силы, депортациями, репрессиями, распределениями специалистов, военной службой, "великими стройками" и т.д. и т.п. население. Огромную диаспору русских во всех национальных регионах. Ничего сходного по масштабам с этой диаспорой царская Россия не знала.

Центр управления (плохого, но внеконкурентного) всем народонаселением и всей собственностью государственного монстра был сосредоточен в Москве. Сложилась (в огромной мере – искусственно, т.е. целенаправленно) такая специализация регионов, такое районирование сельскохозяйственных культур, такое расположение добывающих, обрабатывающих, перерабатывающих, энергетических и т.п. отраслей и их предприятий, что ни одна территория, даже сравнимая по площади с крупной развитой европейской страной, не может себя прокормить, обогреть, осветить, одеть и обуть в одиночку. И связи успели стать органичными.

Что произошло при ослаблении гнета? Респубблики (а в каждой из них – свои анклав) стали рвать почти вековые, а в значительной части – и куда более давние связи, рушить специализацию и кооперацию, иными словами – уничтожать последние признаки хоть какой-то упорядоченности в своем совокупном существовании.

Они ломали монополизированное государство произвольное, деспотическое псевдоправо. Но у них, как уже было подчеркнуто, не было приготовлено взамен никакого иного права. Их сложное и многоаспектное взаимодействие лишилось всяких канонов. И это притом, что жить друг без друга они не могли, не могут и долго еще не смогут.

К чести России следует сказать, что со дня обретения ею независимости ее президент всеми силами и в разных формах пытается восстановить горизонтальные связи и общее экономическое пространство бывшего СССР. Но охмелевшие на непривычной свободе сепаратисты шарахаются от любых попыток правительства России и нескольких трезвых руководителей других бывших республик бывшего СССР создать хоть какую-то возможность функционирования **объективно** единой (**еще и надолго**) экономики. А русские "великодержавники" бьются в падух при любом, самом сдержанном предложении признать распад СССР совершившимся фактом и искать другие формы взаимных связей. Получается так, что

истощный визг "неделимцев", рев "партии войны" (А.Козырев) перекрывается разве что стрельбой на отсепарировавшихся окраинах. Здоровые голоса этим ревом и треском экстремисты пытаются заглушить.

На суверенных окраинах бывшей советской Ойкумены нарастают полувнешние-полумеждоусобные войны.

Есть ли сейчас в России легитимная власть? Только президент, всенародно избранный и всенародным же референдумом поддержанный. Вице-президент, к сожалению, оказался одной из двух крупных промашек президента. Первой был Хасбулатов. Глядя на Александра Васильевича Руцкого, я всегда вспоминаю один из анекдотов славной чапаевской серии:

– Ну, и дуб ты, Василий Иванович!

– Да, Петька, я силен!..

Итак, российский президент легитимен. Ельцину ставят, правда, в укор, что вышел он из партийных боссов, а не из диссидентов. Но это еще – как смотреть. В партии, из которой он вышел до 1991 года, Ельцин был диссидентом с 1987-го. И диссидентом не шуточным: досталось ему от Горбачева в Кремлевке – как иным в психушке.

Но он и до партии, до номенклатуры, и в годы своего производственного, а затем и партийного роста был человеком неуступчивым и неконформичным. В партию шло тогда много активных молодых людей еще и потому, что хотелось расти в своем деле, а высоко ли добились без этого пропуска? Был энергичен, имел организаторские и лидерские способности, глубоко над проблемами общими не задумывался. Один из многих, но в чем-то прямой и смелей других.

В своей живой и непосредственной, журналистом Юмашевым записанной "Исповеди на заданную тему" Ельцин рассказывает:

"После защиты диплома через час я уже сидел в поезде, ехал в Тбилиси на игры первенства страны. Так получилось, что все лето после института я проездил по соревнованиям: то первенство страны, то вузовский турнир в Ленинграде, то кубок страны в Риге. Вернулся 6 сентября и пошел оформляться на работу, куда меня направили по распределению, в трест "Уралтяжтрубстрой".

Как всякому выпускнику вуза, мне предложили должность мастера на строительстве промышленных объектов. Я сказал, что мастером пока работать не пойду. Когда учился в институте, пришел к выводу, что хотя и сильный состав преподавателей был в Уральском политехническом институте, тем не менее некоторые профессора, доценты – те, кто был

оторван от производства, – слишком академично преподавали свои дисциплины, не связывая их с реальной жизнью производства. Поэтому сразу руководить стройкой, людьми, не прощупав все своими руками, – я считал большой ошибкой. По крайней мере, точно знал, что мне будет очень трудно, если любой бригадир с умыслом или без умысла сможет обвести меня вокруг пальца, поскольку знания его непосредственно связаны с производством.

Поэтому я решил для себя, что год посвящу тому, чтобы освоить 12 строительных специальностей. Каждый месяц – по одной. Месяц я проработал наравне с другими рабочими в бригаде каменщиков, вел кирпичную кладку – сначала простую, потом посложнее.

Работал не по одной смене, а полторы-две для того, чтобы быстрее наработать опыт. Рабочие хоть и посмеивались над жадной молодого специалиста пойти, так сказать, в народ, тем не менее помогали мне, подбадривали, в общем, внутренне поддерживали меня.

Месяц я работал, а после этого соответствующая комиссия присваивала какой-то разряд, обычно третий-четвертый. Вскоре я получил профессию каменщика, бетонщика. Кстати, очень тяжело мне давалась именно работа бетонщика, хотя я физически вроде крепкий, но по очень узким и высоким лесам быстро бежать с тачкой жидкого бетона было очень сложно. Если ее накренить, то сразу центр тяжести перемещается, и несколько раз я вместе с тачкой летел метра три вниз; к счастью, все кончалось благополучно, потом все-таки я и это дело освоил. Затем получил профессию плотника, месяц возил бетон на автосамовале ЗИС-585".

Не очень стандартно, правда?

А вот – характер:

"Мастером мне работалось довольно легко, хотя, конечно, были различные случаи. Например, пришлось повоевать с выводилкой, она живуча. К сожалению, строители к этому привыкли. Когда я начал строго обмерять кирпичную кладку – сколько использовано бетона, сколько того, другого – возникли сложности. Постепенно все-таки вопрос отрегулировался, люди стали понимать мою правоту, да и рабочая совесть – это не пустой звук. Дело наладилось.

Когда мастером работал, было немало других сложных, забавных, непростых ситуаций. Например, работали с заключенными. Я сразу решил сломать традицию, когда им выводили такую заработную плату, какую они диктовали, а не ту, что заработана на самом деле. Когда

первый месяц закончился, я просчитал объемы и зарплату. Она оказалась в два с лишним раза меньше, чем они привыкли получать.

И вот заходит ко мне в маленькую комнатку мастера такой громила, с топором в руке, поднимает его, заносит надо мной и говорит: "Закроешь наряды так, как полагается? Как до тебя, щенок, всегда закрывали?" Я говорю: "Нет". – "Ну тогда имей в виду, терять мне уже нечего, прибью тебя и не пикнешь". Я чувствовал по глазам, что он совершенно спокойно грохнет мне по башке, даже не моргнет.

Я мог, конечно, увернуться или попытаться физически с ним как-то справиться, хотя тесно, комнатка маленькая, а топор он уже над моей головой занес. И тогда я решил действовать неожиданно. Голос у меня очень громкий, сильный, да еще в этой комнатке... И я во все горло как рыкну, причем резко, глядя в глаза: "Пошел вон". Вдруг он опустил топор, выронил его из рук, повернулся и, согнув спину, молча вышел. Какой винтик у него там сработал, трудно сказать.

Кстати говоря, я всю жизнь терпеть не могу брани, в институте даже со мной спорили, употребляю я или нет за целый год хотя бы одно нецензурное слово. И каждый раз я выигрывал. Поэтому я просто не приучен и сейчас никогда не употребляю. То есть сейчас-то тем более.

Затем меня назначили главным инженером управления №13. Управляющий был Николай Иванович Ситников – человек оригинальный, мягко говоря, упрямый, злой, и его упрямство доходило иногда до элементарного самодурства. Отношения у нас сложились странные: скажем, он приезжает, нашумит. Но если я считал, что прав, – не подчинялся, делал по-своему. Это его бесило. Едешь с ним в машине, поспоришь, он останавливает машину где-нибудь на полпути: "Вылезай!" – "Не вылезу. Довезите до трамвайной остановки". Стоим полчаса, стоим час, наконец, он не выдерживает, поскольку куда-то опаздывает, хлопает дверкой и довезет до трамвая. Или, скажем, вызывает к себе, начинает ругать последними словами: такой-рассякой, что-нибудь не так, хватается за стул, ну, и я тоже, идем друг на друга. Я говорю: "Имейте в виду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее – я все равно ударю первый". Вот такие были отношения.

Несколько раз он ставил вопрос в горькое, чтобы меня сняли с работы, а я уже был начальником управления. С коллективом я неплохо сработался, горьком не давал меня уволить, в это время вторым секретарем работал Федор Михайлович Морщаков – человек интересный, умный, и он не раз меня выручал.

Однажды управляющий мне в один год объявил 17 выговоров – это было рекордом”.

О сути партии и партийности поначалу не слишком задумывался:

“Вообще же это только в последнее время мы стали размышлять о негативной роли вмешательства партии в хозяйственные дела. Тогда и хозяйственники и тем более партийные работники считали это совершенно в порядке вещей. И я так считал, и для меня было совершенно естественно, когда я получал вызов одновременно в несколько райкомов партии на совещания, правда, естественно, пытался увернуться от всех этих заседаний, но то, что они проходили, то, что там с помощью накачек, выговоров и так далее решались многочисленные хозяйственные и прочие проблемы, – это было сутью существования системы, и никаких вопросов или возражений не вызывало. Главное, чтобы не попался какой-нибудь райкомовский аппаратчик-зануда, который своими глупостями или манией величия может сильно испортить жизнь.

...Вообще же однажды подсчитал, что одновременно меня могут вызвать в 22 организации, начиная от семи райкомов партии, и райисполкомов, где мы строили объекты, и заканчивая обкомом партии”.

Вот в Москву его не стоило переводить, ибо там быстро сошелся с людьми, которые помогли задуматься. В 1988 году уже встречались в его речах абзацы из хорошо известных только специалистам крамольных системно-экономических сочинений. Правда, не заковыченные: мысли стали своими. А в 1988 году Ельцин (еще при партбилете будучи) писал так:

“Наверное, самое главное – это вопрос о собственности. Признать частное или индивидуальное, кому как нравится, владение на собственность – и рухнет основной бастион, на котором держится государственный монополизм на собственность и все, что с ним связано, – государственная власть, отчуждение человека от собственного труда и т. д. Второе, наверное, не менее важное – вопрос о земле. Лозунг “Земля крестьянам!” сейчас еще более актуален, чем семьдесят с лишним лет назад. Только если на земле появится хозяин, страна будет накормлена. Далее, децентрализация власти, экономическая самостоятельность республик и реальный суверенитет.

Почему я всегда был одним из тех, кто дос-

таточно спокойно относился к лозунгам о немедленной многопартийности? Да потому, что сам факт существования многих партий еще ничего не решает. В Чехословакии, ГДР еще совсем недавно имелось несколько партий, но социализм до последнего времени там был казарменным, брежневско-сталинский вариант со своими деталями. Сейчас он рухнул там, но многопартийность тут ни при чем. В Северной Корее, кстати, тоже много партий.

Так что до многопартийности, настоящей, цивилизованной, нам еще надо расти и расти. И еще одно замечание. Пока у нас нет многопартийности. Но ведь это иллюзия, что у нас одна партия. Единая и непобедимая. На самом деле, если у нас в одной КПСС состоят Юрий Афанасьев и Виктор Афанасьев, Ельцин и Лигачев, депутат Самсонов и депутат Власов, полные антиподы и по позициям и по поступкам, значит, мы уже совсем запутались в понятиях и забыли вообще, что такое партия. И поэтому я предлагаю срочно принять Закон о партии, в котором закрепить положения о том, что партия является частью общества, а не государства, а также то, что граждане свободны объединяться в общественные организации и партии”.

Он еще в партии, но он уже в ней диссидент (вскоре его начнут пытаться искалечить физически). И в президенты он избран был с уже совершенно антипартийной программой.

И когда мы говорим о том, что Ельцин и люди, вставшие с ним рядом, не знали, как начинать реформы (страна к тому времени была почти разрушена), то здесь есть неточность. Кабинет Ельцина-Гайдара имел удовлетворительный и поддающийся текущей коррекции план реформ. Его взорвали, перемесили, нейтрализовали верховносоветские коммуно-нацистские законодатели. Только на то и способные, чтобы как нищий портняжка латать разноцветными заплатами дырявую сталинско-брежневскую конституцию. Они планомерно, с маниакальным упорством срывали реформы. А обстановка ухудшалась, и план, вчера еще удовлетворительный, становился нереалистическим.

И новые уклады собственности, едва-едва зародившись, “дичали”, потому что правовую основу нормального предпринимательства красно-коричневые “депутаты в законе” не давали и не дают создать.

Как уже было сказано, нынешние эпигоны большевиков, нацистов “и примкнувшие к ним” совершают роковую ошибку: то, что представляется им “порядком”, и есть первопричина распада. В эти меха уже не влить никакого вина, ни старого, ни нового. Их не залатать, не

перелицевать, не подкroить. Как же нейтрализовать активность безумцев теперь, когда возможности августа (и только ли августа?) утеряны? Все еще видятся как единственный выход быстрота и правотворческий натиск президента и сплочение вокруг него сильных политиков. Почему натиск должен быть именно правотворческим, то есть создающим **новое** право? Ведь когда говорят о том, что капитализм в России не просто "дикий", но и сплошь криминальный, иногда – зверино-дикий и уголовный, то причина тому, в основном, одна: полное отсутствие "четкой, ясной и воспроизводимой" (Н.Винер) основы для каких бы то ни было частнохозяйственных действий. И если не полагаться только на журналистику, профессионально влюбленную в сенсации и дурные вести, и на "письма трудящихся" (отчасти, по-прежнему, и инспирируемые прежними же инспираторами), то возникает перед глазами интересная последовательность, о которой мы уже упоминали. Вся деятельность депутатского корпуса (и съезда, и Верховного совета), а также, в основном, и Конституционного суда, направлена против создания правовой основы, которая ввела бы "четкую, ясную и воспроизводимую" упорядоченность в процессы, которые без такой упорядоченности становятся и хозяйственно, и нравственно, и экологически "дикими". Более того: ускоренно-разрушительными и растлевающими!

Но нельзя же возлагать одинаковую ответственность на сторону, пытающуюся ввести подобную правовую упорядоченность во вновь возникающие процессы (Ельцин и его работающие единомышленники), и на сторону, сознательно этому препятствующую! Именно эта, вторая сторона еще более дика, чем "дикий капитализм", ибо она **не понимает**: все попытки загнать джинна в старый котел кончатся взрывом котла. Я думаю, что основная масса лидеров реванша и реставрации этого, действительно, не понимает. Ибо не самоубийцы же они все, в конце концов, вместе с семьями

и потомками?

Что нужно бы реформаторам? Конечно же, прежде всего четкая, очень четкая программа действий, тактическая и стратегическая. **Но** и: поддержка, организованная и деловая, здравомыслящей части общества, в том числе, расчет в самом крайнем случае и на военных. Бессонная разъяснительная работа в народе. Народ и силовые структуры общества в лице их командования и большинства офицеров должны понять: без реконструкции всех властных структур государства и без стратегического единения новых структур никакая терапия, ни шоковая, ни бархатная, Россию в условиях хаоса не вылечит, потому что врачи, которых толкают под локти, лечить не могут.

И, пожалуй, надо бы помнить и объяснять всем, кто надеется на обратное или боится обратного: Россия – это единственная среди всех ныне независимых (или рвущихся к независимости) частей бывшего СССР, которая может стать великой и могучей державой и без помощи тех, кто не хочет быть с ней в равноправном союзнчестве. Для этого силам ее реформации нужна **сейчас** политическая победа внутри России (сентябрь 1993. Надеюсь, что к моменту выхода этой статьи в свет заменять "сейчас" на "была" не придется).

И только бы не отступил и не смягчился Ельцин в полной и бесповоротной нейтрализации Съезда народных депутатов, который сползается в зал заседаний распущенного (во всех отношениях), но не самораспустившегося Верховного Совета...

Так заканчивается эта статья в сентябре 1993 года.

В таких обстоятельствах была ли иная дорога, чем та, на которую вступил Борис Ельцин в те дни? Не было.

На этом оборвем ретроактивные размышления. чтобы вернуться в ближайшее время к итогам истекшего после октября 1993-го полугодия.

Печатается в порядке дискуссии

Юрий Линник

Несколько мыслей о России

I. Природа власти

У меня есть амбиция: начать "хождение во власть". Вы улыбаетесь? К счастью, я тоже. Опыт подсказывает: надо остерегаться тех, кто идет к власти с мрачной серьезностью. И надо проваливать их на выборах. Сегодня заслуживают внимания те претенденты, которым

присуща врожденная веселость духа. И способность к самоиронии, помогающая поддерживать устойчивую обратную связь с действительностью. И еще – игровое начало.

Глубоко убежден, что все прекрасное – и политика здесь не является исключением – рождается в лоне игры. Имею в виду не политические игры с их подножками и подсидами, а

нечто совсем другое: стихию свободного творчества народа и власти, когда как бы играючи рождаются успех и благосостояние. Демократия вся как есть выросла из игры. Чего стоят выборы без игрового момента? Или экономика без биржевой игры? Там, где не умеют играть – там еще не знают свободы. Игровой азарт способен перейти в настоящую пассивность. А как без этого качества победить одолевшую нас апатию? Игра фундаментальна. Используя словарь детства, скажу так: я хотел бы стать “заводилой” в спасительной игре – только она может расковать спящие силы России. Закваска, фермент игры: я знаю их секреты. Востребуйте это дефицитное знание! Оно не обманет: мы – все вместе – выиграем.

Каждый гражданин хотя бы однажды мысленно входил в роль власть предержащих. “Вот я бы на месте...” Но... знай, сверчок, свой шесток. Тем не менее это есть элемент демократии: возможность малых мира сего примериваться к высоким постам – и говорить вслух, шутя или серьезно, о такой примерке. Это тоже своего рода игра – причем очень полезная для общества. Чем больше людей в нее вовлечено, тем лучше: игра поможет выявить реальных претендентов на власть. Воспитанные в тоталитарном обществе, мы как-то стесняемся играть в эту игру. А зря! Ну какая здесь нескромность – претензия на мандат парламентария? Если речь идет о нравственно здоровых людях, то в подобный хомут они готовы влезть из высших побуждений, отказывая себе во многих радостях простой жизни. На них ложится величайшая ответственность; личного времени у них практически не остается; их безопасность порой оказывается под угрозой. Но есть люди, которых все это не смущает: сладость власти компенсирует любые ее тяготы, давая ни с чем не сравнимую эйфорию. Избиратели должны крепко подумать, что движет тем или иным претендентом. Как тут важна психологическая прозорливость!

Существуют два противоположных стимула власти: стремление к удовлетворению личного честолюбия – и альтруистическое, жертвенное желание помочь стране. Россия много пострадала от властолюбцев. Но здесь искони ценились люди, для которых важна не власть сама по себе, а возможность через ее рычаги помогать отечеству. Символично, что Михаил Федорович Романов вззошел на престол в 1613 г. после долгих уговоров – зачинатель династии не рвался к власти, но принял ее как крест служения. “Бремя власти”: это выражение очень характерно для русского сознания. Народ не

только благодарно, но и сочувственно относился к тем, кто брал на себя это бремя. Осип Мандельштам очень точно писал:

Прославим роковое бремя,

Которое в слезах народный вождь берет...

Трудно эти слезы представить на лицах вождей недавнего времени. Власть для них была не бременем, а желанной добычей: вцеплялись в нее мертвой хваткой. Забота об удержании власти становилась доминантой поведения, заставляя все другое: муки народа, забвение основных духовных ценностей цивилизации. Нет ничего страшнее, когда власть становится самоцелью амбициозных людей, глухих к бедам отечества. Это большая власть. Ее оздоровление в России требует больших усилий. Мы привыкли считать, что власть всегда связана с беспринципностью и ложью; политика в наших глазах – дело грязное. Но возможна другая власть; но мыслима другая политика. Власть может сопрягаться с благородством; политика может быть похожей на искусство. Выбитая из колеи цивилизации большевизмом, Россия должна вернуть утраченное: ей нужна цивилизованная, отмеченная печатью культуры власть.

2. Власть и Бог

Как это ни условно, монархическая власть считается богоданной. Власть освящается Богом и в тех республиканских странах, чьи новоизбранные президенты присягают на Библии. Пусть это всего лишь символика. Но в ней нравственный стержень власти. Если властитель не чувствует Бога над собой, то в шкале его ценностей относительное может возобладать над абсолютным: отсюда все диктатуры на нашей планете; отсюда и ложь популизма. Есть Бог или нет – это дело веры. Но вот самое гениальное изобретение цивилизации: установление над властью некоего высшего метафизического контроля, символизируемого в понятии Бога. Этого контроля давно не было в России. Поэтому жуть богооставленности веет над нашей несчастной страной.

Все основные принципы своей политической программы я вывожу из учения о Святой Троице. Под ее эгидой собиралось воедино наше отечество; она через икону Андрея Рублева, ставшую общечеловеческим символом любви и согласия, вошла в сердца всех россиян – и православных, и инославных. Это в традициях русской мысли: проецировать диалектику Святой Троицы на земную жизнь, пытаясь построить ее в соответствии с удивительным первообразом.

Тут нет никакой утопии – тут все трезво, реалистично. В чем тайна того лада, который излучает Святая Троица? В нераздельности и неслиянности трех ее ипостасей. Самое великое в истории человеческой мысли произошло тогда, когда одновременно прозвучали два этих, казалось бы, взаимоисключающих понятия: нераздельность (единство, связь) и неслиянность (разнообразие, отдельность). Противоположности неисповедимо совместились в едином, но триипостасном Боге, – если мы созданы по его образу и подобию, то диалектика такого совмещения должна быть доступна нам.

Посмотрим сквозь призму Святой Троицы на свою историю в XX веке. Во времена большевизма торжествовала нераздельность (пресловутое “монолитное единство”) при полной слиянности: партия обезличивала все и вся – людей, народы, художественные стили. Но вот пала диктатура – и крен резко пошел в другую сторону. Монолит оказался рыхлым – казавшееся нераздельным распалось. Возобладала неслиянность: каждый хочет жить сам по себе, не думая о других; растет рознь, ширится междоусобица. Сменился тип асимметрии, дисгармонии.

Что следует делать? Прежде всего восстановить баланс нераздельного и неслиянного во всех направлениях социальной жизни.

Слава Богу, в нашей стране на разных уровнях возрождаются ценности личного, частного, индивидуального. Это обнадеживающий процесс. Но очень важно, чтобы он принял не механическую (части существуют сами по себе), а органическую форму (части связаны с целым – и эта связь удешевляет силу частей). Когда каждый хочет урвать только для себя, то в конечном итоге теряет и он, и общество. Быть может, высшая мудрость современной цивилизации заключается в осознании трудной для многих из нас истины: частная инициатива многократно выигрывает, если вписывается в контекст интересов целого.

Станем собственниками: неслиянно выделимся, обособимся от государства. Но в то же время да ощутим нераздельную связь со своей державой! Солидарность частей и целого сегодня жизненно важна для России. Стремиться к этой солидарности – значит, следовать духу Святой Троицы. Ничего мудрее заложенной в ней философии не придумать. Подчеркнем: это не абстрактная, а предельно конкретная мудрость – ее можно воплотить, материализовать в различных структурах общества. Отношения регионов и центра, исполнительной и законодательной власти, национальностей внутри страны, народов в пределах планеты:

диалектика нераздельного и неслиянного обнаруживает и здесь свою эвристичность.

Лучшие периоды нашей истории связаны с благотворным влиянием Святой Троицы на общественную жизнь.

Обратимся к ней и сейчас – нет ничего актуальнее такого обращения.

3. Государство как модель всеединства

Разнородность и многомерность – важнейшие черты России. В ней сходятся – когда согласуясь, а когда непримиримо схлестываясь – противоположности Азии и Европы, язычества и христианства, консерватизма и революционности. Объективно это самая плюралистическая страна в мире. Причем ее плюрализм проявляет себя по-разному: то через устремление к соборной полифонии, то через тягу к анархии и хаосу. Не зря русские философы так интенсивно мечтали о Всеединстве, – эта мечта естественно вырастает из многослойной национальной почвы. В ней много от идеализации, даже от утопии, – и все же лидеры страны обязаны стремиться к Всеединству, как к некоторой асимптоте. Такое стремление должно стать для них нравственным императивом.

Достижению национального согласия в нашей стране мешает конфликт западнических и почвеннических традиций. Преодолевая одностронность, наши избранники обязаны осознать совместимость двух подходов: пусть непримиримую антинормию они превратят в гармоническую дополнительную! Это вполне возможно. Более того: подобный синтез – историческое призвание России. Если она изменит ему, то это будет упущением для всего мира.

У нас есть силы, боящиеся европеизации страны. Но они опоздали! Россия открыла окно в Европу гораздо раньше, чем начались реформы Петра, – тот лишь небывало расширил оконный проем. Россия изначально была европейским государством, которое в силу исторических и географических причин усложнило свой путь, связав его еще и с наследием Азии. Но это усложнение дало России уникальный опыт, – он еще пригодится, когда на повестку дня встанут вопросы гармонизации земной ноосферы как целого. Это опыт соборного согласования разноречивого, разностильного. Россия разработала свою модель единства в разнообразии, – она может оказаться ценной для решения глобальных проблем.

Большевизм оторвал Россию не от Запада, а от цивилизации как таковой, – восстановление разрушенных связей ничуть не грозит на-

шему национальному своеобразию. Ведь не потеряли его передовые страны мира, усвоив единые ценности цивилизации – начала свободы, законности, демократии! Угроза обезличивания, нивелирования содержится в доктринах, враждебных самому духу цивилизации – марксизм здесь надо назвать в первую очередь.

Демократия очень пластична: прививаясь в той или иной стране, она тонко учитывает ее самобытность. Разве английская демократия не отличается от французской или американской? В России универсальные ценности цивилизации тоже наверняка получат свое неповторимое преломление. Думается, что наша демократия унаследует все лучшее из национальных традиций – она вполне совместима с просвещенным патриотизмом. Нераздельно и неслиянно войдя в мировое сообщество, Россия получит возможность по-настоящему раскрыть и реализовать себя.

4. Пожелания лидерам

1) Верить в мистический **дух народа**. Сегодня мы наблюдаем упадок этого духа. Не подняв его, нельзя поднять страну. Лучшим источником духоподъемной тяги является культура, ориентированная на вечные ценности идеализма. Без возрождения культуры невозможно возродить экономику.

2) Строить внутреннюю политику, исходя из новой синергетической картины мира – говоря иначе, больше доверять законам самоорганизации хаоса. Определенная мера хаотизации полезна для обновления России. Однако очень важно научиться вносить в хаос целесообразно действующие аттракторы – различные структуры, излучающие вовне ритм, смысл, упорядоченность. Такие аттракторы разнообразны: это и яркие личности, и оригинальные идеи, и новаторские предприятия. Синергетика выяв-

ляет великие творческие ресурсы свободы. Дабы поднять тот или иной регион, порой полезно оставить его в покое: жизнь там наладится сама собой – без всякого внешнего принуждения или допинга. Центр призван помочь людям на местах ощутить, какой огромный потенциал несет в себе свобода – он тонко направляет процессы самоорганизации во всех уголках России, интегрирует эти процессы, однако не претендует на управление ими. Свобода направляема, но не управляема: это принципиальное различие должен усвоить каждый носитель нового сознания. А лидеры страны – в первую очередь.

3) Возобновить и освятить исконно личную, единоличную связь человека с землей. Передать землю крестьянам, но не перекупщикам. Дабы такая передача стала реальностью, а не фикцией, необходимо возродить само крестьянство, уповав на то, что его гены сохранно прошли через ад большевизма. Бережно, усилиями всей страны, возвращать тех, кто сумеет пустить прочные родовые корни в землю. Создать в России широкую сеть сельскохозяйственных институтов, колледжей, школ. Связать конверсию с интересами аграрной индустрии.

4) Поощрять частную инициативу, развивать новые формы кооперации и солидаризации. Осторожно экспериментировать в поисках “третьего пути”, памятуя о том, что народу чужд и социалистический коллективизм, и капиталистический индивидуализм. Развивать доктрину “филантропического капитализма”, для которого главное свойство собственности – возможность ее служения альтруистическим целям. Освобождать от налогов производителей, вкладывающих прибыль в социально значимые программы.

5) И самое главное: надо вернуть веру в будущее страны. Веру в самих себя. Веру в смысл жизни.

После войны я познакомилась в Мюнхене с немолодой русской дамой, жившей до бегства в Германию со своей семьей в Сербии, в Новом Саду. К русским эмигрантам в Сербии относились хорошо, но несмотря на это никак не могли понять разницы между ними и советскими русскими. “Отчего вы бежите? – спрашивали эмигрантов в конце последней войны. – Ведь сюда идут ваши же, русские”. Перефразируя А. К. Толстого (“ты народ, да не тот”), они отвечали, что, мол, русские, да не те. Их не понимали. В квартире добрейшего бургомистра города висели рядом портреты императора Николая II и портрет Сталина, и он говорил: “Это батюшка Николай II, а это батюшка Сталин”. Мои знакомые перед своим бегством посоветовали ему снять со стены портрет батюшки Николая II и фото, где бургомистр стоял рядом с сербским наследником престола, фото было сделано, когда последний посещал еще до войны Новый Сад. Бургомистр широко раскрыл глаза: “Но зачем? Мне никто ничего не сделает, я же не делал ничего дурного”. Как потом узнали мои знакомые, титовцы его повесили.

Нам в руки попала напечатанная в газете "Ди Вельт" статья Богдана Богдановича, профессора урбанистики и писателя, сербского оппозиционера, живущего сейчас в Вене. Нам эта статья показалась интересной и для русского читателя в связи с контактами современных русских неолевых с сербами вокруг Милошевича и с ним самим. Мы предлагаем читателю статью в переводе с немецкого.

В.Пирожкова

Богдан Богданович

Воскресение Сталина

Как Милошевич поддерживает культ советского диктатора

Шесть лет тому назад, осенью 1988 г. я опубликовал в Загребе свою первую книгу "Развязанные узлы ментальных ловушек сталинизма". В то время понятие сталинизма было самым подходящим словом для объяснения неожиданного и brutального прихода к власти Слободана Милошевича.

Вскоре появились новые относительно подходящие термины: национал-сталинизм, национал-коммунизм и даже не без основания национал-социализм в том смысле, в каком он уже известен в истории. Затем возникли еще разные термины, коммуно-фашизм, популизм и т. д. Ни один из этих терминов не является правильным, но и ни один не охватывает всего объема мрачного явления. Одним словом "сталинизм" – было пока упрощенное название перверсированного духовного, морального и даже парарелигиозного комплекса, который тогда возникал.

Сегодня систему Милошевича, – а это уже система, – нужно уточнить и назвать постмодерным сталинизмом, так же, как и набирающих снова значение европейских крайне правых можно характеризовать как постмодерный фашизм.

Уточнение стало необходимым, поскольку Милошевичу совсем не нужна сталинская техника власти и его открытые преступления. Гулаги получили слишком дурное реноме, а он уже и так превратил всю Сербию при помощи телевидения в сплошной Гулаг. Он заменил сталинскую фобию действенной хитростью, которая вызвала полудобровольную эмиграцию и "народную юстицию". В случае Милошевича дело идет о более глубоких корнях сталинизма, чем обычно думают. Между прочим, в балканском славяно-православном окружении имя Сталина звучит иначе, чем в обыкновенном словаре западных интеллектуалов. У нас до сих пор почти невозможно отличить эмоциональные представления о сталинизме от традиционных славянофильских фантазий, которые, возможно, придется проверить, чего не дай Бог, в дальнейших балканских событиях в духе Жириновского.

Превращение Иосифа Виссарионовича Сталина в божество перед второй мировой войной было вызвано не только экзальтированностью "классово сознательных коммунистов". В 30-х гг. и даже во время самых страшных преступлений Сталина в Советском Союзе левая подпольная пропаганда предлагала сербскому народу образ Сталина как добродушного дедушки, который любил и понимал простых людей из народа, восхищался народными песнями и танцами и не стеснялся помогать заслуженной народной артистке. Мы уже не упоминаем о его любви к детям, известном атрибуте всех диктаторов. Сталин, называемый Кобой, был для наших немного наивных людей что-то вроде отца, патриархального главы старославянского общества, который в случае нужды может твердой рукой – отчего бы и нет? – навести порядок, особенно там, где, согласно народному мнению, порядок особенно нужен, именно среди интеллектуалов. Собственно говоря, за золоченой иконой всегда скрывался какой-то мистериозный коммунизм, который многим угрожал, но многим очень много обещал, но он был очень далеко, так что и существовал и не существовал, оставался пустой и не очень опасной угрозой.

Несмотря на это, в Сталине видели "своего человека", который в решающий момент всегда знал, что нужно делать, например, когда сербские братья попадали в очередную перепалку. Почти невероятно, с какой тихой надеждой рассчитывали четники в их борьбе с титовскими партизанами на вмешательство Сталина в их пользу. Эта фасцинация очень глубока, и ее невозможно анализировать рационально. Тем более, что в культе Сталина появились элементы, которых не было в прежней наивной любви к матушке России. Если мы оставим в покое обещания коммунизма, которые были особенно впечатляющими от того, что полностью вписывались в традиционную миссию славянского Третьего Рима, можно заметить на темном фоне культа Сталина также движущую силу грубого мистицизма, до сих пор неизвестного, но глубоко за-

ложенного в балканском подсознании.

Массовые убийства и их идеологическое и даже богословское оправдание трудно объяснить одной идеологизацией. Где-то в подсознании живет “метафизическая” основа традиции шаманов и дервишей, неизбежное воспоминание о преследовавшихся русских сектах староверов и беспоповцев, традиция религиозного экстаза глотателей огня и других садомазохистских сект. Позже, когда после войны стало уже многое известно о преступлениях Сталина, его сатанинская аура в его приверженцах только укрепила внутреннюю связь с ним. Даже после югославского разрыва с Информбюро и brutального преследования его верных сторонников загнанное в подсознание явление Сталина все еще носило характер идола. Культ Сталина был официально запрещен, его образ как будто разрушен, но идол

Сталин только спустился в подземный мир демонов и богов и прочно вписался в популистское подсознание.

Слободан Милошевич и его жена не реабилитировали официально черного бога, но втихомолку заклятие на него было снято. Остается вопрос, имеющий огромное общественное значение: насколько госпожа и господин Милошевич остались адептами этого тайного культа. Нельзя оставить без внимания, что оба уже в своей молодости, отчасти под влиянием очень темных семейных трагедий, были тесно связаны с этим подпольным культом, с перверсированными понятиями славянской миссии православной матушки России, так что по крайней мере теоретически здесь снова открываются несколько возможностей восстановления культа черного бога, так же, как и в его собственной стране.

В. Пирожкова

Потерянное поколение

(Продолжение)

Часть вторая

Глава первая ВОЙНА

Если человек замурован в могильном склепе и начинает задыхаться от недостатка кислорода, то, услышав, что кто-то ломает стенку склепа, он бросится к дыре, чтобы вдохнуть свежего воздуха, не спрашивая, кто именно сломал стену, благородные спасатели или же грабители могил.

В эпилоге романа Б.Пастернака “Доктор Живаго” приведен разговор между Дудоровым и Гордоном. Гордон рассказывает о концлагере, где он сидел. Дудоров сочувствует ему, но потом говорит: “Удивительное дело. Не только перед лицом твоей каторжной доли, но по отношению ко всей предшествовавшей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобства, война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления.

Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучать людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидному. Отсюда беспримерная жестокость ежовщины, обнародование не рассчитанной на применение конституции, выборов, не основанных на выборном начале.

И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы.

Люди не только в твоем положении, на каторге, но все решительно, в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всей грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной”.

Конечно, я читала далеко не все отклики на этот нашумевший роман, но ни в одном, которые я читала, не указывается на эти слова. А между тем, они очень глубоко показывают тогдешнее состояние. Не только коллективизация была ложной мерой – Пастернак говорит еще осторожно, коллективизация была дьявольской мерой, – но и весь коммунизм был ложной доктриной, и надо было убеждать людей видеть то, чего не было, говорить то, чему они не могли верить. Тяжелая липкая ложь, “колдовская сила мертвой буквы” окутывала нас, не давала дышать. Конечно, не все это одинаково остро чувствовали, но те, у кого она отнимала дыхание, были действительно как замурованные в могильном склепе.

Слова Пастернака о **колдовской** силе мертвой буквы не следует понимать как метафору. Это была страшная реальность. Я лично все время ощущала, что Сталин действует точно не

сам, хотя диктатора с такой полнотой страшной власти вряд ли можно было найти еще раз в мировой истории. И тем не менее у меня и, вероятно, не у меня одной было ощущение, что Сталин – что-то вроде робота, за спиной которого кто-то стоит и им двигает. Уже одно то, что он действовал как машина, как казалось, без гнева или ненависти, как например Иоанн Грозный, но и без малейшего сострадания, хотя бы в виде прихоти, что у того же Иоанна Грозного бывало. Даже дочь Сталина Светлана Аллилуева подтверждает, что если человек попадался в его клещи, то напрасно было убеждать Сталина, что этот человек даже и по его меркам ни в чем не виновен, он уже перемалывался на зубьях его машины. И вот это ощущение вызывало разные домыслы, то что за Сталиным стоит “еврейская клика”, то один Каганович, то масоны или еще кто-то.

Когда я уже училась после войны в Мюнхенском университете, то как-то зашел об этом разговор с моим тогдашним наставником Ф.А. Степуном. Я рассказала о своем ощущении. Федор Августович ответил мне очень серьезно, я никогда не забуду выражения его лица при этом разговоре: “Вы правы, – сказал он, – за Сталиным кто-то очень явно стоит, но это не какой-то другой человек или другие люди. За ним стоит дьявол”. И мне вдруг стало ясно: в самом деле, ведь невозможно представить себе человека или даже группу людей более жестоких, более коварных, хитрых и ловких, более беспощадных, чем Сталин. Что за нелепость, не доверяя возможности, что человек может совмещать в себе все эти негативные качества, переносить эту же возможность совмещения на других людей, кто бы они ни были. Это выходит за человеческие рамки. За Сталиным стоял поистине почти открыто сам дьявол.

И это дьявольское стояние за Сталиным не кончилось с его смертью. Невольно вспоминается повесть Гоголя “Портрет”, где часть жизни дьявольского ростовщика перешла в его портрет, хотя и кажется этот ростовщик со всеми его кознями таким мелким по сравнению с тем, что пережили и переживаем мы. Но часть жизни, за которой стоял дьявол, перешла в имя Сталина. И сейчас нам пытаются доказать, что Сталин был действительно “отцом народов” или хотя бы “отцом страны”. Тонко и лукаво пытался внушить монархистам, в том числе и монархически настроенной эмиграции, что Сталин намеревался восстановить столь любимую ими монархию, талантливый писатель В.А. Солоухин. Еще в июле 1991 г. он давал интервью, в которых утверждал, что Сталин готовил восстановление монархии. Он, Солоухин, не сражавшийся во время войны в армии, а охра-

нявший Кремль и Сталина, видел, как свозились в Кремль монархические инзигнии. Но Сталин пробыл после войны еще почти 8 лет абсолютным диктатором, никто не мешал ему восстановить монархию. Он этого не сделал и делать не собирался, конечно. После августа 1991 г. Солоухин замолчал. Нам, по крайней мере, неизвестно, чтобы он выступал или давал интервью в эти годы. Подымет ли он еще когда-нибудь сталинское знамя, как его коллега, в прошлом тоже талантливый писатель В.Распутин, поднял знамя национал-коммунизма, мы не знаем. Но более мелкие личности это сталинское знамя усиленно поднимают. Вот Михаил Антонов, сотрудничавший или все еще сотрудничающий в распутинской газете “Литературный Иркутск”, написал в газете “Правда” (№214 /27168/, 27.12.93) статью под названием “Откровения оракула “святого православия”. М. Антонов выставляет себя весьма верующим православным и пишет в означенной статье: “Сталинская монархия, на мой взгляд, оказалась продолжением не романовской, а московской государственности и одновременно – **высшим этапом развития русской государственности вообще**”. (Подчеркнуто самим автором). Вот как! И восстанавливать монархии не надо было: диктатура Сталина уже была монархией и высшей точкой развития русской государственности. Понимает ли автор, **что он пишет?**

Несколько с другой стороны воздаёт похвалы Сталину некто Алексей Румянцев, редактор газеты “Дело”. Согласно его статье в “Молодой Гвардии” (№11–12, 1993 г.), Сталин нашел наилучшее решение национального вопроса в многонациональном СССР и все нации при нем процветали (за рубежом была как-то опубликована подходящая карикатура: Сталин 16 раз в разных национальных костюмах 16-ти союзных республик, он-то процветал в любых костюмах). Румянцев разыгрывает не монархическую сторону Сталина, а, наоборот, пролетарскую: призывает к объединению рабочих, патриотов и сталинцев. Патриотическая нота у него присутствует так же, как и у М. Антонова и многих других современных сталинцев.

И все это страшно. Когда он был диктатором, Сталин опутывал нас дьявольской липкой страшной ложью. Теперь такой же дьявольской ложью уже о нем, о его диктатуре пробуют туманить мозги русских его поздние последователи. Безразлично, верят ли они сами в эту ложь или нет, она дьявольски страшна. Часть дьявольской силы осталась в портрете и в имени.

Когда мы полностью осознали, что мы находимся в состоянии войны, мы поняли, что

Псков очень скоро будет занят немецкими войсками. В боевую силу красной армии мы не очень верили и, кроме того, знали, что очень многие солдаты сражаться за коммунистов не хотели. Армия состояла в своем большинстве из сыновей крестьян, переживших совсем не так давно страшную коллективизацию. Все они потеряли родных и близких, умерших ужасной голодной смертью. Многие не хотели воевать. Я видела сама, как красноармейцы бросали винтовки, а женщины тут же совали им в руки какое-то гражданское одеяние, рубаху, брюки, и они со свертком под мышкой исчезали в толпе.

Как выглядит война, мы еще не знали. В Пскове стояло шикарное, для наших широт необыкновенно жаркое лето, температура воздуха доходила до 40° Цельсия. Я помню, я была у знакомого врача, дочь которого была на три года младше меня, но мы все же в детстве вместе играли и поддерживали дружеские отношения. Вдруг впервые раздался звук сирены: воздушная тревога. Я испугалась, что мама будет очень волноваться, так как мой отец был в Пединституте, и бросилась бегом домой. Прибежала, запыхавшись, и обнаружила, что мама мирно спит послеобеденным сном и никакой тревоги не слышала. К тревогам мы скоро привыкли: немцы город не бомбардировали. Бомбы бросали только на железную дорогу, так что жившие поблизости от полотна могли пострадать и действительно страдали от бомб. Так был убит директор нашей школы. Мы же, жившие в достаточном отдалении, сидели около дома на скамеечке и смотрели, как падали бомбы, тогда еще небольшие. Многие переселились на это время из своих домиков и квартир вблизи железной дороги к родным или знакомым в другие части города. Особенно много было таких временных переселенцев на Запсковье, в части города, лежавшей на восток от притока Великой, маленькой реки Пскова. В этом районе маленьких домиков не было не только военных объектов, но не было и никаких фабрик или вообще чего-либо, что противник нашел бы нужным бомбардировать. Поэтому все были уверены, что на Запсковье безопаснее всего. И как раз тогда, когда советские войска уже отступили от Пскова, а немецкие еще не вошли, Запсковье подверглось бомбардировке. Тогда погибли дочь (19 лет) и сын (16 лет) нашего учителя словесности Гринина. Его самого не было дома, а жена, оставшаяся в доме, была ранена падающей балкой, но осталась жива. Мальчик же захотел посмотреть на бомбы и побежал на улицу, а девушка залезла с подругой в земляную щель, которые нас заставляли рыть вместо бомбоубежищ. И как

раз туда прямым попаданием упала бомба. Гринин и многие другие утверждали потом, что Запсковье бомбардировали не немецкие, а советские самолеты, чтобы отомстить населению, не желавшему бежать с отступавшими советскими войсками. Я не могу судить, насколько правильны были эти утверждения. Советские войска, выйдя из города, обстреляли его из артиллерии, это можно сказать точно, так как мы все видели, с какой стороны летели снаряды. Но относительно самолетов я лично ничего не могу сказать. Я не исключаю версии Гринина и других псковичей, но не исключаю и ошибки немецкого командования, получившего, возможно, неправильные сведения о том, что там находятся еще советские войска. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь. Отец подруги дочери Гринина лег просто на землю в садике и звал девочек лечь рядом, но они побежали в эту земляную щель, думая там лучше спастись, а там и погибли, тогда как отец одной из них остался в этом садике жив и невредим. Это было перед самой оккупацией. А так город бомбардировкой или обстрелом никто особенно не тревожил. Но началось другое: отряды советских поджигателей – мы и не знали, что на случай войны организованы такие отряды, – ходили по городу и поджигали здания. Делали они это довольно неорганизованно, без видимого плана. Жилых домов, к счастью, не поджигали, но жаркая и сухая погода создавала опасность, что от искр, летящих от горящих зданий, загорятся и старые деревянные дома, в которых жили люди. Зачем-то эти отряды сожгли замечательно красивое, как бы ажурное здание бывшего реального училища, где мой отец так долго преподавал. Мой отец стоял и с грустью смотрел, как горело и рушилось здание. Пожаров, конечно, никто не тушил.

Самое ужасное было, что сожгли политическую тюрьму вместе с заключенными. Близко живущие слышали отчаянные крики горевших живьем или задохнувшихся в дыму людей. Но никто не отважился что-либо предпринять. Для нас настал опасный момент, когда подожгли находившийся недалеко от дома, где мы жили, спиртоводочный завод. С громким треском взрывались бочки со спиртом и огромные искры неслись во все стороны. Жильцы дома начали уже выносить более ценные вещи на двор. Но все обошлось: наш дом не загорелся. Хотели взорвать электрическую станцию, но ее директор предотвратил взрыв, за что его в последний момент расстреляли. Так он своей жизнью спас городу воду и свет, так как строить во время войны новую станцию для населения немцы конечно бы не стали, да

и не могли бы.

Сражение было дано перед Псковом. Город не отстаивали. Советская армия быстро отступила. И тут начался грабеж магазинов. Население тащило из магазинов все: продукты, материю и одежду, поскольку она вообще была в магазинах, разные вещи, мебель. Кто-то дотащил зеркальное трюмо до стены дома, где мы жили, потом, видимо отчаявшись, так и оставил свою добычу у стены дома. Трюмо стояло довольно долго, но потом кто-то взял его. По старой русской интеллигентской щепетильности мы в этой акции участия не принимали. А, собственно говоря, отчего? Это были казенные государственные магазины. Государство обирало народ, и, по существу, весь этот товар принадлежал народу. И, кроме того, если б товары не растащили, они достались бы немцам, но народ имел на них, безусловно, больше прав.

Советская армия отступила за Псков. Немецкая в Псков еще не вошла. Сутки полного безвластия были жутковаты, так как по городу еще бегали поджигатели в гражданской одежде, и каждый боялся, как бы они не подожгли именно тот дом, где он живет. Но и их энергия начала угасать. Странно, но как ни страшна власть, полное безвластие и сознание, что в любой момент любой хулиган может совершить все, что угодно, совершенно безнаказанно, тоже довольно страшно. Но никаких эксцессов в городе не было. Кажется, никто не воспользовался короткой возможностью творить любые бесчинства.

Когда советские войска уже отошли за черту города, а немецкие еще в город не вошли, отступившие советские войска вдруг начали обстреливать город из артиллерии. Казалось, впрочем, что это только одно орудие, которое медленно поворачивалось так, что снаряды летели по разным радиусам с севера на юг. Мы как раз сели за обеденный стол, когда услышали взрывы снарядов, но не сразу сообразили, в чем дело. Вдруг снаряд с визгом пролетел над самой крышей нашего дома и разорвался сзади дома. Как потом выяснилось, он попал в малюсенький домишко, в котором, к счастью, в этот момент никого не было. Мы уже раньше думали, что если в городе будут бои, мы спрячемся в том странном подвале, находившемся посередине двора соседнего дома, где когда-то ютилась банда беспризорных. Последние годы этот подвал пустовал. Он никому не принадлежал. И теперь в панике мы бросились в этот подвал. Едва мы успели в него опуститься, как за несколько шагов от его двери разорвался следующий снаряд. Мы только что пробежали по этому месту. По существу

мы бежали на смерть, в то время как нашему дому уже ничего не угрожало – но кто мог это знать? Если б мы запоздали на полминуты или если б снаряд ударил на полминуты раньше, нас бы разорвало в куски. Но смерть прошла мимо нас.

Проф. Ф.А.Степун передавал мне рассказ своего знакомого немецкого журналиста, не раз посещавшего Пастернака в Москве. Однажды Пастернак рассказал ему, как он решил писать "Доктор Живаго", хотя и знал, что это грозит опасностью. Переживание это было еще во время войны. На Переделкино иногда падали маленькие зажигательные бомбы, настолько мало опасные, что жители сами их обезвреживали, если вовремя замечали. Для этого они установили круглосуточное посменное дежурство. Однажды ночью Пастернак стоял на крыше своего дома, как вдруг что-то сильно зашвистело, его чуть не смело с крыши воздушной волной, но он успел ухватиться за трубу. В соседний дом попала большая (по тем понятиям) фугасная бомба, которую, вероятно, потерял подбитый немецкий бомбардировщик. От соседнего дома ничего не осталось. Пастернак же почувствовал всем своим существом, что жизнь и смерть не зависят от людей: попади эта бомба в дом, на крыше которого он стоял, и для него все было бы кончено. И никто из людей не мог этого рассчитать, в том числе и летчик того бомбардировщика. В этот момент Пастернак потерял страх.

Не могу утверждать, что на меня это наше скольжение мимо смерти произвело особое впечатление, до глубины моего существа это еще не дошло. Снаряды стали удаляться. Мы вернулись в квартиру. И на этом эпизоде закончилась для нас война непосредственных военных действий почти на три года. Настоящую войну мы узнали позже.

Немцы вошли спокойно, приветливо. Больше всего поразило население их поведение около колонок, где качали воду. Как я уже писала, директор электростанции отстоял ее ценой своей жизни, но кое-что все же было попорчено, так что в квартиры перестали подавать воду. Воду можно было получить только у колонок, которые еще остались от прежних времен, но долгие годы не действовали, так как в квартирах были водопроводы. Теперь у этих колонок выстроились очереди преимущественно женщин, набивавших воду. И вот подъехали немецкие солдаты, которым тоже нужна была вода, так же и для их машин. Когда они подходили, женщины расступились, пропуская запыленных, потных от жары солдат. В СССР каждый красноармеец имел право подойти в магазине к прилавку без очереди, причем в ми-

рное время. Сейчас же, во время войны, фронтовые солдаты, будь то свои, будь то чужие, конечно, имели право набрать воду вне очереди. Население сочло бы это совершенно нормальным. Но немецкие солдаты отказывались. Они знаками показывали женщинам, чтобы те снова подошли к колонке, а сами становились в конце очереди. Это мелочь, но на население она произвела огромное впечатление. Весь город об этом говорил.

Мой отец и я пошли в город и, конечно, прежде всего к другу моего отца, художнику, о котором я уже писала. Зная его антикоммунизм, мы были уверены, что встретим его, а также семью его сестры и поговорим о событиях. Велико было наше удивление, когда мы узнали, что они все бежали с отступавшими советскими войсками. Выжили они или погибли, мы не знали тогда. Друг моих игр, с которым я потом, однако, почти совсем разошлась, Дима, был призван, попал в плен и в Псков. Мы его высвободили из плена. А потом из Минска перебралась в Псков его старшая сестра Ира. Незадолго до войны она вышла замуж за командира, который служил в военной части в Минске. При отступлении армии он ушел, конечно, с нею, а Ира, оставшись одна, перебралась в Псков, будучи уверенной, что найдет здесь всю свою семью, но нашла только младшего брата. Вся семья была бы вместе, если бы они остались в Пскове. Говорили, что муж сестры художника, агроном, увлек их, сказав, что он должен гнать на восток совхозное стадо, иначе его расстреляют. Вряд ли ему грозил расстрел, если б он спрятался всего лишь на несколько дней. Другие наши знакомые остались.

Когда мы возвращались домой, встретили человека, которому лучше было бы в Пскове не оставаться.

В рукописи Ю. Марголина "Путешествие в страну зе-ка" есть глава, которую Чеховское издательство выкинуло из русского издания книги. Я читала эту главу в рукописи и перевела ее для немецкого издания, но я считаю, что она должна была бы быть именно в русском издании. Называется она "Иван Александрович Кузнецов". Это был созданный Марголина, преподаватель русского языка и литературы в сельской десятилетке. С ним Марголин подружился, и его медленную голодную смерть он описал. Марголин вспоминает слова Горького "Человек – это звучит гордо!" И горько добавляет, что эти слова относятся к Человеку с большой буквы, а Иван Александрович был человеком с маленькой буквы, который, помучившись несколько лет в лагере, умер безвестным. Попытка Марголина дать знать о смерти его родным была отвергнута лагерным началь-

ством словами: "Лагерь – не действующая армия, здесь о потерях не сообщают". Марголин замечает, что судьба его друга странная: при жизни о нем мало кто знал, а после смерти о нем пишут. Это судьба неизвестного лагерника, и теперь в России уже возникают памятники неизвестным лагерникам, как есть памятники неизвестному солдату. Я же хочу рассказать здесь от себя тоже о неизвестном для мира человеке, хотя в наше время во всем мире достаточно памятников этим неизвестным жертвам, но это мое личное скромное воспоминание.

В Пскове была фотография Цилевича. Конечно, она уже больше этой семье не принадлежала, она стала государственной, но потомственному фотографу удалось удержаться в ней уже как служащему. Для псковичей она по-прежнему была фотографией Цилевича, так и говорили: "Пойдем фотографироваться к Цилевичу". Это был очень мягкий, почти чрезмерно вежливый человек, так, он, выбирая лучшую позу для фотографии, никогда не говорил: "Поверните голову", а "Поверните голову". Его жена, моложе его, была красива, но резкой, не совсем приятной красотой. В городе ее считали надменной и, в противоположность ее мужу, не любили. Она была довольно хорошей пианисткой и преподавала ритмику в музыкальной школе. Я училась в музыкальной школе два года, от 10 до 12 лет, потом бросила, больше из лени. Но у меня не было хорошего музыкального слуха на мелодии. Я запомнила музыкальные пьесы чисто механически, но сразу же. Моя учительница требовала, чтобы я сначала разучила играть по нотам, но я не учила, а потом усиленно смотрела на ноты, хотя мне этого не нужно было. А иногда забывала и играла, не глядя в ноты, она сердилась и кричала: "Я же говорила не учить на память". А я и не учила, я запоминала автоматически. Но если мелодия мне не давалась, то ритм я всегда держала очень хорошо, и на уроках ритмики, которую преподавала Цилевич, была одной из лучших. И вот тут я видела в нашей учительнице совсем другого человека. При каждом удачном повторении ритма ее надменное и немного сердитое лицо смягчалось, и на нем выражалась искренняя радость за ученика или ученицу. Поэтому я не верила в то, что она настолько неприятная женщина, как думали многие в городе. У них был сын, к началу войны ему было лет 15.

И вот этот-то Цилевич и шел нам навстречу. Он нам обрадовался и воскликнул: "Как хорошо, что и другие интеллигентные люди остались. О немцах говорят ужасы, но ведь это сказки, не правда ли?" Он видимо волновался.

Мы тогда искренне не верили всем рассказам о нацистах, мы искренне думали так же, как и Цилевич. И все же у меня сжалось сердце. Я видела по лицу моего отца, что и он чувствует так же. Конечно, мы знали, что нацисты относятся к евреям плохо, но самое худшее, что мы могли предполагать, это известная дискриминация, некоторые притеснения, но уж никак не убийства. Тем не менее, повторяю, у нас стало на душе смутно при виде Цилевича. Ему мы, конечно, подтвердили, что и мы надеемся на лучшее, мы на это и надеялись, но если мы сами имели основание не бояться, то было ли это так ясно по отношению к нему и другим евреям?

Сначала ничего не произошло. Комендатура выдала продуктовые карточки всему населению, в том числе и евреям. Никто их не трогал. Таких эксцессов со стороны русского населения, как это имело место в Балтике со стороны латышей или в некоторых местах Украины, в России не было. В Пскове никто ни о чем подобном не думал, хотя некоторые евреи этого опасались, как намекнул мне живший в соседнем домике старый портной-еврей Златкин. Но, повторяю, не было и намека на что-либо подобное. Карточки, кстати, были мизерные, только на хлеб. Жили мы все годы оккупации крестьянским рынком и продуктами, выдававшимися немецкой армией тем, кто у них работал.

Закончим здесь, однако, печальную историю, которую я начала рассказывать. В одну ночь, когда все спали, совсем как НКВД, СС вывезло куда-то многочисленных псковских евреев. Нельзя утверждать, что мы отнеслись к этому безразлично, кто как, конечно. Но в городе говорили, обсуждали, жалели. Псковская немка Б.Ф.Эман пошла в немецкую комендатуру и от имени граждан Пскова спросила, куда увезли евреев. Ей ответили, что для евреев будут созданы особые места жительства в восточной части Польши, где население не очень многочисленно. Поляки будут эвакуированы в другие места, а там будет что-то вроде "Биробиджана", еврейской автономной области, где они смогут жить и работать. Конечно, это было крайне не удовлетворительно, но мы были уверены, что есть похожий план, и что пока евреев содержат в лагерях, где, хотя и не очень хорошо, но как-то можно жить. Все это временно, думала я, так как когда Россия будет свободна, то русские евреи получат одинаковые права со всеми гражданами. Но сначала нужно скинуть коммунистическую диктатуру и на этом сосредоточить все внимание. О моих политических размышлениях и планах я скажу подробнее ниже.

Пока что немецкая армия удивительно про-

сто отнеслась к населению. Так, солдаты поселились в пустовавших домах и квартирах, тех, откуда люди бежали вместе с советской армией, прямо среди русских жителей. В доме, где мы жили, было 4 квартиры, повсюду жило по несколько семей. И так получилось, что из нашей квартиры никто не бежал, и из квартиры снизу наперекрест, а из квартиры напротив и квартиры под нами бежали все жители. В этих двух квартирах поселились немецкие военные, не принимая никаких мер охраны. Под Псковом был большой военный городок, в мирное время он был окружен колючей проволокой и граждане могли проходить туда только по пропуску. Немцы, конечно, заняли пустые казармы, сейчас же перерезали, а потом совсем сняли проволоку, и население могло ходить между казармами, сколько ему хотелось. В псковском театре устраивались концерты или давались представления для всех, среди зрителей и слушателей были как псковичи, так и немецкие солдаты и офицеры. Были вечера самодеятельности, приезжало немецкое варьете, приезжало русское варьете из Риги, и выступал с концертом Печковский, уехавший потом в Ригу. Только два кинотеатра, единственные в Пскове, немцы забрали для своих солдат. Позже для населения построили отдельное деревянное здание для кино, где и показывали немецкие фильмы. Но я забегаю вперед.

Однажды в дверь квартиры раздался робкий стук. Моя мама открыла: за дверью стоял немецкий солдат и, запинаясь и подбирая слова, сказал по-русски, что он живет внизу под нашей квартирой и слышит иногда игру на рояле. Не разрешили ли бы мы ему иногда придти и немного упражняться в игре? Мы разрешили. Это знакомство оказалось очень длительным. Тогда он только рассказывал о своей невесте, а потом я встретила их в Марбурге, куда они уже с двумя детьми бежали из Бреславля, отданного Польше. Оказалось, что внизу была связистская часть, в которой служили только те солдаты, которые владели хоть немного русским языком. Мы познакомились со многими, в том числе с доцентом славистики и учителем гимназии, прекрасно владевшим русским языком. Оба они были ярые антинацисты и этого не скрывали, – по крайней мере от нас. Но они, призванные в армию, служили и делали то, что от них требовалось. А что им было делать?

Я никак не забыла, что советы в первом же финском завоеванном местечке устроили буффорское финское правительство во главе со старым членом Коминтерна Отто Куусиненом и заключили с этим "правительством" договор. Конечно, "правительство" кануло в небытие,

когда выяснилось, что всю Финляндию завоевать не удалось, и мирный договор был заключен с настоящим правительством Финляндии. Но тогда было всем ясно, что минимум 99% финского народа не примет добровольно "правительства" Куусинена. Совсем иначе обстояло дело в СССР. Совсем недавно прошла страшная коллективизация. Крестьянские парни, призванные в армию, не могли забыть погибших в коллективизацию страшным образом родных, а почти у каждого в семье были погибшие. Также и почти у каждого горожанина были арестованные родственники или друзья. Из сдавшихся в первые месяцы войны 4 миллионов плененных добрая половина, если не больше, были пассивными перебежчиками, которые только и мечтали о том, чтобы взять в руки оружие и сражаться против Сталина и коммунистической диктатуры. Мне рассказывал один сдавшийся в плен, – о нем речь будет позже, – что он и с ним 300 советских солдат сдались в плен одному немецкому солдату. Они залегли в стороне, когда армия отступала, тогда как немцы думали, что отступили все, и один солдат просто пошел посмотреть местность, когда из кустов перед ним стали вставать триста человек. Он сейчас же поднял руки, готовый сдать: не воевать же одному против трехсот! Но эти последние положили оружие, и он их гордо повел в плен. Конечно, все они хотели воевать против Сталина, но... некоторые из них умерли в плену, другие, как мой знакомый, хотя и были выпущены, но воевать против Сталина им не пришлось.

Однако об этом позже. Сначала же мы не сомневались в том, что скоро, очень скоро, в каком-нибудь крупном городе – мы предполагали Смоленск – образуется русское правительство, временное, конечно, отчасти из представителей подсоветской интеллигенции, отчасти, возможно, из русских эмигрантов, начнет формироваться армия и внешняя война перейдет в гражданскую. Немцы будут только давать оружие и поддерживать авиацией, которую нельзя создать скоро. Ведь не может же немецкое руководство думать, что немцы сами могут завоевать всю Россию? Ведь они же тоже изучали историю и слышали хоть краешком уха о Наполеоне.

В свое время Генрих Гейне написал, что ему пришлось принять крещение (чтобы поступить в университет, тогда и в Германии была процентная норма) из-за того, что у Наполеона были плохие учителя географии, не сказавшие ему, что в России бывают холодные зимы. Уже значительно позже, когда Гитлер объявил войну США, один немецкий военный рассказал мне такой анекдот: парень из какой-то глухой

деревни достиг 18-летнего возраста и был призван в армию. Он попросил своих более образованных товарищей показать ему на карте, с кем Германия воюет. Ему показали большие США, потом огромный Советский Союз. "А где же мы, Германия?" – спросил он. Ему показали маленькую Германию. "Ой, – воскликнул парень испуганно, – а фюрер смотрел на карту?" Да, смотрел ли он на карту? В начале войны мы были уверены, что смотрел.

Мне помнится разговор с не таким уж молодым немецким офицером на улице в Пскове. Он спросил меня, как пройти на какую-то улицу. Я объяснила. Затем он спросил: "Восстанет ли народ теперь, когда началась война, против коммунистической диктатуры?" Я ответила: "Нет"? Он: "Но мы на это надеемся". Я: "Напрасно надеетесь". Он: "Так значит народ доволен режимом?" Я: "Нет, большинство режим ненавидит, но все безумно запуганы. Неужели вы не понимаете, что при такой диктатуре восстаний не бывает. Но можно разложить советскую армию, она не будет сражаться, но только в том случае, если люди будут уверены, что война ведется против коммунизма, а не против народа и России". Он задумчиво посмотрел на меня. Затем дал мне свою визитную карточку. Это был полковник, граф, фамилию я его забыла, а карточку потеряла во время многих бегств. Но немецкие аристократы влияния на Гитлера не имели.

Трудно рассказывать о настроениях в начале войны и поведении немецкой армии, совсем не таким, как это всем внушалось десятилетиями. История второй мировой войны во всем мире, а не только в СССР, теперь бывшем, существует в искаженном виде. Ни в демократических странах-победительницах, ни в побежденной Германии историки не пытались доискиваться до истины. Все работали теми клише, которые возникли во время войны. Бывали редкие исключения, но таких историков моментально заклеивало мировое общественное мнение. Я попытаюсь описать то, что я видела и пережила. Это лишь маленький отрезок из всего происходившего, и если я чего-либо не видела и не пережила, то это не означает, что другие не видели или не пережили чего-то другого. Но, может быть, как раз на этом месте следует подчеркнуть, что между армией и партией, а также ее войсками была огромная разница. Гитлер за шесть лет не смог даже начать переделывать армию. Она была такой же, как и до него, и она была беспартийной. Помню, как я была удивлена, когда узнала, что члены национал-социалистической партии, вступающие в армию, временно, пока они в армии, погашают свое партийное членст-

во, считаются беспартийными. В СССР было как раз наоборот, членство в партии всячески подчеркивалось, а, начиная с более высоких чинов (впоследствии, начиная с майора), все командиры должны были быть членами партии. Немецкая армия была старая, в основном дисциплинированная и воспитанная. Она вела себя по отношению к населению корректно, что, конечно, не исключает отдельных эксцессов, которые в военное время неизбежны.

Мы прожили все время оккупации под военным управлением, и у нас не было многих отрицательных явлений, которые происходили, например, в Белоруссии и на Украине, где управление было передано рейхскомиссарам, т.е. крупным партийцам, которых военные насмешливо называли "золотые фазаны" за их блестящие формы.

Мы жили все время оккупации без ежедневных газет и без регулярных известий, хотя о главных событиях, особенно на фронте, сообщало радио, а несколько позже в книжном магазине можно было покупать издававшуюся в Берлине газету "Новое Слово" под редакцией В.М.Деспотули, но она, конечно, была под цензурой, и не все могла сообщать. Еще позже в

Риге была создана газета, где писали преимущественно бывшие подсоветские, "За Родину", был еще эмигрантский "Русский Вестник", но он до Пскова не доходил. Все это была, конечно, не полная информация, а потому цвели пыльным цветом разные слухи. Я лично отмахивалась от всех слухов принципиально, так как не было возможности различить, насколько они отражают хотя часть правды. Мы называли их пренебрежительно агентством ОДС (одна дама сказала) или грубее ОБС (одна баба сказала).

Так, я уже много позже узнала, что как раз в Смоленске сразу же после оккупации возник комитет из граждан, предложивших немецкому командованию считать его зародышем будущего свободного русского правительства. Этот комитет был немедленно распушен и запрещен, кажется, члены его не были арестованы, но точно я не знаю. Украинское правительство, которое тоже сразу же образовалось в Киеве, село в тюрьму. Но обо всем этом мы узнали много позже, кое-что лишь после окончания войны.

(Продолжение следует)

Протоиерей Д.Константинов

Искушения в пустыне

Перед началом своего общественного служения Иисус Христос удаляется в пустыню, где и остается совершенно один в продолжении сорока дней и ночей. В течение этих сорока дней Господь соблюдает строгий пост и, как отмечает евангелист Лука (IV, 2), вообще не принимает пищи. Этим Он как бы дает нам указание о необходимости поста для каждого христианина, показывает возможности, которыми в данном отношении потенциально обладает каждый человек, не отвергает разнообразие форм, в которых может протекать пост.

Пост был известен почти всем религиям и, в частности, иудейской, но Основоположителем христианского поста является Сам Спаситель, давший нам пример его во время своего пребывания в пустыне.

Для чего Господь удалился в пустыню? Для чего Он там постился?

Христос приступал к Своему общественному служению, длившемуся в общем очень недолго, и закончившемуся крестной смертью для искупления мира. Начиная это служение, Господь хотел остаться некоторое время совершенно один, пребывая в молитвенном единении с Отцом, в молитве и посте переживая

те пути духовного делания, которые должны были привести к мирному "завоеванию" мира христианством. Таким образом, внутренняя подготовка к подвигу служения людям заключалась в молитве и в полном уединении, дающем возможность уйти от какого бы то ни было людского влияния и, наконец, в посте укрепляющем дух. Сорок дней длилось это одиночество, сорок дней длился пост, сорок дней Господь находился в состоянии борения с искушениями, открывающими ложные пути мессианского служения, которые были Им отвергнуты.

Вот на этих путях общественного служения, которые Господь отверг, находясь в пустыне, мы сосредоточиваем наше внимание, ибо они особенно ярко вскрывают как сущность христианства, так и сущность тех отклонений от него, которые мы часто встречаем в жизни.

Как повествует евангелист, "и приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами" (Матфей, IV, 3). Что означает это искушение? Оно говорит, что в данном случае материальные ценности, эмблемой которых является хлеб, умышленно возводятся на первую, высшую ступень потребностей человека. Другими

словами, искуситель предлагает Иисусу пойти по легкому пути, пути весьма эффективному, неограниченного привлечения людей к Себе, широко предоставляя им те материальные блага, которых им не хватает в жизни для безбедного существования, которые они любят и перед которыми нередко преклоняются, часто не сознавая этого. Это путь безрелигиозного социального реформаторства, путь активной социально-политической борьбы, путь напряженного искания лучшего устройства земной жизни. Как известно, многие идут именно этим путем.

Господь отвергает данное искушение. Он говорит: "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих" (Матфей, IV, 4). Что означают эти слова? Являются ли они свидетельством того, что христианство вообще отвергает какое бы то ни было значение материальных благ в жизни человека? Так именно утверждают многие материалистические критики христианства, говоря, что последнее пренебрежительно относится к внешним условиям жизни человека и даже учит людей презирать их. Это совершенно неверно. Христианство отнюдь не отвергает значения и важности для жизни нормальных материальных условий жизни людей, но в принципе считает, что приблизительной нормой в данном отношении являются условия существования средней материальной зажиточности, характерные для данной эпохи и типичные для данной страны. Почему сложилось такое мнение? Потому что путь борьбы за высокий стандарт жизни безбрежен и по существу не имеет конца, погружая людей в бесконечное барахтанье, из которого почти невозможно вырваться. Преклонение перед материально-душевыми ценностями, бесконечная борьба за них, как показывает практика, ведет к разложению общества, пресыщенного материальным благополучием, создает предпосылки для его собственного самоуничтожения. Некоторые современные передовые страны настолько подняли уровень жизни населения, что довели его до абсурда, создавая условия предельной изнеженности и избалованности, лишая людей возможности объективно осознать свое положение и оценить его положительные для них стороны. Христианство в принципе стоит за справедливое распределение материальных благ между людьми и возражает против нищеты, обездоленности и бездомности одних и чрезмерных избытков у других. И если некоторые современные государства не могут или не хотят справиться с этими своими недостатками, то будет совершенно справедливо сказать, что в этих государствах что-то не в порядке. Но

одновременно христианство считает, что физические условия жизни людей являются хотя и очень важными, но не главными. Главное в жизни это не "хлеб", а духовное начало, слово, исходящее из уст Божиих, духовная сторона жизни людей. Если бы Христос не отверг искушения хлебом, то Он стал бы обыкновенным социальным реформатором, каких много знает история. Его служение в этом случае было бы служением не духовным, а материальным ценностям и этим был бы снят вообще вопрос о христианстве, ибо последнее это прежде всего религия духа. Таким образом отказом от первого искушения устанавливается приоритет духа над материальной средой.

Значительно тоньше второе искушение, через которое проходит Спаситель. "И возвед Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое (Лука, IV, 5-7).

Иисус отвергает и это искушение. Отвергает Он его потому что христианство не ищет земной власти, славы и земного авторитета. Христианство должно привлекать к себе людей совершенно добровольно, своей духовной стороной, между тем, как обладание земной властью является основанием для оказания на людей какого-то давления, отнятия у них права свободного выбора. Сочетание земной власти с христианством ведет к явному нарушению указанного принципа. Кроме того, земная власть означает одновременно и известное право на насилие в той или иной форме, а всякое насилие абсолютно отвергается христианством. Применение принципа насилия, хотя бы даже в виде авторитета земной власти, является уже полнейшим искажением принципов религиозной свободы. Кроме того, земная власть предполагает, конечно, и владение земными материальными благами практически в неограниченных масштабах. Без них она существовать и функционировать не может. Таким образом, второе искушение, будучи скорее психологическим, одновременно, в смысле материальности тесно связано с первым и является его дальнейшим логическим развитием. Если первое искушение относилось к области чисто материальной жизни, то второе относится к области душевной жизни человека. При этом надо учесть и следующее. Большинство людей любит власть и охотно проявляет ее. Многие люди преклоняются перед ней, признают ее едва ли не единственным авторитетом. Одновременно тысячи и даже миллионы людей не замечают, а если и замечают, то про-

ходят мимо и не придают ни малейшего значения весьма ценным и значительным во многих отношениях людям только потому, что они не обладают властью. Но зато они часто бывают готовы расплатиться перед очередным ничтожеством, обладающим в данное время властью, но которое может оказать то или иное влияние на нашу судьбу. Такова "диалектика" тех искушений, которые были предложены дьяволом Спасителю во время Его пребывания в пустыне.

Наконец, наиболее тонко и по-своему духовно третье искушение.

"Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: "Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею" (Матфей IV, 5-6).

В чем же сущность данного искушения? Она заключается в том, что искушитель предлагает Господу идти по пути совершения многих чудес и этими чудесами привлечь к Себе людей, которые пойдут за Ним. Другими словами – это путь духовного господства над людьми, духовного насилия над ними. Привлечение людей одними чудесами означает путь создания себе определенного чудесного ореола, духовного авторитета, за которым должна будет устремиться падкая до всего необычного толпа. Речь идет о потакании вкусам "улицы", подчинении вульгарным и примитивным стремлениям толпы.

Протоиерей Д. Константинов

Божией милостью

Автор рецензируемой книги В. Русак скромно называет свой достаточно объемистый труд "Историю Русской Церкви" пособием по истории Русской Православной Церкви. Я был бы склонен называть нашу Церковь несколько иначе: Российская Православная Церковь, памятуя, что внешние земные преграды, ставящие сейчас как бы узкий предел становлению нашей родины, равным счетом ничего не значат пред волею Свыше, столь чудесно освободившей бывший Советский Союз от гнета "неустрашимых" богоборцев, получивших наглядный урок силы и мощи веры в Творца*.

Я был бы также склонен рассматривать но-

Больше того, речь идет о сведении на нет земного подвига Спасителя. Люди в этом случае пойдут за Ним не по внутреннему духовному влечению, а по духовно-внешнему признаку – совершения чудес, из которых часть из них попытается извлечь себе те или иные выгоды. Это именно так... Другими словами, принцип добровольности, принцип абсолютной духовной свободы выбора будет в этом случае опять нарушен, так как на него будет давить и влиять необычайность чудес, совершаемых Спасителем.

Во время своего земного служения Господь совершил немало чудес, но эти чудеса совершались Им параллельно Его проповеди и были прежде всего делами бесконечного добра, а не фактами, только создававшими духовный авторитет Спасителя.

Отвержение трех искушений вывело христианство на путь абсолютного господства в нем духовного начала, на путь отказа от всякого насилия, на путь абсолютной духовной свободы, права совершенно свободного и независимого духовного выбора для человека. И эти принципы остаются и по сей день духовными сокровищами христианства. Но эти ценности христианства, становление их в жизни и пути, ведущие к ним, – нелегки и исполнены больших трудностей.

Нелегко по ним идти. Но тот, кто пойдет по ним, тот войдет в мир подлинно вечных ценностей, осмысливающих и освящающих человеческую жизнь.

Труд В. Русака не только как пособие, но и как краткий полный курс истории Российской Церкви за тысячелетие ее существования. Тысячелетие сложное, трудное, тысячелетие успехов и неудач, тысячелетие духовного роста, водимого Промыслом, тысячелетие подлинно понятое лишь духоносными людьми, тысячелетие непонятое и недооцененное теми, кто видит в РПЦ лишь какую-то земную "организацию", которую можно использовать для своих земных целей. Пустые надежды слепцов, не видящих ничего за пределами их ограниченно-го мира.

Божией милостью мы получили новый, если можно так выразиться, практический курс истории нашей Церкви, курс условно краткий (без малого 600 страниц), насыщенный фактическим и справочным материалом, дающим ему второе целевое назначение – служить справочником по затронутым в нем вопросам, пере-

* Рецензия досточтимого отца Димитрия была подготовлена накануне выхода книги из печати. Его замечание относительно названия работы совершенно справедливо, и с его разрешения оно в последний момент было изменено на "История Российской Церкви".

растающим в серьезные и большие церковные проблемы.

В.Русак сам мало и, пожалуй, скупо комментирует материалы, помещенные в его книге. И это тоже, пожалуй, хорошо, так как собранный им фактический материал, являющийся результатом огромной работы, отлично говорит сам за себя, во всяком случае, не меньше, а вероятно больше, чем отвлеченные размышления на не менее отвлеченные темы.

Перед нами большой труд историка, прошедшего через все степени советского дантова ада, и получившего наконец свободу, получившего возможность говорить то, что считает нужным.

И говоря то, что нужно сказать, В.Русак указывает на целевое назначение его книги, характеризуя ее как пособие, предназначенное в первую очередь для духовных школ и рассчитанное на двухгодичный курс обучения. Кроме того, автор резонно отмечает, что книга предназначена также "для всех, кто интересуется историческим путем, пройденным РПЦ за 1000 лет ее существования", и, добавим мы от себя, интересуется подлинным историческим путем Церкви в целом, а не занимается смакованием ее недостатков, порожденных в конечном итоге боготорческой большевистской диктатурой.

История Церкви весьма сложна для понимания, так как в ней действуют не только факторы, знакомые нам по нашим обычным земным деяниям, но гораздо важнее и судьбоносно то, что в истории Церкви явно проявляются силы не здешего мира, приводя в смущение тех, кто в них не верит, не хочет верить и лишь недоуменно возмущается тем, что в истории Церкви все идет не так, как принято в земном ограничении.

В связи с этим небезынтересно то, что пишет В. Русак по этому поводу:

"Сложность проблемы существования и познания законов истории связана с тем, что в истории основным действующим объектом является одушевленный человек со своей свободной (от Бога – Д.К.) волей, со своей психикой, которая настолько сложна, что для изучения отдельных сторон человеческой души психологи тратят иногда всю жизнь. А в истории действует даже не отдельный человек, а целые народы!" И, добавим от себя, что эти народы имеют каждый свое промыслительное предназначение.

И совершенно прав В. Русак, когда, ссылаясь на митрополита Филарета, он подтверждает, что Церковь есть от Бога установленное общество верующих людей, соединенных священноначалием и таинствами.

Анализируя традиционный принцип перио-

дизации церковной истории у историков предшествующих поколений, автор "Истории Русской Церкви" делит ее на следующие периоды:

Митрополичий (Киевский и Московский) – 988–1589.

Патриарший – 1589–1700.

Синодальный – 1700–1917.

Патриарший современный – от 1917 г. и до настоящего времени.

Ссылаясь на проф. Е.Голубинского, В.Русак сообщает, что при князе Владимире на Руси существовала не автономия, а автокефалия, на том основании, что целый ряд наших первых митрополитов, согласно источникам, называются архиепископами.

У греков существовали два рода архиепископов: низшие, которые в виде привилегии подчинялись непосредственно патриарху, минуя митрополитов, и высшие – совершенно свободные от патриаршей власти, иначе – автокефальные. Именно об архиепископах этого рода идет речь в отношении Русской Церкви. Впрочем, Голубинский нашу раннюю автокефалию ограничивает только первым русским святителем.

В связи со всем сказанным отметим также, что практика РПЦ Митрополичьего периода допускала в домонгольский период архиерейские хиротонии и над белым духовенством. Этот древний церковный обычай пытались возродить в свое время обновленцы, но эта попытка была не на месте и не во время, а потому и провалилась, хотя для последнего не было достаточно оснований.

Думается, что этот вопрос неоднократно будет подниматься на церковных соборах. Как известно, современная церковная практика допускает к архиерейству вдовых священников, что однако ограничивает возможности подбора соответствующих кандидатов из белого духовенства весьма узкими рамками.

Автор справедливо придает большое значение дате 15 декабря 1448 года, когда святитель Иона, будучи длительное время "нареченным", Собором российских архиереев был поставлен митрополитом Всероссийским. С этого момента, независимо от всех привходящих обстоятельств, РПЦ фактически становится автокефальной, полностью независимой от Константинопольского патриарха. Сейчас это очень просто писать, но если войти в положение современников этого церковного события, то все это было весьма непросто.

Перед молодой Российской Церковью стояла мощная, овеванная духоносной историей и традициями Константинопольская Патриархия, совсем не склонная давать самостоятельность подвластной ей РПЦ. Что же касается право-

славных патриархов других православных церквей, то они не протестовали против решительных действий Москвы, но формального дозволения и благословения тоже не давали.

Цареградская Церковь тоже не признала независимых московских митрополитов, считая, что они ставятся "самочинно и бесчинно". По всей видимости, возникло противостояние между обеими Церквями. Буря в конечном итоге улеглась, время откорректировало позицию Константинополя. Московская автокефалия стала фактом, определившим развитие РПЦ на дальнейшие долгие годы. А введенные впоследствии белые клобуки для московских митрополитов и скрепление своих грамот красным воском явились наглядным свидетельством происшедших перемен. В связи с этим следует отметить позицию автора, достаточно определенно высказавшегося по данному вопросу. "В истории епархиального управления московской митрополии заметна одна характерная особенность. Это – медленное, но неустанное стремление к высвобождению ее от власти Константинопольского патриарха и такое же подпадение под власть своего русского правительства. При этом, Русская Церковь многое теряла в своей внутренней свободе и самостоятельности (с. 84).

Одновременно автор отмечает, что, становясь национальной автокефальной Московской Церковью, она автоматически теряла право на управление юго-западными епархиями, в политическом отношении не подчинявшимся Москве, и еще раз достаточно остро поставившими весьма актуальную и до нынешнего времени проблему взаимоотношений государственной власти, политики и Церкви.

Отмеченное выше подпадение под власть российского правительства автор показывает не на заезженных примерах взаимоотношений с императором Николаем II или Александром III, а на гораздо более "впечатляющих" фактах.

Так, например, долгое время выход из духовного сословия был открыт только в податное состояние или же в солдаты, отчего оно еще более замыкалось внутри себя, тем накапливая множество лишних священно-церковнослужителей. Чтобы решить эту проблему, нужны были меры, иногда носившие жестокий насильственный характер.

Архиереи старались со своей стороны распределить лишних священников в "викарии" к церквям, в учителя духовных школ и пр. Правительство тоже пошло навстречу, предоставило

им полную свободу слагать сан и поступать на гражданскую службу. Но излишек их был так велик, что духовные власти с трудом избавлялись от так называемого крестцового духовенства (безместных священников).

С 1770 года московская консистория с помощью гражданских властей начала высылать из города крестцовых священников. Правительство со своей стороны для уменьшения духовенства проводило так называемые разборы, по которым безместное духовенство забирали в солдаты или записывали в подушный оклад. Разборы особенно масштабны были в царствование Анны Иоанновны. Таковы реальности так называемой "симфонии", о которой так пекутся наши правые круги.

В.Русак приводит интересные цифровые данные о количестве духовных школ всех уровней в различные периоды жизни РЦ, рассказывает о неосуществившемся желании Екатерины II открыть при Московском университете богословский факультет, о дальнейшем развитии духовного образования, об открытии духовенством 21 400 новых приходских школ (середина XIX века), об отношении российской интеллигенции к духовному просвещению народа, о роли Земства в этом процессе и т. п.

Много внимания уделено в книге В.Русака и последнему, пореволюционному периоду жизни РПЦ, характеризующему объективными историками, как период непрекращающихся жестоких гонений на Церковь, имеющих целью ее окончательное уничтожение. В связи с этим, автор, пожалуй, первым отмечает полную отвлеченность, поразительную убогость советского законодательства о культах, соединенного с совершенным незнанием той среды, той категории населения, для которой были изданы новые законы, и, в частности, закон "О свободе совести". Кстати сказать, VIII Отдел Народного Комиссариата Юстиции, организованный для проведения декрета в жизнь, назывался "ликвидационный". Ликвидировать РПЦ не удалось, о чем нам всем было заранее давно известно...

Абсолютно прав автор, утверждая, что программа уничтожения Церкви находила в народных массах отчаянное сопротивление. Кровавые эксцессы стали обычным явлением начальной эпохи уничтожения Церкви. Впрочем, все совершается Промыслом Божиим ко благу Церкви. И плевки на череп преподобного Саввы Звенигородского, сделанные одним из членов советской комиссии по вскрытию мощей, обернулись в конечном итоге новым про-

славлением российских святых, которое мы наблюдаем в наши далеко не простые дни.

Секуляризация церковного имущества, изъятие церковных ценностей, расстрелы и издевательства над духовенством и верующими, конкретные данные об этих репрессиях, аресты церковных руководителей, интересные замечания об аресте и высылке в Семипалатинск викария Петроградской епархии епископа Ямбургского Алексия (Симанского), будущего патриарха, судебные процессы над "церковниками", провокации ГПУ, – все это нашло свое достаточно полное и, вместе с тем, сжатое изложение в книге В. Русака.

Много уделено внимания деятельности и судьбе патриарха Тихона, достаточно реалистически оценивается деятельность митрополита Сергия (Старогородского), а равно возня и интриги обновленцев. Автор с известной горечью пишет о поддержке обновленцев Восточными патриархами, явившихся одним из величайших духовных бедствий, обрушившихся на РПЦ.

Достаточно подробно дан анализ пресловутой декларации митрополита Сергия и сергианства в целом. Последовательно рассматриваются различные аспекты деятельности всех патриархов РПЦ, управлявших Церковью после

митрополита Сергия.

Анализ автора объективен и, вместе с тем, достаточно суров. К сожалению, акцент делается на несомненно отрицательных сторонах деятельности этих российских святителей и как-то тускло упоминается о положительных сторонах их патриаршества. А положительные стороны есть у всех без исключения людей, а равно у их деятельности, независимо от того, какое место в обществе они занимают. В.Русак уделил достаточно внимания русскому зарубежью, дав абсолютно объективный анализ его истории, развития и современного состояния.

Не сомневаемся, что книга В. Русака станет одной из классических работ по истории Российской Православной Церкви.

Объем книги в твердом переплете – 580 страниц. Цена – 25 ам. долларов без стоимости пересылки.

Заказать можно по адресу:

Mr. Sergey A. Kargay,

100 Smith Rd.,

Russian Orthodox Convent "Novo Direevo",

Spring Valley, N. Y., 10977.

Чеки выписывать на: Russian Orthodox Youth Committee и указывать: "История" или "History".

Р.Гуардини

Религиозные образы в творчестве Достоевского

(Продолжение. Начало в №65)

Глава шестая

Безбожие

I. Предварительное замечание

В ходе наших рассуждений неоднократно высказывалась мысль, что в глазах Достоевского разрыв связей личности с народом и землей предстает как настоящее, непоправимое бедствие. Страдание, грех, преступление – все преодолимо силою этих связей; но если утрачиваются и они, то происходит самое страшное: человек теряет контакт с источником жизни и с Богом¹.

Этот процесс писатель хотел отобразить в грандиозных циклах романов. Как видно из его переписки и архива, в конце 60-х годов он задумал роман под названием "Атеизм". Из этого плана родился потом еще более грандиозный замысел: "Жизнь великого грешника"². Но и ему не суждено было осуществиться. Сам образ и фрагменты сюжета были использованы – так сказать, в расщепленном виде – в "Бесах", "Подростке" и "Братьях Карамазовых".

Первое из этих трех произведений особенно ярко рисует тот процесс отчуждения и разру-

шения, о котором шла речь выше.

Оба Верховенских – именно такие "отпавшие", особенно сын и его окружение. О Шатове мы уже говорили.

Ставрогин предстает как самый страшный и самый несчастный из всех персонажей Достоевского. То отпадение, о котором шла речь выше, воплощено в нем с такой силой и полнотой, что его образ перерастает в тип.

Что же касается инженера Кириллова, то он не исчерпывается этой формулой. Путь отрицания, которым он идет, находится уже в сфере общечеловеческого. Таким образом, по своему духовному значению он занимает место рядом с Алешей Карамазовым, хоть и в негативном смысле.

Я попытаюсь проанализировать обе названные выше личности. Вместе с Иваном Карамазовым они дадут в своей совокупности наиболее полную картину сил зла, разрушения и болезненных извращений, представленных в произведениях Достоевского. (Правда, картину эту можно было бы дополнить за счет таких персонажей, как Тоцкий и Лебедев в "Идиоте", Голядкин в "Двойнике", рассказчик в "Записках из подполья" и других, служащих воплощением

холодного эгоизма, низости, разложения, отталкивающих своей духовной скудостью. Кроме того, именно эти две личности демонстрируют конфликты и проблемы, особенно ярко характеризующие Новое время, и более того – обрисовывающие ту сферу, в которой должны приниматься решения, выходящие за рамки Нового времени. Ведь в общем и целом значение разлагающейся жизни для познания жизни здоровой состоит именно в том, что действующие силы и формообразующие элементы этой последней находятся в правильном, естественно-неприметном соотношении, в то время как первая заставляет их выступать на первый план с фатальной отчетливостью.

Кириллов

Алексей Нилыч Кириллов, по профессии инженер-строитель, "только что" вернулся из Америки "после четырехлетнего отсутствия". Он предстает перед нами как "еще молодой человек, лет около двадцати семи, прилично одетый, стройный и сухощавый брюнет, с бледным, несколько грязноватого оттенка лицом и с черными глазами без блеску. Он казался несколько задумчивым и рассеянным, говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннее" (Б. 98).

Свойственная ему сдержанность, сочетающаяся с рассеянностью и раздражительностью, неожиданно покидает его время от времени, когда он с жаром делает замечание философского характера или проявляет чисто человеческое тепло.

Кириллов – хороший человек. Он может вдруг рассмеяться "самым веселым и ясным смехом", причем лицо его принимает "на мгновение... самое детское выражение и, мне показалось, очень к нему идущее" (Б. 103).

Он любит детей, и они отвечают ему взаимностью. Как-то Ставрогин неожиданно входит к нему и застаёт его играющим с хозяйским малышом, который, видимо, незадолго до этого плакал. "Слезки стояли еще под глазами, но в ту минуту (он) тянулся ручонками, хлопал в ладошки и хохотал, как хохочут маленькие дети, с захлипом. Пред ним Кириллов бросал о пол большой резиновый красный мяч: мяч отпрыгивал до потолка, падал опять, ребенок кричал: "Мя, мя!"... Наконец, "мя" закатился под шкаф... Кириллов припал к полу и протянулся, стараясь из-под шкафа достать "мя" рукой (Б. 246).

Кириллов сочувствует чужому несчастью, не проходит мимо людского страдания и охот-

но помогает, чем только может.

Этот человек способен тонко чувствовать, но он наделен к тому же и незаурядной волей к мышлению. Когда к нему приходит рассказчик, он предлагает ему чаю:

– Я чай люблю, – сказал он, – ночью; много, хожу и пью; до рассвета...

– Вы ложитесь на рассвете?

– Всегда; давно. Я мало ем; все чай" (Б. 121).

Таким и остается он в памяти читателя – ходящим взад и вперед по комнате, отрешенным от действительности и предающимся нескончаемым размышлениям.

Иногда он внезапно устлавляется "своими черными вспыхнувшими глазами" на собеседника. Если разговор утрачивает серьезность, он выказывает раздражение, но потом снова начинает говорить "горячо", хоть и сохраняя спокойствие.

Особенно важно для его характеристики отсутствие чувства юмора.

– ... Я не люблю бранить и никогда не смеюсь", – говорит он грустно и "с улыбкой".

– Да, невесело вы проводите ваши ночи за чаем...

– Вы думаете? – улыбнулся он с некоторым удивлением, – почему же? Нет, я... я не знаю. – смешался он вдруг, – не знаю, как у других. и я так чувствую, что не могу, как всякий. Всякий думает и потом сейчас о другом думает. Я не могу о другом, я всю жизнь об одном" (Б. 124–125).

И та же мысль – в страшном разговоре перед его смертью:

– ...Ведь вы знаете, что это только слова.

– Я всю жизнь не хотел, чтоб это только слова. Я потому и жил, что все не хотел. Я и теперь каждый день хочу, чтобы не слова".

Вся жизнь Кириллова сконцентрирована для него на одном-единственном предмете. – правда, предмет этот составляет "проклятый вопрос" и всего человеческого существования. Душу его заполонила одна мысль, обретенная в долгих, мучительных поисках. Но это – не только мысль, не только образ; это – та сила, которая властно подчиняет его себе, так, что вся его внутренняя жизнь сосредоточивается на одном в такой мере, что человек теряет контроль над собой и полностью отдается этой силе. Здесь ощущается присутствие того, что Достоевский называет "идеей". Это не только мысль, но – власть, не только влечение. но – ясность мысли, не только теория, но – непосредственная настроенность на конкретное действие и целеустремленность воли. Это уже не человек владеет идеей, а она им. "Идея" означает нечто религиозное. Иногда она находит

свое осуществление в вере (Алеша Карамазов), иногда – в псевдоморфозе веры (Ипполит в "Идиоте"). Ее порождает не мыслительная работа, а интуиция, подчас же – эмоции, напоминающие экстаз. Идея может быть силой, возносящей на высочайшие вершины, как это происходит с Алешей, но может выступать и как гибридоподобный эрзац делающейся невозможной жизни – в случае с Ипполитом – или как демоническая одержимость, примером которой служит Кириллов.

Насколько опасно это состояние, демонстрируют следующие фрагменты из диалога на с. 614: "Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести". "Если более пяти секунд – то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит".

Здесь – не только концентрация мыслительного процесса, но своего рода экстатическая интеграция бытия, за которую приходится платить смертельным недугом. Опасность подобной концепции заявляет о себе и на других страницах романа, например, в разговоре со Ставрогиным:

– Старые философские места, одни и те же с начала веков, – с каким-то брезгливым сожалением пробормотал Ставрогин.

– Одни и те же! Одни и те же с начала веков, и никаких других никогда! – подхватил Кириллов, с сверкающим взглядом, как будто в этой идее заключалась чуть ли не победа.

– Вы, кажется, очень счастливы, Кириллов?

– Да, очень счастлив, – ответил тот, как бы давая самый обыкновенный ответ.

– Но вы так недавно еще огорчались, сердились на Липутину?

– Гм... я теперь не браню. Я еще не знал тогда, что был счастлив. Видали вы лист, с дерева лист?

– Видал.

– Я видел недавно желтый, немного зеленого, с краев подгнил. Ветром носило. Когда мне было десять лет, я зимой закрывал глаза нарочно и представлял лист – зеленый, яркий с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал.

– Это что же, аллегория?

– Н-нет... зачем? Я не аллегория, я просто лист, один лист. Лист хорош. Все хорошо.

– Все?

– Все. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все,

все! Кто узнает, тотчас же станет счастлив, сию минуту...

– Когда же вы узнали, что вы так счастливы?

– На прошлой неделе во вторник, нет, в среду, потому что уже была среда, ночью.

– По какому же поводу?

– Не помню, так; ходил по комнате... все равно. Я часы остановил, было тридцать семь минут третьего.

– В эмблему того, что время должно останавливаться?

Кириллов промолчал" (Б. 251–252).

Здесь дается описание того, как прорывается наружу "идея", – в определенный час, более того – в определенную минуту, символически отмечаемую тем, что Кириллов останавливает часы. Все это демонстрирует также, что цель всего переживаемого – очутиться по ту сторону добра и зла. На самом же деле достигается лишь смертоносная эйфория псевдомистической индифферентности. Мы ощущаем глубокую ранимость в словах о листе, чувствуем заложенный в них экстатический эрос... Но блаженство сводится здесь к тому, что вся его устремленность, вся полнота гаснет в "нирване". Об этом же свидетельствует и импульсивная манера говорить, выдающая его с головой, – все эти постоянно повторяющиеся "мне все равно" и "все равно"...

Какова суть этого человека?

В разговоре с рассказчиком он неожиданно и "с удивительно экспансивностью" заключает: "Меня Бог всю жизнь мучил". Импульсивное доверие извлекает это признание из сокровеннейших глубин, ибо – "Вы давеча хорошо сидели и вы... впрочем, все равно... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорил он, покраснев, – он семь лет умер; старший, очень, очень много" (Б. 125).

Попробуем распознать, что скрывается за этими словами. "Исходной же точкой послужит для нас та трепетная и глубокая экспрессивность, та любовно-болезненная тонкость ощущений, которая вибрирует в описании листа с дерева.

Кириллов любит жизнь. Он страстно хочет жить. Но, видимо, он воспринимает религиозную действительность таким образом, что она загораживает ему подступы к жизни. Ощущать Бога так, как это делает Кириллов, – можно сказать, соприкасаясь с Ним каждым нервом, – и в то же время жить представляется несовместимым.

К тому же религиозный опыт этого человека обладает болезненной силой. Очевидно, он до конца познал то, что мы обозначаем как извечное страдание, вызываемое осознанием рели-

гиозных ценностей.

Ценность есть смысл; ценностный опыт возвышает, одаривает, совершенствует – но разве жизнь не содержит наряду со стремлением к развитию и претворению ту потребность, которую так глубоко познал Достоевский, – потребность мучить других и себя? Инструментом этой потребности становится все – вещи, люди, ценности. И прежде всего – ценности религиозные, ибо они затрагивают самые чувствительные точки бытия. Как мучили друг друга люди на протяжении веков религиозными ценностями! Каким пыткам они подвергали сами себя и вплоть до каких глубин! Как связывали они эти муки со всем тем, что входит в понятие существования, как ощущали их всеми фибрами души, каждой каплей крови! И разве не естественно потом наступление того момента, когда, если можно так выразиться, мера того, что может вынести человек, оказывается переполненной? Здесь-то мы, видимо, и застаем Кириллова.

Повторим: в этом человеке дитя плачет по матери. Его снедает тоска по прибежищу, по прибежищу в Боге. Его мучит страстное желание преклонить главу на грудь Бога и обрести покой. Но что-то в его натуре противостоит этому. Причина коренится в его самоощущении, в его совести. Быть может, читателю знакома разрушительная игра угрызений совести, знакомо страдание, которое причиняет ставшая сверхчувствительной совесть своей же собственной жизни, руководствуясь тем, фигурально выражаясь, “законом”, согласно которому предпочтение оказывается именно тяжелому, именно болезненному, именно разрушительному. Угрызения совести, испытываемые Кирилловым, как раз такого рода. Они порождены структурой его личности. Личность эта подвижна (как и почти у всех героев Достоевского), не уверена в себе, неполноценна в своем собственном ощущении. Так вот: это внутреннее самоистязание, выражающееся у Ивана в титанизме его инквизиторства, трансформируется у Кириллова в адресованный себе запрет ощущать себя чадом Божиим. Оно вынуждает его быть взрослым и вести себя согласно принятым нормам. Чем более страстно его стремление к Богу, тем сильнее внутренний приказ “владеть собой”. И что это за мука – мука, причиняемая любовью, которая сама приговорила себя к проклятию отрицания! И как горьки, как необратимы последствия... Не что иное как это вынужденное самообладание, это взятое на себя обязательство соблюдать дистанцию и сохранять самостоятельность и мешает его речи, заставляя так странно переставлять слова. Потому и гаснет его лицо, потому и застывает в судороге марионетка – символ конца.

Самое гнетущее, что несет с собой эта бо-

лезнь, – страх.

Кириллов утверждает, что он ищет “причины, почему люди не смеют убить себя” (Б. 92: о смысле идеи самоубийства см. чуть ниже). Рассказчик возражает: “Разве мало самоубийств?” Кириллов парирует: “Очень мало”, – т. е. мало в сравнении с тем числом, которого следовало бы, собственно, ожидать, да и характер их совсем не тот.

– “Что же удерживает людей, по-вашему, от самоубийства? – спросил я.

– ...два предрассудка удерживают, две вещи; только две; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

– Какая же маленькая-то?

– Боль... Есть два рода: те, которые убивают себя или с большой грусти, или со злости, или сумасшедшие, или там все равно... те вдруг. Те мало о боли думают, а вдруг. А которые с рассудка – те много думают.

– Да разве есть такие, что с рассудка?

– Очень много³. Если б предрассудка не было, было бы больше; очень много; все.

– ...Да разве нет способов умирать без боли?

– Представьте, – остановился он предомно, – представьте камень такой величины, как с большой дом; он висит, а вы под ним: если он упадет на вас, на голову – будет вам больно?

– ...Камень с гору, миллион пудов? Разумеется, ничего не больно.

– А станьте вправду, и пока висит, вы будете очень бояться, что больно. Всякий первый ученый, первый доктор, все, все будут очень бояться. Всякий будет знать, что не больно, и всякий будет очень бояться, что больно.

– Ну а вторая причина, большая-то?

– Тот свет.

– То есть наказание?

– Это все равно. Тот свет; один тот свет”

Следовательно, человек знает, что ему надлежало бы убить себя – о причинах этого речь впереди – и в сущности этого хочет. Удерживают его лишь страх перед болью умирания и страх перед “тем светом”. При этом высказывается, однако, предположение, что того, что внушает человеку страх, по сути дела не существует. Когда падает “камень”, “ничего не больно”, иными словами – человек мог бы убивать себя безболезненно, если бы хотел. Боятся он, следовательно, не боли умирания, а чего-то другого: смерти вообще, конца как такового. И не “наказание” на том свете – равнозначное боли от камня – вызывает страх, а “тот свет, один тот свет”, просто-напросто не такой, как этот, но в то же время и не существующий – точно так же, как не существует и боли при падении камня. А, значит, и то, чего, собственно, боится человек, есть ничто.

Но что же порождает такой страх?

Рассказчик: "Человек смерти боится, потому что жизнь любит... и так природа велела".

"Это подло, и тут весь обман! – глаза его (Кириллова. – Р. Г.) засверкали. – Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен...". Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх" (Б. 93). То, о чем здесь, в сущности, идет речь, – следовательно, не предметная или понятийная категория, а само состояние бытия: "Жизнь (сама. – Р. Г.) есть боль, жизнь (сама. – Р. Г.) есть страх, и человек несчастен. "Боль, страх выступают не как эмоции, обусловленные обстоятельствами и исчезающие с исчезновением повода, а как проявления бытия, которые могут прекратиться лишь в том случае, если его не станет.

Бытие существует в виде боли и страха, и "теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит". Это "потому что" играет здесь решающую роль: первична не любовь к жизни, а любовь к боли. Все беды проистекают из извращенного экзистенциального аффекта: любви к боли, то бишь из смещения акцентов, замены первичного побуждения прямо противоположным, заблуждения в самой основе акта бытия.

Какое же социологическое содержание вкладывает в это Кириллов с его "социальным" уклоном? "И так сделали". Кто сделал? Консолидированное внешнее бытие, с его традициями, институтами, системой ценностей, выступающее по отношению к индивидууму как совокупность бесчисленных, заурядных, анонимных, а тем самым и непреодолимых "других".

Единственный, Кто гарантирует ныне существующее и в свою очередь гарантируется им, представая таким образом как воплощение и конечный смысл всего сущего, есть Бог. Точнее, "тот Бог". Кириллов говорил, однако, что не верит в Бога. Отсюда – вопрос рассказчика:

"– Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему?

– Его нет, но Он есть".

Смысл этого утверждения становится ясен из последующего: "...В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти".

Следовательно, Бога как такового не существует: "Его нет". "Но Он есть", точно так же, как есть химера, сама по себе ничего не значащая и исчезающая вместе с вызвавшими ее причинами, но оказывающая подчас колоссальное психологическое воздействие. "Бог", или, вернее, то, что имеется в виду, когда в наше время говорят о Боге, отсутствует – Он возникает лишь психологически из страха перед небытием. Он – болевое содержание страха, сгустившееся до степени возникновения иллюзорного существа, одна из ипостасей боли бытия. Сам Бог – ничто; Он есть боль, порож-

даемая страхом перед небытием и вырастающая в силу, которая движет миром. Бог – это призрак, суть которого сводится к беспредметным мукам⁴. Но так как страх и боль – точнее, жажда боли, тяготение к страху – первичны и представляют собой основную закономерность бытия, то и химера, носящая имя "Бог", выступает как желаемое (несущее человеку страдания). Недаром суеверный, умирая от страха, своими руками творит призрак, чтобы испытывать сладострастные муки ужаса.

Итак, в основе всего лежит разрушительная, чудовищная, более того – позорная любовь к боли и страху, тяготение к такому существованию, которое противоречит всем нормам чистоты и достоинства⁵. Тем самым извращается сама жизненная позиция⁶.

Однако, в размышлениях и языке Кириллова все это присутствует лишь постольку, поскольку то, что внушает страх, обретает расплывчатые формы, располагаясь между "Да" и "Нет", бытием и небытием. Оно теряет определенность и честность. "Его нет", но "Он есть". Существует лишь "Ничто", обладающее самой страшной властью – способностью внушать страх, в то время как само оно обрело эту власть благодаря страху⁷.

От этого состояния человека следовало бы излечить. Свое природно-непосредственное отношение к Богу он должен был бы переместить в сферу христианского. Препятствием на этом пути встает природный "Бог" – обретающий, например, у Шатова форму первозданного народного начала, любимого вплоть до самоуничтожения, а у Марии Лебядкиной – форму необузданного поклонения "Великой матери" и дионисийской, элементарной мощи Солнца. Эта божественность воспринимается Кирилловым более духовно и именно поэтому он не может ее перенести. Мучащее его небытие, "народ-богоносец" Шатова, мать-Земля и Солнце Марии Лебядкиной – все это одно и то же. Лебядкина и Шатов катятся в пропасть; ими движет экстаз – и в то же время ужас. Кириллов же хочет прорваться к истине, но не понимает, что туда ведет лишь один путь – ко Спасению, к Христу. Поэтому в действительности его "прорыв" совершается внутри той сферы, из которой он хочет выбраться, и доводит до предела все то, чего он стремится избежать. Тот опыт бытия и богопознания, который у двух остальных трансформируется в дионисийское приятие жизни, принимает у Кириллова форму отрицания⁸.

Эту неискренность можно было бы преодолеть, лишь двигаясь по направлению к Христу, – Который, правда, Сам должен был бы сохранить свободу, чтобы Его образ не был снова искажен; задачу эту осуществляет Церковь. В полной отдаче себя Христу, в исполненном любви и веры участии в Его бытии –

здесь я употребляю понятия, содержание которых определится вполне только в ходе дальнейшего изложения – “голая” конечность, вызывающая страх и муки, преобразовалась бы благодаря исполнению в конечность благодатную, заключенную Богом в экзистенцию любви, т. е. в Богочеловека и причащение к Нему. Именно и только так – через постепенное возрождение, через становление новой твари – исчез бы со временем и страх.

Но тогда человеку следовало бы быть готовым к тому, чтобы отказаться от природы в чистом виде, точнее, от того, что предстает как “природа”, на самом же деле все еще не определено до конца. Человек должен был бы быть готов принять Того, Кто приходит “свыше”. Тогда страх, порожденный заблуждением и его порождающий, уступил бы место истине – смирению и раскаянию, а подлинная цель всех устремлений – преодоление конечности – осуществилась бы в любви.

У Кириллова же сам образ Христа становится обманчивым:

– Кто научит, что все хороши, тот мир закроет.

- Кто учил, того распяли (Ставрогин).
- Он придет, и имя ему человекобог.
- Богочеловек?
- Человекобог, в этом разница” (Б. 189).

Этот Христос, проповедующий, “что все хороши”, – плод фантазии, как и Христос Ивана. Подлинный Христос никогда не возглашал ничего подобного, он сказал: “Вы будучи злы” (Лк. 11, 13). Христос Кириллова растворяется в неопределенности: “Он придет, и имя ему человекобог”. Здесь имеется в виду не что иное как становление нового человека. Налицо слияние воедино человека, Христа и Дионисия, – нуждающегося во спасении, Спасителя и олицетворения демонизма природы. Это означает, однако, что все утрачивает свой характер, что спасение отвергается, а человек и природа замыкаются в своем единении, с прометеевским довлечением себя, провозглашая собственное творческое начало, – иными словами, если оценивать это с христианской точки зрения, то можно констатировать торжество конечного⁹.

В жизни Кириллова нет места для Спасителя. Правда, он “зажег лампадку”, и в ответ на холодный, без обиняков вопрос Ставрогина “пробормотал”, что сделал это, так как “старуха любит” (речь идет о его квартирной хозяйке). Ставрогин чувствует в нем положительное отношение к Христу, точнее – возможность этого в будущем: “А сами еще не молитесь?” И чуть ниже: “Бьюсь об заклад, что когда я опять приду, то вы уж и в Бога уверуете”. Но Кириллов отвергает эту возможность. Решение принято.

По какому пути он пойдет?

Прорыв планируется именно там, где проблема приобретает особую остроту: в трактовке и познании конечного и – независимо от него и все же в теснейшей связи с ним – абсолютного.

Что внушает страх? – Смерть, потусторонний мир, Бог. Они сливаются воедино на краю существования, там, где его конечность предстает как граничащая с абсолютным.

Эта конечность заведомо воспринимается и приемлется как таковая. Стремление безраздельно отдаться Богу наталкивается на внутренний запрет, вынуждающий не преступать собственных пределов, сохранять автономию. Дело здесь, следовательно, не в том, что самоотдаче этому божественному Ты, признаваемому полноправным претендентом на душу, мешает лишь инертность и эгоцентризм человеческой природы. Напротив, сердце жаждет этой самоотдачи; но дух и совесть, достоинство и призвание человека восстают против нее – по той причине, что предполагающее ее смыкание воспринимается как мучительное, внушающее страх, недостойное. Речь идет, следовательно, не просто об инертности в оценках и боязни жертв, а об осмысленном возражении, порождаемом кризисом структуры бытия и направленном против фальшивой религиозной непосредственности, которая становится невыносимой. Обладая высокой религиозной чувствительностью человек воспринимает себя здесь уже не как существо, естественным образом связанное с Богом неразрывными узами любви и благодати, а как нечто “конечное”, сознательно отделяющее себя от “абсолютного”, – того, что внушает ему страх и с чем он вступает в экзистенциальную борьбу. Бог для него уже не рядом, не вокруг, не внутри, не в слиянии: напротив, он ощущает Его противостоящим себе – в облике Абсолютного или, может быть, чего-то абсолютного. Сознание трактует здесь собственное бытие как отколовшуюся “голую конечность”, Бога же – как отколовшееся “абсолютное начало” в чистом виде. Его власть он воспринимает как угрозу, направленную против эмансипирующей конечности. Ввиду того что самоотдача желанна, но запрещена, властно влекущий к себе предмет ее вожделений преобразуется в нечто враждебное, грозящее гибелью. Так как любить Его он себе запрещает, он превращается в монстра. Личные связи с ним больше не формируются; он становится чем-то безличным (“Его нет, но он есть”), призраком, “ничем” с его страшной, внушающей ужас властью. Невольно напрашивается параллель с Мартином Хайдеггером, которому принадлежит термин “нетитса”.

Стремление высвободиться приводит к решению довести ситуацию до логического конца, т. е. признать и продемонстрировать на пра-

ктике, что бытие действительно конечно и что не существует ничего, кроме конечного. "Смыслание" исчезает тут же. Бог перестает "присутствовать"; пропадают и страх, и мука. То, что некогда именовалось "Богом" – иными словами, воплощение смысла бытия – человек присваивает себе. "Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет. А тот Бог не будет". Возникающий таким образом новый человек станет уже другим существом – "человекобогом".

Но где же следует искать критерий того, можно ли считать эту перемену действительно свершившейся? Кириллов "всю жизнь не хотел, чтоб это только слова"; чем же он докажет, что тот акт есть нечто большее, нежели слово? Причем докажет не людям и не самому себе, а бытию как таковому, тем самым становясь метафизически действенным?

– "...Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы, тут все, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот Бог. Теперь всякий может сделать, что Бога не будет и ничего не будет. Но никто еще ни разу не сделал.

– Самоубийц миллионы были.

– Но все не затем, все со страхом и не для того. Не для того, чтобы страх убить. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот сейчас Бог станет.

– Не успеет, может быть, – заметил я.

– Это все равно, – ответил он тихо, с покойною гордостью, чуть не с презрением". (Б. 94).

И – в знаменательном разговоре с Верховским:

"...Если нет Бога, то я Бог... Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

– Своеволие? А почему обязаны?

– Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте?... Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому" (Б. 470).

Нынешнее бытие таково, что оно предполагает существование Бога. Таким, каков человек теперь, он может быть лишь при условии природно необходимого Его присутствия. "В теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак". Но ощущать это, когда период простой отдачи себя остался позади, а ее место заняло критическое осознание конечности – как раз и значит мучиться. Отсюда делается вывод:

"...Бог необходим, а потому должен быть.

– Ну и прекрасно.

– Но я знаю, что Его нет и не может быть.

– Это вернее.

– Неужели ты не понимаешь, что человеку с

такими двумя мыслями нельзя оставаться в живых?... Неужели ты не понимаешь, что из-за этого только одного можно застрелить себя? Ты не понимаешь, что может быть такой человек, один человек из тысячи ваших миллионов, один, который не захочет и не перенесет?" (Б. 469–472).

И ниже: "Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тот час же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам... Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою" (Б. 471–472).

Если человек хочет доказать, что признает простую конечность, то он должен взять на себя и то, – самое тяжкое, – чем она чревата. Он должен совершить то, чего категорически не приемлет Требующий отдачи: стать самостоятельным, своевольным, суверенным. Причем совершить так, чтобы это отвечало суверенитету Бога как властелина над жизнью и смертью: обретая право распоряжаться – не чужой, но собственной жизнью и собственной смертью. Он должен назначить собственной жизни конечный предел, делая это по своей воле и вполне сознавая, что "начальство" потеряло здесь всякую власть и что в раскаянии нет необходимости.

Если человек проходит через весь этот ужас – многозначность обозначений показывает, о чем здесь идет речь: о непостижимом переплетении уничтожения и становления, смерти и рождения, ужаса и триумфа, единичного акта и событий почти космического масштаба – то дальнейшее характеризуется такими высказываниями как: "...совсем кончено", "дальше нет ничего", "никто не захочет жить"... Но вместе с тем и такими: "Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет", или – и здесь проявляется вся метафизическая энергия мысли – словами относительно "перемены земли и человека физически. Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства". И еще резче: "Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически" (Б. 472).

Смысл всех этих высказываний сводится в конечном итоге к одному и тому же: рождению нового бытия из смерти старого. Оно представляет собой самодостаточную конечность в чистом виде, но конечность преобразованную, ибо она присвоила себе атрибуты Бога, сама стала "Богом", – не в смысле монистически-нескомчаемого всеединения, ибо конечность как таковая есть нечто вполне определенное, а в смысле обретения ею нового, нуминозного качес-

тва, непостижимого для нашего нынешнего бытия и мышления. В какой-то мере это предвосхищается ответом Кириллова на вопрос: "А сами еще не молитесь?" – "Я всему молюсь. Видите, паук ползет по стене, я смотрю и благодарен ему за то, что ползет". Суть конечности становится иной согласно принципу: "Я – Бог постольку, поскольку сознаю, что я Бог". Конечности присуща "страшная свобода". Она дарит блаженство, но испытываемая при этом радость страшна, а "всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость" (Б. 450).

Та же тема варьируется в ходе противопоставления понятий вечности и времени:

– "Жизнь есть, а смерти нет совсем.

– Вы стали веровать в будущую вечную жизнь?

– Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно.

– Вы надеетесь дойти до такой минуты?

– Да.

– Это вряд ли в наше время возможно, – тоже без всякой иронии отозвался Николай Всеволодович, медленно и как бы задумчиво. – В Апокалипсисе ангел клянется, что времени больше не будет.

– Знаю. Это очень там верно; отчетливо и точно. Когда весь человек счастья достигнет, то времени больше не будет, потому что не надо. Очень верная мысль.

– Куда ж его спрячут?

– Никуда не спрячут. Время не предмет, а идея. Погаснет в уме" (Б. 188).

Здесь четко выступает то, о чем идет речь: особый характер преобразованной, обретшей самостоятельность конечности, не "будущая вечная", а "здешняя вечная" жизнь. Само "время" будет вечно.

Новый аспект той же темы раскрывается в противопоставлении добра и зла:

"Вы, кажется, очень счастливы, Кириллов?"

– спрашивает Ставрогин. "Да, очень счастлив."

– отвечает тот. Ставрогин напоминает, что еще совсем недавно Кириллов огорчился и сердился, и слышит в ответ: "Я еще не знал тогда, что был счастлив". Это счастье порождается, следовательно, всей совокупностью экзистенциального опыта и может быть вызвано в каждом конкретном случае любой деталью бытия, – например, листом с дерева, принесенным ветром. "Это что же, аллегория?" – спрашивает Ставрогин. – "Н-нет... зачем? Я не аллегория, я просто лист, один лист. Лист хорош. Все хорошо". – "Все?" – переспрашивает Ставрогин с сомнением. И Кириллов подтверждает: "Все. Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту". И снова: "Все хорошо, все. Всем тем хорошо, что знает, что все хорошо... Вот вся мысль, вся,

больше нет никакой!" (Б. 188–189).

Тот факт, что "все хорошо", недвусмысленно свидетельствует о возникновении нового сознания. Это новое сознание располагается там же, где и сама новая конечность. Его содержание, его доводы не могут быть ни понаты, ни оправданы с позиций современного бытия; они являются лишь вместе с самим новым бытием и представляют собой не что иное как его самоосознание. В нем преобразованная конечность постигает себя самое, оказываясь по ту сторону напряженности, так мучившей ее ранее, по ту сторону добра и зла.

И, наконец, Кириллов так характеризует в этой связи свое экстатическое состояние (объясняемое собеседником близостью эпилептического припадка):

"Постойте, бывают с Вами, Шатов, минуты вечной гармонии?... Есть секунды, их всего раз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: "Да, это правда, это хорошо". Это... это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд – то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически" (Б. 450).

Эти слова с большой силой и наглядностью передают описываемый Кирилловым процесс онтического перехода, нового становления".

Поступок, который Кириллов хочет совершить по велению внутреннего долга, есть действие религиозное. Оно ведет к спасению, к рождению заново, – то ли только для других, то ли и для него тоже (это остается неясным). Но для других – во всяком случае. "Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем поколении переродит физически".

В дальнейшем к спасительному познанию можно будет приходить без самоубийства: "Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо **обязан** заявить своеволие" (Б. 471–472).

Неясно также, должны ли все покончить с собой, или спасительный поступок одного возведет всех на новую ступень сознания по другую сторону добра и зла; должна ли прекратиться всякая жизнь", или начнется новое существование. Любую из этих альтернатив можно было бы подкрепить цитатами. Мысль становится туманной, фантазмагорической – если только сама эта неопределенность не служит формой выражения сущностной аморфности становления, или, вернее, предопределением находящейся в движении потенции.

Во всяком случае, речь здесь идет о действии религиозного характера. С него в истории начнется новое летосчисление, так же как до сих пор ее делили на то, что произошло "до и после Рождества Христова": "Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до..."

– До гориллы?

– ...До перемены земли и человека физически".

Важно, что здесь выявляется отношение Кириллова к Христу. Когда он заявляет, что все узнают о его поступке, он ссылается на слова Христа:

"...Вот Он сказал.

И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя, перед которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

– В Него-то, стало быть, все еще веруете и лампадку зажгли; уж не на "всякий ли случай"? Тот промолчал.

– Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй, еще больше попа.

– В кого? В Него? Слушай, – остановился Кириллов, неподвижным, исступленным взглядом смотря перед собой. – Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: "Будешь сегодня со мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие... А если так, если законы природы не пожалели и этого, даже чудо свое же не пожалели и заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планеты есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы природы ложь и дьяволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек" (Б. 171).

Здесь ощущается глубокая связь с Христом. "Вот Он сказал" – это лучший аргумент. Что же до "большой идеи", то она состоит в следующем: Он, смысл и суть нынешнего мира, не су-

мел спасти его, ибо был ограничен рамками этого существования. Природа, нынешний материальный мир, современное бытие оказались сильнее, чем он. Следовательно, должен прийти другой и иначе взяться за дело: вскрыть ложь и расшатать основы этого самого бытия. В роли "другого" и выступает Кириллов.

Его мысли постоянно соскальзывают в сферу безумного. Более того, они погрязают в болоте недостойного.

Уже одно то, что Кириллов опутан сетями этой организации, свидетельствует не в его пользу: чего стоит хотя бы близость Петра Верховенского! Самоубийство Кириллова под руководством этого чудовища не только невыразимо страшно, но и позорно. Однако, с позиций Достоевского это еще ни о чем не говорит, – ведь самые глубокие вещи сверкают у него из тех задних дворов, где обитает сомнительное. Но даже в пределах такой диалектики совсем не одно и то же, говорят ли глубокие вещи такие люди, как Федор Карамазов, Лебедев и Мармеладов – или Кириллов, руководствующийся волей такого как Верховенский. Ведь акт самоубийства должен знаменовать собой окончательный – в религиозном смысле – распад бытия и зарождение нового смысла существования на пепелище старого. В то же время этот акт означает – не нужно никакого аналитического взгляда, чтобы это увидеть – глубочайшую эротическую самоотдачу. Речь идет о Боге, и речь идет о самом глубинном дарении себя; поэтому всех должен был бы окутать покров стыда. Здесь же во всем этом есть нечто ужасающе бесстыдное. Ведь если нечто до боли сокровенное отдается во власть такой низости, то это становится страшной проституцией. Быть может, сам Кириллов сказал бы в ответ: "Все равно". Но к грязи это не должно относиться!

А потом все действительно тонет в страшном, уродливом гротеске. Кириллов чувствует, что момент настал. Петр Верховенский хочет прикрыть его смертью собственные грязные махинации и торопит его. Кириллов, для которого теперь уже ничто не может иметь значения, должен оставить письменное признание в том, что он убил Шатова. Сначала он сопротивляется, но "вдруг совсем неожиданно" кричит "в решительном вдохновении":

"... Диктуй, все подпишу. И что Шатова убил, подпишу. Диктуй, пока мне смешно. Не боюсь мыслей высокомерных рабов! Сам увидишь, что все тайное станет явным! А ты будешь раздавлен... Верую! Верую!

Петр Степанович схватился с места и мигом подал чернильницу, бумагу и стал диктовать, ловя минуту и трепеща за успех.

"Я, Алексей Кириллов, объявляю..."

– Стой! Не хочу! Кому объявляю?

Кириллов трясся как в лихорадке. Это объя-

вление и какая-то особенная внезапная мысль о нем, казалась, вдруг поглотила его всего, как будто какой-то исход, куда стремительно ударился, хоть на минутку, измученный дух его:

– Кому объявляю? Хочу знать, кому?

– Никому, всем, первому, который прочтет. К чему определенность? Всему миру!

– Всему миру? Bravo! И чтобы не надо раскаяния. Не хочу, чтобы раскаиваться; и не хочу к начальству!

– Да нет же, не надо, к черту начальство! Да пишите же, если вы серьезно!.. – истерически прикрикнул Петр Степанович.

– Стой! я хочу сверху рожу с высунутым языком.

– Э, вздор! – озлился Петр Степанович. – И без рисунка можно все это выразить одним тоном.

– Тонем? Это хорошо. Да, тоном, тоном! Диктуй тоном.

“Я, Алексей Кириллов, – твердо и повелительно диктовал Петр Степанович, нагнувшись над плечом Кириллова и следя за каждой буквой, которую тот выводил трепетавшей от волнения рукой, – я, Кириллов, объявляю, что сегодня...” (Б. 472).

Кириллов дописывает заявление, но тут Верховенский замечает, что он еще не подписал его:

“...что ж вы глаза-то выпучили, подписывайте!”

– Я хочу изругать... – пробормотал Кириллов, однако взял перо и подписался. – Я хочу изругать...

– Подпишите: *Vive la république*, и довольно.

– Bravo! – почти заревел от восторга Кириллов. – *Vive la république, de démocratie, sociale et universelle, ou la mort!*.. Нет, нет, нет, стой, нашел всего лучше, звика: *Gentilhomme séminariste russe et citoyen du monde civilisé!* – вот что лучше всяких... – вскочил он с дивана и вдруг быстрым жестом схватил с окна револьвер, выбежал с ним в другую комнату и плотно притворил за собою дверь” (Б. 473).

И вот наступает тишина.

Далее следует страшная сцена, как Верховенский берется за замок, прислушивается, отпирает дверь – “что-то заревело и бросилось к нему. Изо всей силы прихлопнул он дверь и опять налег на нее, но уже все утихло – опять мертвая тишина” (Б. 474). “Что-то заревело...” О, этот средний род!

Верховенский стоит и размышляет, убьет ли себя Кириллов... “Свинство в том, что он в Бога верует, пуще чем поп...” Наконец он решается, входит в комнату, и вот –

“У противоположной стены, вправо от двери, стоял шкаф. С правой стороны этого шкафа, в углу, образованном стеною и шкафом, стоял Кириллов, и стоял ужасно странно, – неподвижно, вытянувшись, протянув руки по швам, приподняв голову и плотно прижавшись затылком к стене, в самом углу, казалось, желая весь стусеваться и спрятаться. По всем признакам, он прятался, но как-то нельзя было поверить. Петр Степанович стоял несколько наискось от угла и мог наблюдать только выдающиеся части фигуры. Он все еще не решался подвинуться влево, чтобы разглядеть всего Кириллова и понять загадку. Сердце его стало сильно биться... И вдруг им овладело совершенное бешенство: он сорвался с места, закричал и, топая ногами, яростно бросился к страшному месту.

Но, дойдя вплоть, он опять остановился как вкопанный, еще более пораженный ужасом. Его, главное, поразило то, что фигура, несмотря на крик и на бешеный наскок его, даже не двинулась, не шевельнулась ни одним своим членом – точно окаменевшая или восковая. Бледность лица ее была неестественная, черные глаза совсем неподвижны и глядели в какую-то точку в пространстве. Петр Степанович провел свечой сверху вниз и опять вверх, освещая со всех точек и разглядывая это лицо. Он вдруг заметил, что Кириллов хоть и смотрит куда-то пред собой, но искоса его видит и даже, может быть, наблюдает. Тут пришла ему мысль поднести огонь прямо к лицу “этого мерзавца”, поджечь и посмотреть, что тот сделает. Вдруг ему почудилось, что подбородок Кириллова шевельнулся и на губах как бы скользнула насмешливая улыбка – точно тот угадал его мысль. Он задрожал и, не помня себя, крепко схватил Кириллова за плечо.

Затем произошло нечто до того безобразное и быстрое, что Петр Степанович никак не мог потом уладить свои воспоминания в каком-нибудь порядке. Едва он дотронулся до Кириллова, как тот быстро нагнул голову и головой же выбил из рук его свечку; подсвечник полетел со звоном на пол, и свеча потухла. В то же мгновение он почувствовал ужасную боль в мизинце своей левой руки. Он закричал, и ему припомнилось только, что он вне себя три раза изо всей силы ударил револьвером по голове припавшего к нему и укусившего ему палец Кириллова. Наконец палец он вырвал и сломя голову бросился бежать из дому, отыскивая в темноте дорогу. Вослед ему из комнаты летели страшные крики:

– Сейчас, сейчас, сейчас, сейчас...” (Б. 475–476).

Эта сцена не требует комментариев: ужасающее состояние беспредельного страха вдруг обнажает в человеке иную суть, но не нового, спасенного человека, а механизма, марионетки, – суть, заставляющую содрогнуться: перед нами – нечто вроде щелкунчика, кусающего тем, что голова его опускается.

3. Конечность и ничто

Весь только что описанный мир мыслей и эмоций можно было бы отвергнуть, сочтя его религиозным безумием. Но если уж каждая болезнь несет в себе определенный смысл, то нельзя отрицать существования болезней, смысл которых выходит далеко за пределы конкретного индивидуума. О чем здесь идет речь, поясняет параллель между образом Кириллова и кругом представлений, связанных с Заратустрой Ницше.

Параллель эта настолько глубока и цельна, настолько охватывает все оттенки смысла, что творение Достоевского предстает чуть ли не как комментарий, как художественная иллюстрация к философии, вернее – посланничеству Заратустры. Лежащая в основе всего мысль, что "Бога" не то чтобы нет, но что Его нужно убирать, чтобы человек мог жить; самоосвобождение от страха и обидчивости путем воли к элементарной конечности и посюсторонности; борьба с внутренним позывом к мучениям; осознание потенций человека, и в частности – ждущей своего часа возможности возникновения в нем нового существа; определение этого существа как стоящего физически на более высокой ступени, онтически преображенного, присваивающего себе прерогативы Бога; утверждение, что путь человека должен вести его через страх и гибель к существованию в такой свободе и радости, которая нам, нынешним, внушает ужас, – все это, порождаемое всепроникающим чувством, что час конечности пробил, причем в невероятном смысле, религиозном и в то же время вполне земном, реальном – все эти взгляды у них общие. И в обоих случаях мы имеем дело не с какими-то случайными настроениями и неконтролируемыми чувствами, а с четко обрисованной экзистенциальной ситуацией, отражающейся в однозначном поведении и поддающейся определению с помощью некоей системы понятий. Через 19-й век проходит творческий путь трех людей, внешне почти не соприкасавшихся, – лишь один из них был знаком с творчеством одного из двух других, да и то фрагментарно, – но в конечном итоге близких друг другу по своей интеллектуальной и эмоциональной структуре. Это – три великих романтика: Серен Абайе Кьеркегор, Федор Михайлович Достоевский и Фридрих Вильгельм Ницше. В них находит свое последнее воплощение экзистенциальная ситуация

человека Нового времени, т. е., следовательно, начиная с 15-го века. Ими завершается этот период; в то же время они несут в себе элементы следующего периода, для которого еще нет названия.

Самоутверждение радикальной конечности и есть то, что предопределило конец прежнего периода и начало нового.

Для средневековья – как и для предшествовавшей ему античности – мир был конечен. Но конечность эта определялась формой, и форма была совершенна – форма шара. Мир был сотворен Богом, окружен и пронизан Им. Все в мире было конечным, но на всем лежала печать абсолютного, ибо это был символ Бога – воплощение во времени вечной, смысловой действительности. Таким образом конечность соприкасалась с Вечным и уже благодаря этому была чем-то большим, нежели простой конечностью. Все в этом мире было упорядочено, более того – упорядочено абсолютно, т. е. символически, посредством формы шара, центра и радиуса. Повсюду были иерархии – сфер, пирамид или чего-то еще. Человек же был воплощением, центром, вершиной, жрецом мироздания на его пути к Богу¹².

С приходом Нового времени мир начинает растягиваться и становится без – конечным. Тем самым теряется непосредственное ощущение окруженности Богом, защищенности от сознания, что Он – повсюду, что человек покоится в Боге, как посреди моря добра и власти. Понятия центра и радиуса утрачиваются, а вместе с ними – понятия упорядоченности и места. При этом вещи теряют характер символов, печать Вечного.

Мир становится без-конечным, но вещи обретают в то же время прямую конечность. Оба эти процесса взаимосвязаны и ведут к одним и тем же результатам.

Представление того, что у мира нет конца, создает первые психологические предпосылки для его отпадения от Бога. Для непосредственного восприятия человека Он становится бессильным. Растяжение мира лишает Его в восприятии человека реального бытия, лишает Его силы и смысла. Вместе с тем этот мнимобесконечный, мнимо-абсолютный мир начинает ощущать себя самодостаточным. Но так как для возвращенного на отношении к Богу чувства понятие самодостаточности применимо вначале лишь к "абсолютному", то возникает промежуточное звено: "дурная бесконечность" развития без конца, сопутствуемая "дурным абсолютным" математически необходимого в логике и науке. Возникающее сознание автономии мироздания получает тем самым основу и защитную оболочку. В то же время развивается особое, так сказать, квалифицированное ощущение конечности как удела "просто-напросто конечного" человека. Вследствие развенчания

Бога человек перестает ощущать непосредственную связь с Ним самой сути и цели своего существования. Будучи отдан во власть бесконечного наподобие всем вещам этого мира, он с ужасом чувствует – и во фрагментах Паскаля очень живо передается этот толчок осознания – уязвимость своей конечности. С ужасом – и в то же время ощетиниваясь для самообороны – человек выпрямляется. Он утверждает себя в своей конечности. Он начинает присваивать себе атрибуты Бога. Вначале тем, что приравнивает себя к чему-то “абсолютному”. Ведь субъект философских теорий нового времени и возникает путем приравнивания зависимого абсолюта идеальной ценности, содержащегося во всем бытии и в каждом духовном акте, к независимости и суверенности Бога. При этом к субъекту, конечному по своей сути, прикладываются мерки Божественного. Тем самым кладется начало категориальной автономии. К ней добавляется затем и сущностная: сферы человеческого бытия складываются одна за другой как ценностно-автономные. Понятие культуры Нового времени синтезирует их, беря на себя задачу наследования Царству Божию, – возможно, – в рамках государства.

Вместе с тем заявляет о себе понятие конечности как таковой. Сначала она осознается как незащищенность, как нечто случайное и сомнительное. Позднее, однако, человек открывает именно в факте своей конечности новые аспекты интенсивности и ценности бытия, а также новую этическую базу: характерное для Нового времени понятие ответственности. Таким образом, конечность перенимает самое себя, использует как основу себя самое. Она крепнет под прикрытием логического, этического, культурного “абсолютизма”, и поворот наступает в тот момент, когда она перестает нуждаться в его опеке, когда для самоутверждения ей уже не нужно больше апеллировать к псевдоабсолютности, а можно позволить себе ощутить, провозгласить, осуществить на практике: Конечное самодостаточно! Абсолютного не существует! Теперь не только живой Бог переводится в сферу чистого “абсолюта”, становясь таким образом чем-то абстрактным, не только делается по отношению к Нему упор на конечное, не только абсолютное используется конечным, – все это было лишь предварительным этапом, – но сначала ощущается, а затем провозглашается: Есть лишь конечное. То, что некогда именовалось “абсолютом”, на самом деле – лишь ипостась конечного. То, что раньше называлось “Богом”, суть достоинство, позиция, реальное состояние, выступающее как цель самой конечности.

Решающим шагом в этом направлении служит в конечном счете признание радикальной и исключительной конечности – титанический финитизм.

В той мере, в какой совершается этот шаг, сама конечность обретает черты “божественного”, точнее – “мирско-святого”. Суть его лежит по ту сторону принятого в Новом времени противопоставления мира Богу.

Это – порог, за которым располагаются грядущие времена. Выявление этого процесса и порождает ту тревогу, которой веет от наследия упомянутых выше трех авторов.

В основе “абсолютного парадокса” Кьеркегора лежит тот же экзистенциальный опыт, что и у Ницше в его учении о человеке и бытии. Кьеркегор преодолевает его, идя по пути христианства, – правда, подчас создается впечатление, что он изгоняет сатану Вельзевулом. Ибо чем отличается, если оставить в стороне его стремление к христианству, его трактовка “совсем другого Бога” от содержания, которое вкладывает Ницше, а за ним и Кириллов, в “Ничто”? Разве не могло бы мышление с иной направленностью перенять наследие Кьеркегора, превратив его в философию отчаявшейся конечности?

Ту же исходную позицию встречаем и у Ницше, с той только разницей, что он говорит “да” там, где у Кьеркегора – “нет”, и отрицает там, где тот утверждает. В этой амбивалентности проявляется диалектическое единство их позиций.

Здесь мы вновь сталкиваемся с тем же экзистенциальным уровнем, который представлен столь многими персонажами Достоевского, и прежде всего – в “Бесах”. Ярчайший же его представитель – Кириллов. В его патологической сверхчувствительности и своеобразности проявляется все то страшное, что содержится в той ситуации. Налицо интенсивное ощущение связи с Богом, но не через христианское искупление, а в природно-непосредственном и принудительном смысле. Вместе с тем экзистенциальный опыт достиг той фазы, когда конечность кажется готовой к смене ролей. Так всякая религиозная непосредственность становится мучением. Ее надлежало бы переработать в христианском духе, чтобы природная непосредственность стала христианско-личностной, подвижная независимость конечного – подлинно христианской суверенностью, искаженное соотношение конечного и вечного – тем собственно христианским началом, которое определено вочеловечением и таинством искупления. Вместо этого христианское начало отвергается, осознание конечности приводит к бунту, естественно-религиозные отношения отравляются и в своем стремлении высвободиться заключают союз с аффектом конечности. “Бог” изымается из мироздания; конечное объявляется единственной возможностью преодолеть мизерность бытия и вызвать к жизни истинную, исполненную смысла человечность. На самом же деле итог всего этого – лишь го-

лая конечность, та самая, которая уже не служит больше символом, не привязана к месту и не ощущает себя в лоне Божием. Как раз ее-то и окружает уничтожающее Ничто.

То, что эти мысли – не только философия, демонстрируют среди прочего врачебно-педагогическая теория и практика фрейдовского психоанализа, и прежде всего – большевизм, положивший их в основу историко-политической власти.

Какой страх проснется здесь в душе человека, какой ужас он испытает, если не сумеет защитить себя бесчувственностью, с христианских позиций еще гораздо более страшной, – иными словами, настолько овладеть механизмами бытия, чтобы можно было “удалить” страх путем хирургического вмешательства, как педагогического, так и медицинского, путем “кондиционирования” индивидуума и всего вида биологически, социологически, культурно-политически с применением психологии или хирургии. Тогда возник бы полностью эмансипированный человек, на которого сознание своей недвусмысленной конечности оказало

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Очевидно, Достоевский не верит в то, что можно сохранить веру в условиях такого распада, при котором рушатся все органические связи и основы. Оставаясь романтиком, он не признает той религиозности, которой приходится довольствоваться Новому времени и последующим временам – религиозности, порождаемой из милости и благодати чистой силой личности.

2 См также Неизвестный Достоевский, Мюнхен, 1926, с. 49.

3 Только что говорилось об “очень немногих” – теперь это уже “очень многие”. Оба высказывания представляют собой реакцию на мучительную необходимость противоречить собеседнику.

4 Выше говорилось о муках, приносимых Богом. Отношение к Богу воспринималось как мучительное. Здесь проявляется нечто новое. Страх воспринимается психологически как “местопребывание” Бога. Точнее говоря, страх как таковой трактуется как “Niminosum”. Религиозный аффект, это предание себя в руки Бога, со стороны всего конечного выступает здесь как страх. Бог внушает страх, несет мучения – и в то же время служит воплощением влекущего, притягивающего.

5 Все “психологическое” рассматривается при этом как вторичное, производное. Любое исследование половых влечений и честолюбивых устремлений, равно как и механизмов их подавления и извращения, считается все еще поверхностным. Как подлинная цель выступает изменение жизненной позиции, самого вида и самой направленности акта бытия. По Кириллову, “Бог” возникает в ходе этих преобразований, способствуя их завершению.

6 Уже здесь напрашивается сравнение с понятием “великого здоровья”, принадлежащим Ницше и означающим освобождение от того самого, нутряного “желания идти наперекор”. Такое освобождение изгнало бы боль, о которой шла речь выше, но – с христианской точки зрения – самым роковым образом. Это означало бы “выздоровление от Бога” и примирение с самим собою, но в то же время и полнейшее фиаско: причина счастья состояла бы в том, что Бог “больше не мучит”, так как

бы успокоительное действие. Но с христианской точки зрения никакие страдания мучимой страхом твари не могли бы сравниться с ужасом этого состояния.

Нельзя просто ставить знак равенства между этим процессом с одной стороны, виной и отпадением от Бога – с другой. Усматривать здесь только вину и отпадение – значит не понимать и искажать “индифферентное” историческое смещение экзистенциальной ситуации человека. О вине можно говорить лишь постольку, поскольку налицо неверное, более того – сознательно искажаемое суждение об этой новой ситуации, при том, что эгоцентризм, высокомерие, властолюбие и трусость одновременно используют эти исторические смещения, эти сдвиги ценностей и требований, чтобы таким образом оправдать себя. В действительности этот процесс ставит грандиозные задачи перед ответственностью христианина: задачи дифференциации и оценки, спасения, но в то же время и созидания. Эта тема уже затрагивалась выше, и здесь мы не можем позволить себе остановиться на ней подробнее.

Он отступил, растворился, ушел в небытие. С христианских позиций это, следовательно, есть не что иное, как умиротворение в потерянности, достигнутое благодаря технике полного отвлечения от нее.

7 Описанные здесь душевные процессы относятся к истории болезни, развивающейся из такого двойственного отношения к Богу – не просветленного Спасителем. Его конечная стадия характеризуется словами Ницше, в его Заратустре “Бог умер”.

8 А как обстоит дело с нирваной Будды? Не лежит ли между “всеобществом” брамизма? и “ничто” буддизма та же полярность? В этой вневременности и полном покое есть тот же симптом не спасения, как и браманские самоотдачи, оргазмы и политеистические культы являются срывающими покровы симптомами.

9 Образ человекобога занимает в жизни и мышлении Кириллова то же место, что и сверхчеловек – у Ницше. Здесь тоже сводятся воедино человек, Дионисий и Христос – подсудно в “Заратустре”, открыто в Письмах времени безумия.

10 Сравним с этим все происходящее с Заратустрой, если на него смотреть, как хотел Ницше, как на мистику и учение о становлении.

11 Сюда можно отнести странное замечание, которое делает Кириллов, когда Шатов рассказывает ему, что его жена вот-вот родит. “Очень жаль, что я родить не умею, то есть не я родить не умею, а сделать так, чтобы родить, не умею” или Нет, это я не умею сказать. “Это может означать лишь одно: я хотел бы, чтобы люди поняли, что продолжать рожать не стоит, и отказались бы от этого. То же – на с. 450. “Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут родить, а будут как ангелы Божии. Намек”.

12 “В наиболее чистом виде это представление об устройстве мира – в интерпретации того, кто стоит уже на самой границе – выступает у Данте

С.Тиктин

Коричневое и красное

Есть много свидетельств тому, что в самых различных обществах, подпавших под иго тирании, развивается нелегальный фольклор. Это

относится к народам различных рас, вероисповеданий, ментальностей и различного уровня политического и технологического развития.

Не так давно в Гонконге вышел сборник китайских анекдотов, в которых острым издевам подвергаются великий председатель Мао и его жена Цзян Цин. Вскоре после окончания войны в Персидском заливе газета "Русская мысль" сообщила, что в Ираке за анекдот о Саддаме Хусейне людей подвергают пыткам и часто казнят. Есть сведения о расцвете нелегального оппозиционного фольклора в Египте во времена правления Насера. Подобного рода примеров, давних и совсем недавних, накопилось немало.

Коммунистический режим в Советском Союзе с первых месяцев своего существования остро высмеивался в анекдотах, частушках, песенках и пр. И боролся с этим фольклором всегда, то с большей жестокостью, то с меньшей. Во времена Сталина за рассказывание антисоветского анекдота давали до десяти лет заключения. Но оппозиционный юмор выжил. Каждая волна эмиграции выносила из-за "железного занавеса" и издавала в свободном мире потоки фольклора соответствующего периода. Сегодня известны тысячи анекдотов, частушек и песенок. Из Леты то и дело всплывает, казалось бы, давно унесенный ею политический юмор пятидесяти-шестидесятилетней и большей давности.

А существовал ли массовый оппозиционный анекдотный фольклор в нацистской Германии? И какой? Если в так называемой ГДР (как и в других восточноевропейских сателлитах Советского Союза) за сорок лет ее существования развился довольно обширный анекдотный фольклор, то мог ли тот же народ не создать и антинацистского? Еще во время второй мировой войны стали известны за пределами гитлеровского "Рейха" некоторые антинацистские анекдоты, но это были отдельные штрихи, по которым невозможно было определить даже приблизительно картины германского нелегального фольклора той эпохи. Однако наступившая сразу же после крушения нацистского режима денацификация и значительная свобода прессы, особенно в части Германии, оккупированной западными союзниками, не привела тогда к массовому выходу в свет антинацистского фольклора. Оставалось только предполагать, что то ли гестапо, то ли союзная авиация уничтожили все материалы и живых носителей этого жанра. Пути фольклора – неисповедимы, но люди смертны, а рукописи – горят...

Но в 1984 году в мюнхенском издательстве Кнаур вышла под редакцией Руди Хартмана книга "Остроты шепотом из тысячелетнего рейха" ("Flüsterwitze aus dem Tausendjährigen Reich"), содержащая около 180 политических анекдотов периода 1933–45 гг.

История ее создания вкратце такова.

Призванный в армию восемнадцатилетний юноша Фридрих Гетц устроил на рождество

1943 года в казарме "капустник", где издательски сопоставил сообщения нацистских органов пропаганды с передачами английского радио, слушание которого тогда строго воспрещалось. За это он был вне очереди отправлен из тыловой роты на фронт. В отличие от Сталина Гитлер не имел тогда неисчерпаемых людских резервов; и тюрьма и концлагерь достаточно часто заменялись отправкой на восточный фронт. В марте 1945 года Гетц был тяжело ранен в голову. Когда он выписался из госпиталя, война в Европе уже закончилась. В октябре 1945 года он поместил в мюнхенской "Южногерманской газете" обращение к читателям с просьбой присылать ему антинацистские шутки и анекдоты.

Откликнулись многие. Гетц получил более пятисот писем. В них содержалось около трехсот пятидесяти анекдотов, время возникновения большинства из них могло быть определено с точностью до года. Анекдоты были в основном на баварском диалекте. Если бы Гетц поместил свое обращение также в газетах Берлина, Северной и Центральной Германии, улов оказался бы, скорее всего, куда большим. Почему он не сделал этого, неизвестно. В том же году Гетц поступил на филологический факультет Мюнхенского университета. Но ни учиться, ни издавать свою коллекцию ему не пришлось. Ранение дало тяжелые осложнения, и летом 1947 года Гетц умер двадцати двух лет отроду. Через много лет, после смерти его родителей, собранный им материал хранился еще у родственников и в начале 1980-х годов случайно попал в руки мюнхенского радиожурналиста Руди Хартмана. Хартман отобрал для издания примерно половину материала. Какими были критерии его отбора, – нам неизвестно. Многие баварские анекдоты были им отредактированы на литературном немецком языке. Поскольку современное ему поколение немцев уже не знало многих событий, фактов и особенностей нацистского периода, он вставил в книгу в качестве комментариев отрывки из нацистской прессы того времени. Если бы коллекция Фридриха Гетца была издана в первые послевоенные годы, то пояснений и комментариев бы не понадобилось. Интерес читателя к ней в Германии, да и в остальном мире был бы куда выше теперешнего. Выход этого сборника стимулировал бы дальнейший сбор нелегального фольклора нацистских времен, издания его все более полных антологий и научного исследования – подобно тому, как это происходит сейчас в России и русскоязычном Зарубежье с нелегальным фольклором советской эпохи.

Но судьба распорядилась иначе...

В предисловии к книге Р.Хартман пишет: "Рассказанный шепотом политический анекдот, направленный против Гитлера и Третьего рейха, был одной из форм сопротивления ре-

жиму... Это, разумеется, не было активным сопротивлением. Но если настоящее активное сопротивление оставалось более или менее изолированным в своем подполье, то острый юмор анонимного анекдота проникал в гущу всех слов населения Германии.

Во многих анекдотах просматривается надежда, что господство нацистов и их "Третий рейх" не долговечны. И рассказывание, и слушание политических анекдотов для многих немцев было духовной отдушиной, хоть на мгновение освобождавшей из коричневой смирительной рубахи. Поскольку политические анекдоты получали все большее распространение, нацистские власти с ожесточением выступили против этого последнего средства неподконтрольного им выражения политических взглядов и настроений.

Но в отличие от коммунистических властей, лицемерно избегавших всякого упоминания о преследуемом ими оппозиционном фольклоре и его распространителях, нацистские власти реагировали на него с грубой прямоотой.

Р.Хартман взял эпиграфом к редактируемой им книге следующее откровение Геббельса, высказанное еще в 1939 году:

"Эти шуты никогда и не состояли в партии. Тьфу, что за хамство! Они не справились бы даже с обязанностями управдома..."

Но они сделали руководящих деятелей нашей партии предметом дешевых острот и нахальных издевок.

Мы положим этому конец. Мы не желаем, чтобы интеллектуальные ничтожества измывались над нашей партией, нашим государством, нашими общественными учреждениями. И мы сумеем защитить от этого всего наши завоевания..."

Хартман делает следующий вывод:

"То, что все меры, предпринятые против распространения все новых и новых анекдотов, оказались безуспешными, показывает, что основные ценности свободного самовыражения за двенадцать лет нацистского господства не были утрачены".

Хартман цитирует записи Ф.Гетца, раскрывающие причины, побудившие его собирать германский нелегальный анекдотный фольклор по горячему следу только что закончившейся недоброй эпохи: "Я пришел к мысли собрать политические анекдоты в качестве исторического документа, который должны были бы изучать будущие историки, чтобы увидеть картину самовыражения германского народа в эпоху нацизма, которое газеты и пропагандистские брошюры того времени представляют неполно и искаженно..."

То, что анекдоты относятся к "черному юмору", не значит, что по их поводу нельзя смеяться. Мы все-таки будем смеяться над представленным ими прошлым и пережитым.

...Юмористические анекдотные реакции народа на пропагандистские залпы Геббельса называли тактикой булавочных уколов. Народа? Поначалу только немногих бескомпромиссных борцов и противников коричневого террора, придумывавших и распространявших политические анекдоты. Но их становилось все больше, пока политический анекдот не стал таим достоянием большинства народа. Эти анекдоты стали циркулировать везде: на предприятиях, в учреждениях, в гостиницах, даже в партийных организациях и спецслужбах, в городе и деревне".

Знакомая картина, не правда ли?

Насколько полно отражает эта книга германский анекдотный фольклор нацистского периода, – сказать трудно. Советский Союз насчитывал от 150 до 280 миллионов жителей в течение трех четвертей века своего существования. И продолжает поныне свою загробную жизнь, остро высмеиваемую по-прежнему живым анекдотным фольклором. В настоящее время нам известны около трех тысяч анекдотов об СССР, его сателлитах и СНГ. И это явно не все. В нацистской Германии было 60 миллионов населения, а гитлеровский режим просуществовал всего двенадцать лет. Еврейский фактор (очень активный в создании анекдотного фольклора) был там исключен почти с самого начала. Тем не менее, опубликованная Р.Хартманом коллекция Ф.Гетца, представляющая собой, несомненно, только часть германского антинацистского анекдотного фольклора, достаточно значительна, чтобы ее анализировать, проводить сравнения и делать выводы. Выплывает ли из Леты остальной германский анекдотный фольклор того времени или канул в нее безвозвратно, – неизвестно...

Анекдоты первого периода нацистского режима остро высмеивают введенное тогда "германское" приветствие "Хайль Гитлер!":

Один из приближенных советует Гитлеру вернуться к традиционному "Добрый день!" – "Нет, – отвечает Гитлер, – пока я у власти, в Германии не будет доброго дня".

Анекдот оказался пророческим.

Один человек встречает другого и говорит ему:

– Хайль Рембрандт!

– Что это значит? – спрашивает тот удивленно.

– Ничего. Уж если я обязан славить художника², то хотя бы настоящего.

Около 20% анекдотов из коллекции Гетца имеют более или менее сходные аналоги в советском анекдотном фольклоре. И это неслучайно: сходство фольклора отражает родст-

венность породивших его систем.

На дороге улегся бык и перегородил движение. Уговорить его уйти не удается.

Зовут полицейского.

Полицейский подходит к быку и шепчет ему что-то на ухо.

Бык встает и покорно дает себя увести. Полицейского спрашивают, что он такое сказал быку.

– Я ему сказал “Хайль Гитлер!” Он, ясное дело, обязан был встать при этом, – объяснил полицейский.

В 1945 году, вскоре после Ялтинской конференции, в Советском Союзе возник такой анекдот:

Бык стал на шоссе и перегородил дорогу corteжу автомашин “большой тройки”.

Рузвельт пытается уговорить быка уйти с дороги. Бык на него ноль внимания. Ничего не удается и Черчиллю. Подходит к быку Сталин и шепчет ему что-то на ухо. Бык, как ужаленный, отпрыгивает в сторону и стремительно убегает. Рузвельт и Черчилль спрашивают Сталина:

– Что вы ему такое сказали?

– Я сказал ему, что заберу в колхоз, – отвечает Сталин.

Школу должен посетить крупный чиновник из ведомства просвещения. Учитель предложил ученикам придумать что-нибудь для торжественной встречи. Макс тут же сочинил стишок, который очень понравился учителю:

“Наша кошка родила семерых котят.

Шесть из них – за Гитлера,

один – соцдемократ”.

Когда чиновник приехал, мальчик прочитал:

“Наша кошка родила. Кто ее котят?

Лишь один за Гитлера.

Шесть – соцдемократы”.

Вне себя, учитель спрашивает Макса:

– Что случилось? Ты же раньше сказал совсем иначе!

– Да, господин учитель, но за это время уже у шести котят глазки открылись.

Такой же анекдот возник и в СССР, но уже во времена сложившейся однопартийности:

Школьница-младшеклассница сочинила по поручению классной руководительницы стишок к очередному празднику:

“А у нас в квартире кошка

Родила троих котят.

Подросли они немножко –

И все в партию хотят”.

На торжественном вечере в школе она читает:

“А у нас в квартире кошка

Родила троих котят.

Подросли они немножко –

Двое в партию хотят”.

“Трое, трое!” – шепчет ей классная руководительница.

“Двое, – настаивает ученица. – Один уже прозрел.

Анекдоты первых лет нацистского правления остро высмеивают принудительно вводимое, еще не ставшее привычным, единообразие мыслей и слов, равно как и методы его введения.

На здании вывешен плакат: “**Никто не должен голодать и холодать!**” Идущая мимо старушка сокрушается: “Господи, даже это теперь запрещено!”

Гитлер удит рыбу и хмурится. Прохожий спрашивает:

– Почему у вас, мой фюрер, такое плохое настроение?

– Не клюет, – мрачно отвечает Гитлер.

– Да, я понимаю, – сочувствует прохожий. – При вас, мой фюрер, ни одна рыбка не решается рта раскрыть.

Господин Хубер вернулся из Дахау и встречает господина Мозера. Тот расспрашивает его, как там было.

– Замечательно, – рассказывает Хубер. – В девять часов нас будили, подавали кофе в постель. Потом утренняя гимнастика, завтрак, прогулка. Затем – свободное время до обеда. После него – отдых, чтение и игры. После ужина – культурные мероприятия – театр, концерты.

– Простите, – удивляется Мозер, – недавно я встретил господина Майера, так он мне рассказывал нечто совсем другое...

– Поэтому он снова там, – отвечает Хубер.

В конце 1920-х годов в Советском Союзе ходил точно такой же анекдот про Соловки. В анекдотах баварского происхождения термин “концлагерь” появляется редко. Вместо него – “Дахау”. Но и в СССР до того, как стало известно про Воркуту, Колыму и прочие острова Архипелага-ГУЛага, нарицательным обозначением концлагеря было слово “Соловки”.

Основные персонажи тогдашнего германского анекдота – Гитлер, Геринг и Геббельс. Гораздо реже появляется Гиммлер. Изредка – руководитель “трудового фронта” Лей.

По распоряжению нацистских властей в каждой квартире должны были висеть портреты нацистских вождей. Надзор за этим, как и прочий идеологический контроль, осуществлялся и через работников системы народного просвещения.

Учитель в классе спрашивает, чьи портреты висят в домах его учеников.

– У нас – портрет Гитлера, – отвечает Ганс.

– У нас – портрет Геринга, – говорит Курт.

– У нас – портрет Геббельса, – сообщает Фриц.

Один мальчик за задней партой молчит.

– А у тебя, Макс? – интересуется учитель.

– У меня – никого, – отвечает Макс.

– Где твой отец?

– В Дахау. Когда он вернется оттуда, он повесит всех троих.

Геринг и Геббельс, прогуливаясь в Альпах, встречают местного горца, чем-то похожего на Иисуса Христа.

Это сходство разозлило Геббельса, и он решил как-то поддеть встречного.

– Ну, дорогой, расскажи-ка, как это тебе удалось пятью хлебами накормить пять тысяч человек? Это же невозможно было!

– Почему невозможно было? Такое возможно и сегодня. Смог же ваш фюрер, к примеру, опьянить весь немецкий народ без капли алкоголя.

После денонсирования Версальского договора, сопровождавшегося оглушительной урапатриотической шумихой, в Германии появились такие анекдоты:

Полуслепая старушка просит проходящего мимо штурмовика прочесть ей лозунг, висящий над улицей.

“Германия снова свободна!” – читает штурмовик.

– Что, Гитлер умер? – спрашивает старушка.

Или:

Наши враги хотели с помощью Версальского договора навязать немецкому народу рабство. Но фюрер их опередил.

Через тридцать с лишним лет, после вторжения войск Варшавского пакта в Чехословакию, в Советском Союзе возник анекдот сходного содержания:

На политзанятиях замполит объясняет солдатам причину этой акции и спрашивает:

– Всем понятно?

– Так точно, товарищ замполит, – отвечает один из них. – Американские империалисты попытались навязать народу братской Чехословакии рабство, но мы их опередили.

Анекдотов о евреях и антисемитизме в сборнике очень немного. Тем не менее их достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: антинацистски настроенные анекдотисты сочувст-

вуют евреям Германии и отрицательно относятся к антисемитизму, тем более – к истребительному.

Эти два анекдота – из сравнительно “вегетарианских” времен:

В зоопарке еврейский мальчик перелез через ограждение в загон к белым медведям.

Один из медведей ударом лапы выбросил его из загона.

Вот что пишут об этом различные газеты:

“Мюнхенская газета”: **“У детей есть ангел-хранитель”**.

“Мюнхенские последние новости”: **“Сказочное спасение ребенка”**.

“Международный обозреватель”³: **“Нордический медведь с презрением отвергает еврейскую кровь”**.

“Штюрмер”⁴: **“Наглый еврейский хулиган напал на беззащитного белого медведя”**.

Военная автомашина, мчавшаяся от Ворота Победы к Мемориалу полководцев⁵ со скоростью 80 км/час, столкнулась с автомашиной с “золотыми фазанами”⁶, несшейся туда же от Коричневого Дома со скоростью 65 км/час.

– Кто виноват?

– Евреи.

А это уже из времен куда худших:

Эсэсманн в концлагере получил приказ расстрелять заключенного-еврея. Палач ведет обреченного в лес и, чтобы развлечься, говорит ему:

– Я дам тебе убежать, если ты отгадаешь, какой глаз у меня искусственный.

Еврей поворачивается и тотчас отвечает:

– Левый.

– Как ты, чертов жид, так быстро смог отгадать это? – изумляется эсэсовец.

– Очень просто. Он смотрел на меня так по-человечески.

Этот анекдот Ф.Гетц именует “трагическим”.

Тема лагерей **массового уничтожения** в сборнике не затронута. Не исключено, что анекдотисты о них и не знали, поскольку эти лагеря находились не в самой Германии. Впрочем, эта тема, скорее всего, вообще находится за пределами юмора, даже самого черного.

В некоторых анекдотах остро высмеивается невежество нацистских руководителей, стремящихся считаться учеными мужами.

Гитлер потребовал присвоить Гиммлеру докторскую степень.

Геринг и Геббельс присутствуют при церемонии, согласно университетскому уставу, в

качестве свидетелей. Ректор задает Гиммлеру формальный вопрос: "Кто убил Валленштейна?"⁷

Гиммлер в бешенстве кричит: "Не я!" – и выбегает из кабинета.

Геббельс утешает перепуганного ректора: "Если Гиммлер сказал, что он не убил Валленштейна, значит он его не убивал", – и уходит. Затем берет слово Геринг: "Если Гиммлер сказал, что он не убил Валленштейна, и Геббельс это подтверждает, значит, он его не убил".

Растерянный ректор добивается приема у Гитлера, рассказывает о происшедшем и спрашивает, надо ли в таком случае присваивать Гиммлеру докторскую степень.

– В любом случае, убил ли он этого жида Валленштейна или нет, – кричит разъяренный Гитлер, – Гиммлеру должна быть присуждена докторская степень.

Аналогичный, но более безобидный анекдот (о том, кто не написал Евгения Онегина) бытовал и в СССР.

Германия интенсивно вооружается, готовясь к новой мировой войне. Промышленность переводится на военные рельсы. Жизненный уровень основной массы населения снижается: "Пушки вместо масла!" Анекдотный юмор отражает растущее недовольство.

"Золотой фазан" выступает перед рабочими:

– В Африке трудящийся люд живет плохо. Многие круглый год голыми ходят...

Голос с места:

– А сколько четырехлетних планов они уже выполнили?

Не напоминает ли этот анекдот о сталинских пятилетках в советском анекдотном фольклоре?

"Армянского радио" в германском юморе, естественно, нет. Но анекдоты в форме "вопрос – ответ" имеются:

– Каким должен быть жареный гусь?

– Он должен быть коричневым, как Гитлер, жирным, как Геринг, и ошипанным, как немецкий народ.

Гитлер упал в воду и стал тонуть. Трое парней вытащили его. Он предлагает им самим выбрать себе награду. Один просит гоночный автомобиль, другой – самолет. Третий, плача, просит устроить ему государственные похороны по высшему разряду.

– Но зачем тебе это сейчас, ведь ты здоров и молод? – удивляется Гитлер.

– Мой отец убьет меня, если узнает, что я

вас спас...

Как тут не вспомнить анекдот про Хрущева, упавшего в силосную яму и вытащенного проходившим колхозником.

– Только ты смотри, никому не говори, что я в нее упал, – говорит ему Хрущев.

– Только и вы, Никита Сергеевич, никому не говорите, что я вас вытащил, – просит колхозник.

Рабочий автозавода "Volkswagen" договаривается с приятелем перебрасывать ему через стену автомобильные детали, чтобы тот смог собрать себе машину. Через некоторое время приятель говорит, что это не то, что ему нужно, и просит перебрасывать что-нибудь другое.

– Но я же тебе перебрал полный комплект!

– Не то. Сколько ни собираю, ни перебираю, все равно ничего, кроме пулемета не получается.

В Советском Союзе уже после войны возник аналогичный анекдот. Только детали перебрасываются с кроватного завода и из них получается то автомат, то пулемет.

Государственный инспектор спрашивает крестьянина, чем он кормит своих кур. Зерном, – отвечает крестьянин.

Его штрафуют за неправильный расход дефицитного зерна.

К следующему приходу инспектора кур кормят уже картофелем. Но и за это штраф. Когда инспектор пришел в третий раз, крестьянин говорит ему, что он ежедневно выдает петуху одну марку и посылает его вместе с курами в общественную столовую.

Точно такой же анекдот возник во времена Хрущева в Советском Союзе. Там кур кормят сперва кукурузой, потом зерном, потом начинают выдавать деньги на пропитание по их усмотрению. Естественно, что там вместо частного собственника фигурирует председатель колхоза, вызываемый "на ковер" в райком КПСС.

Едут Гитлер, Геринг и Геббельс и видят у дороги распятие. Гитлер сумрачно спрашивает:

– Уж не распнут ли и нас когда-нибудь?

– Могу себе представить... – задумчиво произносит Геббельс.

– Пока до этого дойдет, мы успеем выполнить все наши хозяйственные планы, – весело заявляет Геринг, – и тогда не будет уже нигде ни дерева, ни гвоздей.

В 1970-е годы в Советском Союзе возник

анекдот сходного содержания:

Мать Брежнева рассказывает сыну:

– На днях я была на могиле Хрущева. До чего же ее обгадили наши советские граждане. Что же будет на твоей, когда тебя не станет?

– Ничего, – утешает мать Брежнев. – К этому времени им уже нечем будет с...

Молодой человек добивается приема у Гитлера и нахально предлагает стать его заместителем.

– Вы что, сумасшедший? – в бешенстве кричит ему Гитлер.

– Простите, я не знал, что это необходимо для такой должности, – извиняется претендент.

Почти через полвека, в 1984 году, точно такой же анекдот возник и в Советском Союзе. Его герои – шестой генсек Черненко и “чук”.

Успешно начатая Германией вторая мировая война превратилась в затяжную. Победы все чаще сменяются поражениями, которые нужно как-то скрывать или преуменьшать их значение. Анекдотный фольклор реагирует очень чутко.

Раньше сказки начинались так: “Жили-были...” А теперь вот так: “Верховное командование вооруженных сил...”

Сходный анекдот существовал и в Советском Союзе.

Там сказки начинались так: “ТАСС уполномочен заявить...”

Перелет Р.Гесса в Англию в 1941 году послужил поводом для нескольких анекдотов.

Гесса представили Черчиллю.

– А, это тот сумасшедший из Берлина?

– Нет, – отвечает Гесс, – я только его заместитель.

Двое разговорились в концлагере.

– Тебя за что?

– Я ругал Гесса полгода назад.

– А я хвалил Гесса позавчера.

Любопытно, что за несколько лет до этого в СССР возник анекдот о двоих, сидящих в тюрьме за то, что один ругал, а другой хвалил известного партийного оппозиционера Радека. Но в нем появляется и третий персонаж, заявивший: “А я – Радек”.

А почти через двадцать лет точно такой анекдот возник в “народной” Польше. Его главный герой – репрессированный в начале 1950-х годов коммунистический деятель Гомулка.

После холодной зимы 1941/42 года наступила распутица. Сталин увяз в грязи по грудь, Гитлер – по пояс. Сталин спрашивает Гитлера:

– Адольф, почему ты не увяз так глубоко, как я?

– Я встал на голову Муссолини, – отвечает Гитлер.

Схожий анекдот появился в Советском Союзе вскоре после хрущевских разоблачений “культы личности”.

В аду в котле варится Гитлер, погруженный в смолу по шею. Рядом с ним – Берия, погруженный в нее по пояс. Гитлер спрашивает Берия, как это он так легко отделался. Берия отвечает: “Я на голову Сталина встал”.

На Востоке война идет, в основном, на суше. На Западе – в воздухе. В мрачных анекдотах о бомбардировках Германии не просматривается озлобления против англичан и американцев.

Анекдотисты однозначно считают виновниками этого обрушившегося на страну с небом бедствия Гитлера и Геринга, развязавших воздушную войну на уничтожение чужих городов и не сумевших обеспечить защиту своих.

Через сорок с лишним лет в Советском Союзе появятся десятки черных анекдотов о Чернобыльской катастрофе, обвиняющих в ней государственную систему и коммунистическое руководство.

Когда нет других средств психологической защиты, остается черный юмор...

Гитлер просит Геринга лично провезти его над Англией и показать результаты операций германских военно-воздушных сил.

Видя внизу разрушенный город, Гитлер не может воздержаться от восхищения:

– Великолепно, Герман. Это блестящее достижение твоих воздушных ассов!

– Прости, Адольф, – отвечает Геринг, – мы еще над Гамбургом.

– Что представляет собой теперь Гамбург?

– Триумф идеи Гитлера в исполнении Черчилля.

Гитлер, Геринг и Геббельс осматривают с самолета разрушенный Мюнхен.

– Как мне жаль их, надо хоть кого-нибудь там обрадовать, – говорит Гитлер. – Брошу им карточку на мясо. Кто-нибудь найдет...

Геринг, не желая отставать, бросает хлебную карточку. Геббельс лезет в карманы, но не находит ничего подходящего.

Пилот, услышавший их разговор, бурчит: “Вот сбросить бы вас всех троих – весь Мюнхен обрадуется”.

Любопытно, что точно такой же анекдот возник в середине 1950-х годов в Советском Союзе. Герои его – Хрущев, тогдашний премьер Булганин, бросавшие денежные купюры, и пилот, словно бы пересевший с немецкого самолета...

Геринг и Лей обсуждают вопрос о пораженческих настроениях в Мюнхене.

– Надо тебе там выступить с речью, – предлагает Лей.

– Ну, как мне там теперь выступать – после того, как я обещал, что ни один вражеский самолет не пересечет нашей границы? – возражает Геринг. – Лучше бы выступить тебе. Ты же им обещал жилища, полные воздуха и солнечного света. Теперь они имеют вдоволь и того, и другого.

Берлинец и мюнхенец делятся впечатлениями о последних воздушных налетах.

– У нас через три дня еще дымились развалины, в разбитых домах хлопали двери и окна, при каждом порыве ветра сыпались обломки, – рассказывает берлинец.

– То ли дело у нас, – отвечает мюнхенец. – Через восемь дней после налета еще летели из окон портреты Гитлера.

По мере приближения разгрома анекдотный фольклор становится все злее и беспощаднее.

Наиболее острым и злорадным издевкам подвергаются нацистское партийное руководство, СС и последние надежды на "чудо", способное изменить ход войны.

Издевательства перепарафразирован нацистский партийный гимн "Хорст Вессель", перетолкованы "новоязные" аббревиатуры СС, СА, НСДАП и другие. Жаль, что они дословно не переводились.

Вспомним, как давно уже была переделана в Советском Союзе песня "Широка страна моя родная", как перетолковывались РСФСР, СССР, ВЛКСМ, ВКП(б), КПСС и т.д. и т.п.

Гитлер, Геринг и Геббельс поехали кататься на лодке. Вдруг налетел ураган. Лодка опрокинулась и потонула. Кто спасся?

– Немецкий народ.

Во второй половине 1950-х годов возник сходный анекдот в Польше. При катастрофе самолета погибают Хрущев и Гомулка. Тем самым спасается Польша.

Женщина приводит к ветеринару своего коричневого пса.

– Что с ним такое? Он все время дрожит...

– Ничего особенного, – отвечает ветеринар.

– Теперь все коричневые собаки дрожат.

Гитлер стоит перед своим портретом и спрашивает:

– Что будет с нами после войны?

– Мы поменяемся местами, – отвечает портрет. – Меня снимут, а тебя повесят.

Этот анекдот – один из очень немногих, который стал известен в Советском Союзе еще во время войны. Но совсем недавно там появился точно такой про Горбачева. Не странно ли? Ведь Горбачев не совершил ничего подобного тому, что совершил Гитлер. Более того, объективно он, сам того не желая, немало способствовал развалу СССР и всей коммунистической системы власти. Но материальное положение большинства населения за время его правления резко ухудшилось, и на него обрушился анекдотный вал.

Последний анекдот в книге выглядит так:

Война окончена. Гитлер предстает перед судом, чтобы ответить за свои дела. Вдруг он сбрасывает парик, отрывает усики и заявляет:

– Я – мистер Браун, агент английской секретной службы. В 1919 году я получил задание довести Германию до полного и окончательного краха. Задание выполнено!

В советском фольклоре нам такого рода анекдоты пока не встречались. Зато широко известный В.Чалидзе в своей книге "Сталин – победитель коммунизма" (1981 г.) развивает аналогичную идею на полном серьезе: семинарист Сталин стал коммунистом именно для того, чтобы уничтожить коммунизм. В конце 80-х – начале 1990-х гг. в русской зарубежной публицистике возникла такая же легенда о Горбачеве.

Книга завершается впечатляющей картиной Пауля Вебера "Das Verhängnis" (в данном случае переводится как "В едином порыве") 1932 года.

Несметная толпа под нацистскими знаменами устремляется по становящемуся все круче склону горы к ее вершине. Но гора оказывается "зияющей высотой" (А.Зиновьев). За ее гребнем – крутой обрыв, с которого достигшие "заветной цели" и высоко поднявшие над ней свое знамя сваливаются вместе с ним в глубокий котлован. На дне его – огромный гроб, украшенный венком со свастики.

Неволью приходит в голову описанная Солженицыным в "Круге первом" картина заключенного на "шарашке" художника: всадник, во весь опор несущийся к небесному граду Святого Грааля и не видящий разверзшейся перед ним пропасти. И еще одна аналогия – "Котлован" А.Платонова...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одна из первых наших с Д.Штурман статей о подсоветском анекдотном фольклоре, напечатанная в "Новом Русском Слове", называлась "Смех шепотом", хотя тогда мы ничего не знали о сборнике, изданном Р.Хартманом.

² Гитлер был в молодости художником, но большого успеха не имел.

³ "Folkischer Beobachter". Издавалась Геббельсом.

⁴ Издавалась Ю.Штрейхером, главным идеологом анти-

семитизма, впоследствии повешенном в Нюрнберге по приговору Международного трибунала.

⁵ "Feldherrnhalle".

⁶ Так называли нацистских партийных функционеров.

⁷ Германский фельдмаршал во времена Тридцатилетней войны (XVII век), герцог Фридландский и Мекленбургский. Убит офицерами-заговорщиками по подозрению в измене кайзеру.

Д.Штурман

Как Ленин убил Духонина

Казалось бы, о Ленине сказано все, что следовало сказать. Я имею в виду труды, противостоящие его апологетике. Но явление это, Владимир Ульянов-Ленин, со всеми его деяниями и их последствиями, занимает в мировой истории такое место, что исчерпать его изучение едва ли возможно.

По сей день то бюст, то портрет, то рука с указующим перстом возникают за спинами высоких президиумов и над митингующими толпами.

А потому позволим себе оживить в памяти российского читателя одно из мрачайших событий 1917 года, в котором Ленин сыграл главную и типичную для себя роль.

Я далека от намерения приписывать **все** свойства политики Ленина его личным качествам. Скорее так: его личные качества удивительно соответствовали политике и принципам коммунизма в том их виде, в каком они были разработаны Марксом и Энгельсом. И особенно в той их конкретной форме, в какой они реализовались в России. Этим принципам необходимо было в нужном месте и в подходящий момент найти в одном из своих страстных adeptов столь уникальное сочетание личных качеств, каким обладал Ленин, чтобы они обрели историческую плоть. В такой же мере – этика и тактика, предполагаемые коммунистической доктриной, позволили проявиться и реализоваться исключительному комплексу качеств Ленина. У противной стороны не было в 1917–18 гг. ни целостной идейной доктрины, ни последовательной тактической ориентации. Крупных политических фигур подобные тактико-идеологические пустоты не порождают. И электические, аморфные, разрозненные внутри себя движения – тоже.

Позволю себе отвлечься от страшных событий ноября 1917 года и возвратиться к принципиальным основам отношения коммунистов к демократии. Сейчас это особенно актуально,

ибо родовые качества коммунизма должны хотя бы в какой-то мере определять реакцию демократии на акции коммунистов. Невменяемое благородство либералов по отношению к явно преступным, но обладающим демагогической фразеологией организациям легко становится одним из способов самоубийства демократии. Невменяемость и суицид часто соседствуют в медицинских эпикризах, в исторических – тоже.

Итак, обратимся к полуторавековой давности прошлому, предопределившему в большой мере тактику Ленина:

В марте 1850 года Маркс и Энгельс писали в "Обращении ЦК к Союзу коммунистов":

"...роль, которую немецкие либеральные буржуа в 1848 году сыграли по отношению к народу, в предстоящей революции... возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 года. Эта партия, демократическая партия, которая для рабочих много опаснее, чем прежние либералы, состоит из троякого рода элементов:

1. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью не медленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма...

2. Из демократических конституционных мелких буржуа, главной целью которых было создание более или менее демократического федеративного государства...

3. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является германская федеративная республика вроде Швейцарской и которые теперь называют себя "красными" и "социальными демократами" потому, что проникнуты благим намерением уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа. Представителями этой фракции были члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет".

"Мелкобуржуазно-демократическая партия Германии очень сильна. Она охватывает не только значительное большинство бюргерского населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров: за ней идут крестьяне и сельский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с ней против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех тех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упорочить свое положение в своих собственных интересах".

"В то время как демократические мелкие буржуа хотя и возможно быстрее закончить революцию, в лучшем случае, с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об уничтожении ее, не о затушевывании классовых противоречий, а **об уничтожении классов**, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества".

Разве все эти определения партий, разве это намерение заведомо противопоставить "самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии" (Маркс) явному большинству народа, это заведомое отрицание возможности сравнительно мирного преобразования общества, это легкомысленное стремление вовлечь не более и не менее как весь мир в непрерывную бойню, эта лавина непродуманных, бессодержательных формулировок – разве все это не фразеология и не миропонимание Ленина 1898–1922 годов (позднее наступит маразм физический)?

Ленинизм лишь показывает нам, как выглядит на деле попытка осуществления этих безответственных рекомендаций.*

А вот еще некоторые зловещие зерна, из

которых вырастет тактика Ленина:

"...во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвижение вперед по отношению к революционному пролетариату и **продиктовать** им такие условия, при которых господство мелкобуржуазных демократов с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и последующее вытеснение его господством пролетариата будет значительно облегчено".

Что потрясает – это абсолютное единство стиля Маркса – Энгельса и Ульянова-Ленина.

Далее – Маркс: коммунисты "не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести по отношению к ненавистным лицам или официальных зданиям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, но и взять на себя **руководство** ими (эксцессами! – прим. Д.Ш.)... с первого же момента победы необходимо направление недоверия уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников..."

А это – ленинское "земля – крестьянам", основы сталинской коллективизации, которая Ленину не удалась: коммунисты должны противиться укреплению класса мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей; "они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена **в рабочие колонии** (выд. Д.Ш.), обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия... Как демократы объединяются с крестьянами, так рабочие должны объединяться с сельским пролетариатом".

Вот вам и комбеды, и коллективизация, и трудколони. Предусмотрено в 1850 году.

А это – коммунистический "федерализм" и независимость периферии от центра:

"Далее, демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся добиться единой и нераздельной республики, постараются, по крайней мере, парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам и провинциям. **В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти...** ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая провинция ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая во всю свою мощь может быть развернута только из центра".

А как же "самоуправление ассоциирован-

* См. Д.Штурман, "Мертвые хватают живых (Читая Ленина, Бухарина, Троцкого)". Изд. "Overseas Publications Interchange, Ltd.", Лондон, 1982; Д.Штурман, "В И Ленин", Изд. "YMCA-PRESS", Париж, 1989; Д.Штурман, "О вождях российского коммунизма", Изд. "YMCA-PRESS", Париж и "Русский путь", Москва, 1993.

ных производителей" – "рабочее самоуправление"? Не может же каждый рабочий и даже ассоциированный коллектив "самоуправляться" "только из центра"?

И, наконец, еще один документ о безусловной преемственности принципов. С величайшей симпатией и с собственным предисловием печатают Маркс и Энгельс отдельной брошюрой новогодний тост, написанный Огюстом Бланки в тюрьме Бель-Иль-ан-Мер 10 февраля 1851 года, именуя последнего "благородным мучеником коммунизма". По-видимому, они разделяют взгляды "благородного мученика", хотя традиция предписывает считать, что марксизм против заговорщицкой тактики бланкизма. О Бланки в своем тосте, в частности, пишет:

"Оружие и организация – вот главное оружие прогресса, решительное средство покончить с нищетой.

У кого меч, у того и хлеб! Перед оружием падают ниц, безоружную толпу разгоняют. Франция, оцетинившаяся штыками рабочих, – вот пришествие социализма.

Для вооруженных пролетариев не будет ничего невозможного, исчезнут все препятствия, всякое сопротивление!

Но пролетарии, которые дают себя забавлять смешными прогулками по улицам, посадкой деревьев свободы, звонкими фразами адвокатов, получают сначала святую водицу, потом оскорбления, наконец, – картечь и нищету всегда.

Пусть же народ сделает выбор!"

Этот тост выходит отдельной брошюрой с панегириком-предисловием Маркса и Энгельса, но Франция 1851 года не Россия 1917 года, и она не взрывается.

Можно проследить в очередной раз связь большевизма с предшествующими ему направлениями внутри **русского** революционного движения. Это исследование можно начать сколь угодно далеко: психологическая, тактическая, нравственная основы безоглядного радикализма, диктаторского централизма, заговорщицкие приемы, нравственный нигилизм и другие качества большевизма росли, несомненно, и из почвы отечественной. Они развивались преемственно, **по меньшей мере**, сто лет. Но и марксизм в его крайних, радикалистских и экстремистских настроениях и идеях отнюдь не случайно нашел благодарную почву в очередной, начала 1890-х годов, ипостаси российского крайнего радикализма с характерной для последнего обязательной диктаторско-централистско-максималистской окраской и презрением к "обывательской" морали и этике. Как ни одно другое учение Запада, марксизм не только нес в себе эти черты, но и облек их в научнообразную, квазирациональную, импонирующую позитивистскому сознанию форму. Для неста-

бильной в своей либерализации России это сочетание близких эмоций и псевдологичности было особенно опасным.

Итак, Ленин – коммунист, марксист, – и его личные качества нашли великолепное поле приложения **в тактике**, предписываемой его учителями их последователями. Если ему и пришлось изменить на деле многим положениям исходной доктрины, то отнюдь не установкам организационным и тактическим. Тактика же самым необходимым образом включает в себя и этику. Есть и еще одна неустранимая зависимость: чем утопичней "конечная цель" политика, тем сомнительней этические основания его тактики.

После необходимого отступления вернемся непосредственно к сюжету этого очерка.

Читатель, возможно, интересовался печатным наследием Ленина. И тогда он вспомнит, как уверенно Ленин предрекал, что при переходе власти в руки "трудящихся" (читай: большевиков) несколько десятков крупнейших капиталистов будут посажены на неделю-другую в холодную и этим репрессии против врагов трудящихся ограничатся. Такова была "теория" (точней – демагогия). В первые же дни советской власти она обернулась страшной судьбой последнего назначенного Временным правительством верховного главнокомандующего российской армией генерала Духонина. История этого ленинского преступления всегда лежала у историков на ладони, – стоило лишь захотеть увидеть. Она была цинично расписана в официальных изданиях сочинений Ленина, включая пятое, и в других книгах, запрещенных только в конце 1920-х годов, а то и позже. В зарубежных же библиотеках, русские отделы которых часто достаточно велики, никто никогда на них и не посягал. Но знать – не хотели. **В большинстве своем** ни зарубежные, ни отечественные, включая и годы "гласности", историки не пытались восстановить растоптанные совпартийной историографией репутации и развенчать кумиры.

Начну с отрывков из №221 "Известий ВЦИК" от 23 ноября 1917 года, из газеты "Правда" от 26 ноября 1917 года и дополню их данными ПСС (пятого, "полного" собрания сочинений Ленина). Публикации "Известий ВЦИК" и "Правды" были помещены также во втором и третьем изданиях сочинений Ленина. Публикация этих документов в пятом издании отличается от предыдущих тем, что в ней даются чаще полные тексты выступлений Ленина, чем их "газетные отчеты". Само собой разумеется, что за полную идентичность печатного текста истинной речи Ленина ручаться трудно.

Итак, вот как выглядели узловые моменты разговора Ленина и Крыленко (в пятом изда-

нии сочинений – Ленина, Сталина и Крыленко) в "Известиях ВЦИК" №221 от 23 ноября 1917 года:

Ленин предлагает Духонину начать немедленные переговоры о перемирии со всеми воюющими державами, что ранее было ему предложено телеграммой за подписями Ленина, Троцкого и Крыленко.

"Духонин: ...Мне совершенно необходимы следующие фактические сведения: 1) имеет ли СНК какой-либо ответ на свое обращение к воюющим государствам с декретом о мире; 2) как предполагалось поступить с румынской армией, входящей в состав нашего фронта; 3) предполагается ли входить в переговоры о сепаратном перемирии и с кем, только ли с немцами или и с турками, или переговоры будут вестись нами за общее перемирие?"

Ленин настаивает на немедленном начале переговоров, "решительно отвергая право замедлить это государственной важности дело какими бы то ни было предварительными вопросами", требуя извещения его "каждый час о ходе переговоров".

"Духонин: Вопросы мои чисто технического характера, без разрешения которых невозможно ведение переговоров".

Ленин предлагает разрешать возникающие технические вопросы по ходу переговоров и немедленно к ним приступить.

"Духонин: Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее они возможны для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира.

Ленин: Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание?

Духонин: Точный ответ... я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством.

Ленин: Именем правительства Российской республики, по поручению СНК, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неисполнение предписаний правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко".

Примечательно, что в полном тексте "разговора правительства со ставкой по прямому проводу 9 (22) ноября 1917 г." /ПСС, т.35, с. 77 – 80/ в репликах не обозначена фамилия Ленина. Участники диалога со стороны Ставки, генерал Маниковский и генерал Духонин, обозначены везде. Разговор ведется, как уже было сказано, Лениным, Сталиным и Крыленко. Почему он помещен в собрание сочинений Ленина, как перепечатанный из газеты "Рабочий и Солдат" №20 от 9 (22) ноября 1917 года, совершенно непонятно: неужели Ленин сочинял для каждого его реплики? И ведь помещен-то не в дополнительных разделах тома, а среди ленинских текстов!

Прислушаемся к словам Духонина. Достойный, ясный, простой язык. Корректность по отношению к собеседникам, вряд ли ему симпатичным. Все его вопросы и замечания элементарно разумны. Тон лоялен, принципиальных возражений против заключения мира у него нет. Высказывания Духонина носят сугубо деловой характер. В сравнении со стилистикой и интонацией реплик Духонина особенно резко проступает абсурдность ленинских требований. Несмотря на нелепость приказа, Духонин в принципе не отказывается взять на себя его выполнение. Он пытается его обдумать, пытается понять, на какой основе, с кем, исходя из чего вести переговоры. Ленин не хочет ничего слушать. При полном прочтении диалога, из которого мы дали только отрывки, возникает впечатление, что СНК и не может ничего конкретного подсказать Духонину, так как Ленин и сам не знает, что надо делать для заключения перемирия. Кроме того, он не только не готов к этим спокойным, серьезным конкретным вопросам: у него иная задача. Разговор этот – только повод избавиться от Духонина, заменить его своим человеком, а не вот так, на бегу, нахрапом, заключить перемирие. И не только избавиться, а подвести под отстранение Духонина от должности подобие какой-то "правовой" основы. Если попроще – то найти зацепку, "обнаружить" криминал в его поведении. И потому вместо вразумительных ответов раздаются угрозы, слова об "ответственности по законам сурового военного времени". Если бы Временное правительство мало-мальски учитывало эти законы, Ленин и его соратники были бы нейтрализованы еще в апреле 1917 года, не говоря уже об июле.

В том же номере "Известий ВЦИК" напечатан еще один исторический документ – "РАДИО ВСЕМ. Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота".

И опять: во всех собраниях сочинений Ленина, включая ПСС, документ этот перепечатан с цинизмом, который мы сможем оценить

только в конце этого очерка.

Вот как звучит в ленинском пересказе диалог представителей СНК со Ставкой /ПСС, т. 35, с. 81–82/:

“...Переговоры велись от 2 до 4 с половиной часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание правительства, но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям.

Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко.

Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это...”

Обращение подписано Лениным и Крыленко.

Вся эта, с позволения сказать, “операция” (смещение и замена верховного главнокомандующего) была проведена Лениным без санкции ВЦИК Советов, высшего органа власти советской России, которому было “подчинено” ленинское правительство, к тому же – “временное” (см. стенограмму II Съезда Советов). Ленин вынужден доложить ВЦИК о переговорах с Духониным и его смещении. И он это делает на заседании ВЦИК 23 ноября 1917 года. Сопоставьте следующий отрывок из его выступления перед членами ВЦИК с приведенным выше разговором по прямому проводу с Духониным и вы увидите, сколько в этих оправданиях демагогической лжи и зерна какого террора в них таятся:

“...Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о переми-

рии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдат – расстрелять изменников тут же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление, – чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только обращаясь к чувству организованности и самостоятельности солдатской массы. Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. ...я против слабых мер и предлагаю не связывать нам в этом отношении руки” /ПСС, т. 35, с. 88/.

На заседании ВЦИК звучало множество возражений, но Ленин их категорически отменил. Когда же ему и его правительству действительно пришлось заключать сепаратный мир с Германией, и он, и причастные к этой операции его дипломаты действовали вполне профессионально, на межгосударственном уровне, не допуская, разумеется, никакой самостоятельности “снизу”.

Ленин вынужден был говорить о смещении Духонина и о замене его прапорщиком Крыленко еще и на Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов 27 ноября 1917 года. Вот как выглядит газетный отчет этой части его выступления:

“Тов. Ленин останавливается далее на вопросе о войне. Когда оратор говорит о смещении Духонина и назначении Крыленко главнокомандующим, раздается смех. – Вам смешно, но солдаты вас осудят за этот смех. Если здесь есть люди, которым смешно, что мы сместили контрреволюционного генерала и назначили Крыленко, который против генерала и поехал вести переговоры, то нам не о чем с этими людьми разговаривать. С теми, кто не признает борьбы с контрреволюционным генералитетом, у нас нет ничего общего, мы предпочтем лучше уйти от власти, быть может, залезть в подполье, но не будем с такими людьми иметь ничего общего” /ПСС, т. 35, с. 95/.

О да! Как вы охотно уходите от власти, мы наблюдаем по сей день (октябрь 1993). Да и в том же выступлении, чуть выше, оратором сказано однозначно:

“Что касается Учредительного собрания, то ...работа Учредительного собрания будет зависеть от настроения в стране, а я скажу: на настроение надеяться, а винтовки не забывая”.

Отметим, что речь эта произнесена 27 ноября 1917 года и в ней сказано, что Крыленко уже “поехал вести переговоры” с Духониным. Для нас эта дата весьма важна.

Через три дня Ленину пришлось оправдываться в происходящем перед строптивым

профсоюзом железнодорожников ВИКЖЕЛем, вскоре разогнанным. И Ленин снова инсинуирует. Цитируем отрывки из газетного отчета о речи Ленина по поводу заявления представителя ВИКЖЕЛЯ на том же Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов:

“Заявление Викжеля, без сомнения, не что иное, как одно только недоразумение. Можете ли вы допустить, хоть на одну минуту, чтобы войска, сознающие свой революционный долг, борющиеся за народные интересы, подойдя к Ставке, стали громить вся и всех без предъявления требований, без объяснения, зачем они пришли, хотя бы окружающим Ставку солдатам. ...Революционная армия никогда не производит первого выстрела, а злобно выступает только против захватчиков и насильников народа. Если бы было иначе, слово революция утратило бы свой смысл”/ПСС, т. 35, с. 98/.

Не могу не отметить, что, во-первых, вождь революции сознательно и бесстыдно лжет (“Революционная армия никогда не производит первого выстрела”), а во-вторых, судя по тому, что речь идет о разгроме Ставки, все, о чем будет сказано ниже, к тому времени уже свершилось. Ленин же в продолжении цитируемой речи говорит о Духонине как о живом и борющемся противнике мирного договора.

Не помню сейчас, каким образом в конце 1960-х или начале 1970-х годов ненадолго попала в наш дом изрядно потрепанная книга С.Шиманского “Кошмары царизма и народо-власть” /М., 1918, изд. “Революция и культура”/. Кое-что я из этой книги успела выписать и смогла сохранить. Книга эта мне более не попадалась, и я ничего не узнала о ее авторе. Но первоисточники, на которые он ссылается во второй части книги, сомнения не вызывают. Сообщая о первых “кошмарах народо-власть”, С.Шиманский рассказывает и о расправе над генералом Духониным. Цитирую отрывки из его сообщения:

“За два дня до своей кончины генерал Духонин говорил: “Я знаю, что меня ожидает”. Но он полагал, что его, подобно многим другим, посадят в Петропавловскую крепость и будут судить. О дикой расправе вооруженных людей над безоружным он не мог думать.

Он заявил о готовности сдать командование назначенному вместо него Крыленко и ждал его приезда в Могилев. ...Последний приехал, и к нему в вагон был доставлен в автомобиле Духонин. Вагон стала осаждать возбужденная и возбуждаемая толпа. Напирали на вагонную дверь. Попытка, очень неуверенная, Крыленко остановить самосуд не имела успеха. Его не слушали и лезли в вагон. Убеждения Крыленко не действовали на толпу. Кто-то из нее потребовал, чтобы толпе “показали” Духонина. Это

был лукавый ход. Духонина привели, чтобы показать его толпе. Она пришла в неистовство. Толпа ринулась внезапно на вагонные двери. В вагон, по показанию корреспондента “Русского слова”, вскочило несколько красногвардейцев. Один из них развернул белый плакат, в котором было написано: “Военно-революционный суд”. Другой подал Духонину бумагу, которую тот прочел и понял, что его ожидает. В бумаге был написан смертный приговор.

Этому новому напору сторонников самосуда не было дано решительного отпора новым главнокомандующим Крыленко с его командой. По свидетельству печати, Крыленко только схватился за голову и сидел, не отрывая рук от лица. ...Красногвардейцы стали вытаскивать Духонина из вагона. Генерала держали за плечи и за руки. Он стоял на площадке. Ему удалось вырвать правую руку, и он поднял ее в знак своего желания говорить. Но в эту минуту какой-то матрос подскочил и поднес к его горлу револьвер. Раздались два выстрела. Труп полетел на платформу при криках: – “Ура!” Труп был изорван и превращен в кровавую массу”.

Поскольку все приведенные нами выше свидетельства Ленина, предвалявшие зверскую расправу над генералом Духониным, немедленно публиковались в наиболее массовых рабочих и солдатских большевистских газетах и листках, то именно Ленин и является инспиратором этой расправы. Крыленко получил от Сталина свое в годы “большого террора”. Не исключено, что какая-нибудь из фракций великодушного “Мемориала” пытается сейчас увековечить его память. Но он хотя бы закрыл лицо руками. Ленин же провел задуманную и осуществленную им операцию хладнокровно и – по сей день – безнаказанно. Напоследок приведу еще один документ. В “Указателе имен” все к тому же тому 35 ПСС Ленина (главный редактор тома – М.Панкратова, по чудовищным учебникам которой учили историю поколения советских людей) есть потрясающая, я бы сказала даже, что обжигающая осведомленного читателя справка о генерале Духонине. Привожу ее полностью:

Духонин, Н.Н. (1876–1917) – генерал царской армии, монархист. В сентябре 1917 года буржуазным Временным правительством назначен начальником штаба верховного главнокомандующего. После Октябрьской социалистической революции объявил себя верховным главнокомандующим и пытался организовать контрреволюционный мятеж против Советской власти. За отказ выполнить предписание СНК от 7 (20) ноября 1917 года о немедленном перемирии и открытии переговоров с воюющими странами в целях заключения мирного договора был смещен со своего поста и арестован в Ставке. Убит восставшими солдатами”.

Том 35 ПСС Ленина вышел из печати в 1969 году. То, что его составители и комментаторы

позволили себе столь явную и легко опровергаемую советскими же официальными данными ложь, как приведенная выше справка, свидетельствует лишь об одном: о тотальной нечитаемости советскими гражданами, в том числе и остепененными историками, даже и с либеральными репутациями, литературы такого рода.

* * *

Все, что представлено читателю выше, написано мною, в основном, в самом начале 1970-х годов. Несколько слов о 1993 годе. Когда я слушала звучавшие с трибуны и с балкона Белого дома сентябрьские речи макашовско-руцковско-стерлиговского и т.п. генералитета, в моих глазах вставала зловещая картина растерзания – в присутствии ленинского посланца – генерала Духонина солдатами и матросами-красногвардейцами, которых привез с собой Крыленко. Напомню: генералу Духонину, никогда себя самозванно главковерхом не на-

значавшему и ни в каких мятежах против большевиков принять участие не успевшему, к моменту этой расправы исполнился сорок один год. Во время войны генералы вырастали быстро. И мне хотелось спросить у каждого, кто в этой ошавевшей и на глазах расчеловечиваемой толпе внутри и вокруг сентябрьского Белого дома носил когда-либо офицерскую, тем более – генеральскую, форму: неужели вы все – духовные дети прапорщика Крыленко и пьяной ленинской матросни-солдатни, господа? Неужели нет среди вас ни одного потомка растерзанных Непенина, Духонина, Вирена, Корнилова, вырытого из земли надругательства ради такими же ублюдками, какими были убийцы генерала Духонина? Кого вы продолжаете, господа офицеры и генералы, пусть даже и по заслугам отставленные?

Фрагменты этой статьи напечатаны в "Новом Русском Слове" (США)

С.Тиктин

Так был ли предсказуем Чернобыль?

Минуло восемь лет после Чернобыльской катастрофы. События тех времен (но не их последствия!) медленно, но верно уходят в прошлое. Информационный бум "перестройки", ее провала и распада СССР раскрыл немало других, правда, более "тихих" событий. Но по своим экологическим последствиям они сравнимы с чернобыльскими, а общая экологическая ситуация на всем пространстве бывшего СССР становится все более грозной и непредсказуемой.

Оставшиеся три реактора ЧАЭС продолжают (как и другие реакторы серии РБМК на прочих АЭС стран СНГ) работать то с короткими, то с долгими перерывами из-за систематических аварий и последующих ремонтов. Пылят долгоживущими радионуклидами останки четвертого сквозь многочисленные проемы разваливающегося "саркофага". О его "перестройке" и думать позабыли. Не до жиру – быть бы живу. В который раз признано МАГАТЭ и другими западными международными организациями различного уровня, что ЧАЭС по-прежнему представляет опасность и ее следует закрыть. Но тяжелая ситуация все нарастающего энергетического кризиса пересиливает любые экологические опасения, не говоря уже о благих намерениях.

Теперь, когда усилиями честных ученых и публицистов раскрыты основные тайны Чернобыльской катастрофы, все-таки всплывают вопросы: Произошло ли хоть что-либо неизвестное мировой науке, непредвиденное и непредсказанное, когда из четвертого энергоблока ЧАЭС "вылез атомный дьявол" (В.Губарев, пьеса "Саркофаг", написанная по горячим следам катастрофы)? Можно ли с уверенностью утвер-

ждать, как это делает один из героев той же пьесы, именуемый "Физиком", что ... "в истории человечества еще не было такого опыта..."? И была ли принципиальная возможность предотвратить уже в процессе аварии переход ее в катастрофу?

Перенесемся в середину 1950-х годов.

Десять лет прошло после Хиросимы и Нагасаки. Создана "грязная" водородно-урановая бомба. Большие производственные реакторы продолжают вырабатывать оружейный плутоний, отдавая в воду и воздух миллионы киловатт тепловой энергии. В США и в СССР пущены относительно маломощные опытные АЭС. В Англии строится первая промышленная. Показана возможность использовать энергию деления **всего** урана, а не только его легкого изотопа.

Человечество стоит на пороге большой ядерной энергетики. Какой ей быть? Какие она таит угрозы? И как их избежать?

Передо мной – увесистый XII том "Научно-технической энциклопедии", выпущенной известным американским издательством Mc-Graw Hill. Большой раздел "Ядерные реакторы". В небольшой главе "Экспериментальные реакторы" сообщается:

"...Для проверки осуществимости исследовательских и энергетических реакторов различных типов было построено несколько специальных экспериментальных реакторов... Некоторые из них были предназначены для работы с тяжелыми перегрузками в целях изучения стабильности работы реакторов. Пять экспериментальных вариантов реактора BORAX с кипящей водой предназначались для изучения поведения кипящих реакторов с различными

топливами, в том числе неметаллическими (керамическими? – С.Т.) при работе под атмосферным и повышенным давлением. Целью экспериментов было исследовать, какая часть имеющихся в активной зоне продуктов деления может быть выброшена наружу при разрушении и **испарении** (выд. С.Т.) ядерного топлива. Реактор был снабжен специальными управляющими цепной реакцией стержнями¹, предназначенными для "выстреливания" из активной зоны, и имел избыточную реактивность.

При постепенном выводе управляющих стержней из активной зоны вода в ней могла доводиться до бурного кипения без повреждения реактора.

Активная зона помещалась в баке (контейнере), частично заглубленном в грунт. Над реактором (в отличие от типовых энергетических реакторов) защитного колпака **не имелось** (выд. С.Т.). Киносъемки (по всей видимости, скоростные – С.Т.) процесса разрушения реактора при экспериментах с "выстреливанием" из него управляющих стержней показали, что контейнер при этом разрывается и **большая** (выд. С.Т.) часть его содержимого выбрасывается в воздух. Заметные на глаз куски топлива разбрасывались на расстояние до 200 футов (61 м). Фактически оно обнаруживалось на расстоянии не более 350 футов (107 м)².

За счет чего же в этих опытах происходили разогрев, испарение, разрушение и разброс ядерного топлива? Разумеется, за счет адиабатического (т.е. практически без теплообмена с окружающим его теплоносителем) выделения в нем тепловой энергии, в результате лавинной неуправляемой цепной реакции деления урана замедленными нейтронами. Процесс этот прерывался самопроизвольно, как только распадалась периодическая структура активной зоны, обеспечивавшая возможность подобной цепной реакции. Но что же это такое, как **не ядерный мини-взрыв**, своеобразный ядерный хлопок, отличающийся от взрыва ядерной бомбы примерно так же, как взрыв крупницы черного пороха времен Столетней войны от взрыва динамитной или тротиловой шашки?

Количество распадающегося при таком взрыве урана и, следовательно, образующихся радиоактивных продуктов его деления, равно как и плутония, исчисляется микрограммами. И при использовании в подобном эксперименте чистого, не содержащего этого радиоактивного "пепла" топлива, загрязнения радионуклидами окружающей среды не происходит – в отличие от выброса топлива из промышленного реактора, накапливающего в течение нескольких месяцев эксплуатации многие килограммы радионуклидов.

То, что в указанных выше опытах использовались различные ядерные топлива, показывает, что такие взрывы активных зон производи-

лись **неоднократно**.

Но закончим цитирование:

"Подобного рода эксперименты убедили специалистов в том, что даже при тяжелых авариях энергетических реакторов с выходом далеко в закритическую область выброс радиоактивных веществ в окружающую среду может быть предотвращен с помощью защитного колпака соответствующей прочности".

Таким образом, за тридцать лет до Чернобыльской катастрофы в США были изучены процессы ядерного взрыва различных реакторных топлив в условиях саморазгона цепной реакции, а результаты опубликованы в открытой печати.

Как теперь, на фоне этих новых для нас (на самом деле они достаточно стары) сведений "осмысливать Чернобыльскую катастрофу философски"? (В.Губарев). И как в таком случае следует оценивать утверждения, например, председателя национального комитета США по международной биологической программе Р.Ревеля, что "наша техника вышла за пределы нашего понимания, наш разум вырос быстрее, чем наши знания"; или лауреата Нобелевской премии Дж. Портера (Новая Зеландия) о том, что "человек еще не дорос до того, чтобы доверить себя ядерным реакторам"³; и вообще призывы к отказу от ядерной энергетики?

Другое дело, возможно ли было, **зная** об этих американских опытах и их результатах, не понимать, какого характера взрыв произошел на четвертом блоке ЧАЭС и почему активность выброса оказалась столь высокой? Во всяком случае – после сообщения об обнаруженной американским спутником яркой вспышке в ста с лишним километрах севернее Киева в ночь на 26 апреля 1986 года и публикации фотографий ЧАЭС, сделанных другим разведывательным спутником утром того же дня? На мой взгляд – никак нельзя было.

А производились ли аналогичные эксперименты в Советском Союзе?

С конца 1940-х гг. там существует НИИ реакторостроения в г. Мелекессе (Димитровграде), когда-то – объект "Большая Волга-1". До самого последнего времени его деятельность была скрыта завесой глухой секретности. В своем знаменитом очерке "Чернобыльская тетрадь" ("Новый мир" 1989, №6) инженер-атомщик Г.Медведев сообщает, что в 1966 году – за двадцать лет до Чернобыльской катастрофы – там произошел саморазгон реактора, который удалось погасить двумя мешками борной кислоты.

Возможно, речь идет о ее водном растворе. Так или иначе, какая-то группа советских специалистов **знала** о возможности саморазгона реактора, с которым работала, **знала** способ его быстрой остановки, загодя подготовилась к возможности такой ситуации и сумела предот-

вратить катастрофу.

Как ни удивительно, через двадцать лет на ЧАЭС гибельный саморазгон остановить не удалось. О том, что графитовые наконечники управляющих стержней, с черепашей скоростью вводимых в реактор, только усиливали саморазгон; о том, что авария на 4-м блоке ЧАЭС не перешла бы в катастрофу, если бы реакторы серии РБМК имели прочные защитные колпаки; равно как и о категорическом нежелании руководителей советского ядерного комплекса строить над опасными реакторами защитные сооружения, написано немало.

Акад. В.Легасов в своей предсмертной, опубликованной в "Правде" от 20 мая 1988 г. статье "Мой долг рассказать об этом" сетует на отсутствие на АЭС (в отличие от первой опытной АЭС в Обнинске – С.Т.) автоматических, действующих независимо от оператора устройств, обеспечивающих защиту реакторов. Но о принципах их действия речи в его статье не идет. Но будь у начальника смены четвертого энергоблока ЧАЭС А.Акимов под рукой еще одна аварийная кнопка (или ручной вентиль) вброса в реактор борной кислоты или впрыска ее раствора, катастрофу, возможно, удалось бы предотвратить. И даже сохранить реактор, который все равно ставился на плановый ремонт. Но такой кнопки на пульте **не имелось**. О борной кислоте вспомнили **после** катастрофы. Однако на ЧАЭС ее не оказалось. Потом привезли несколько тонн борной кислоты и карбида бора и сбросили в горящий реактор, в остатках разрушенной активной зоны которого цепная реакция все равно уже не могла возобновиться.

Но послушаем бывшего директора ЧАЭС В.Брюханова.

Через несколько часов после катастрофы министр энергетики СССР Майорец спрашивает его:

– Почему на станции нет нужных приборов (речь идет об измерителях радиации высокой интенсивности)?

– Произошла **непроектная авария**. Случилось **нельзяшное**, – отвечает Брюханов.

Вскоре, на заседании ЦК КПСС, посвященном Чернобыльской катастрофе, Горбачев спрашивает Брюханова, знает ли он о последствиях аварии американской АЭС на Трехмильном острове³. Об авариях на советских АЭС, не говоря уже об эксперименте в Мелекессе двадцатилетней давности, речи не идет. Равно как и об американских опытах более чем тридцатилетней давности. Почему Горбачев не спросил его об этом? Видимо его референты, готовившие заседание, тоже ничего обо всем этом не знали. Потом, находясь в заключении (кроме всего прочего – за нарушение правил работы

со взрывоопасными установками, признанными таковыми уже **после** взрыва), Брюханов говорит корреспонденту газеты "Известия" Н.Каварову:

"Конечно, персонал и я – мы никогда не думали, что реактор может взорваться... Не только в учебниках, но во всей нашей документации (по-видимому, и секретной, и совершенно секретной – С.Т.) об опасности взрыва не было сказано ни слова. Сама мысль, что реактор может взорваться, я думаю, ни у кого не возникала". Подозревать Брюханова в неискренности оснований нет.

Наутро после катастрофы заместитель главного инженера ЧАЭС по науке физик Лютов, глядя на извергнутые из реактора графитовые блоки, бормочет: "Да вижу... Но графит ли это?"

Переоблеченный начальник смены четвертого энергоблока А.Акимов повторяет до самой смерти: "Ничего не пойму. Мы все делали правильно... Почему же?"

В первую очередь потому, что и руководители, и другие сотрудники станции, и, как стало известно, прочие эксплуатационники АЭС по всему тогдашнему Союзу понятия не имели об опаснейших особенностях вверенной им техники. Не говоря уже об американских опытах со взрывами активных зон, равно как и о чрезвычайно поучительном эксперименте в Мелекессе.

На проходившей в 1955 году в Киеве научной конференции по катодной электронике крупный советский физик, ныне давно покойный акад. Векшинский публично высказал наболевшее: "Что мы скрываем? От кого скрываем? Сами от себя скрываем!"

Это был крик души. Я до сих пор помню гул вообще не принятых на подобных конференциях аплодисментов. Какой-то особый, искренний. Это было время первой "оттепели", и старому ученому неприятности не угрожали. Но так ярко обрисованное им положение в советской науке и технике все равно осталось прежним на десятки последующих лет.

Знали ли об американских экспериментах по взрывам активных зон высшие руководители советского атомного комплекса, в частности, тогдашние президент АН СССР и директор НИИ Атомной Энергии акад. А.Александров, председатель Государственного комитета по атомной энергии А.Петросьянц и руководитель КБ реакторостроения член-корр АН СССР И.Емельянов, в первую очередь ответственные за разработку и внедрение взрывоопасных, на зашифрованных ни четкими инструкциями, ни быстродействующей высоконадежной автоматикой, ни прочными колпаками реакторов серии РБМК? А их неустрашимые критики – Жеже-

рун, Волков и др.? А акад. А.Д.Сахаров, столько сделавший, чтобы "Чернобыльская тетрадь" увидела свет? А покончивший с собой акад. Лёгасов? А досточтимые Портер и Ревель? Казалось бы, должны были. Во всяком случае – имели возможность. Но в многочисленных послечернобыльских публикациях этого не прослеживается.

Если бы суд над руководителями ЧАЭС был цивилизованным, с прениями **равноправных** сторон, подкреплённых заключениями экспертов как обвинения, так и защиты, эти материалы могли выплыть совершенно неожиданным образом. И какой вид тогда бы имели руководители советского ядерного комплекса? Очень даже понятно, почему они позаботились свалить вину на неосведомлённых чернобыльских эксплуатационников. Потому открыто-закрытый суд над ними и был проведен в лучших советских традициях, а принципиальный вопрос о пороках реакторов РБМК и вине их создателей выделен в отдельное производство – и положен под сукно.

После того, как стало ясно, что скрыть факт Чернобыльской "аварии", с каждым днем обретавшей все более катастрофический характер, не удалось, советские руководители попытались преуменьшить ее масштабы и в особенности – запутать вопрос о характере взрыва, разрушившего реактор и выбросившего в густонаселенной местности количества радионуклидов, сравнимые с таковыми, образующимися при взрывах самых мощных "грязных" термоядерных бомб.

Официальная "Информация" тогдашнего Госкомитета по использованию атомной энергии СССР "Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия", подготовленная для совещания экспертов МАГАТЭ 25–29 августа 1986 г. была составлена очень умело: одни факты были изложены абсолютно правдиво, другие – почти незаметно искажены, третьи просто замолчаны. И разобраться в этом нелегко, даже специалисту, если он не посвящен в тонкости.

Самое главное – взрыв реактора объясняется следующей версией, выработанной, согласно сообщению зав. лабораторией ВНИИ атомных электростанций В.Жильцова (проф. Ю.Н. Щербак, "Чернобыль". Изд. "Советский писатель", 1991), в результате многих дней круглосуточной работы всех компьютеров института, просчитавших сотни возможных вариантов: "Парообразование и резкое повышение температуры (чего именно? – С.Т.) в активной зоне создали условия для возникновения пароконвективной и других химических экзотермических реакций. Их проявление в форме фейерверка вылетающих раскаленных и горячих фрагментов наблюдали очевидцы. В результате этих реакций образовалась содержащая водород и оксид углерода смесь газов, способная к теп-

ловому взрыву (? – С.Т.) при смешении с кислородом воздуха. Это смешение могло произойти **после** (выд.С.Т.) разгерметизации реакторного пространства (с. 30).

И в результате:

"Суммарный выброс продуктов деления (без радиоактивных благородных газов) составил около 50 млн. кюри, что соответствует примерно 3,5% общего количества радионуклидов в реакторе на момент аварии" (с. 50).

Физика, выходит, и вовсе не при чем. Сплошная химия. Причем полыхнувшая таким ослепительным "ядерным светом" (Г.Медведев, "Чернобыльская тетрадь"), которого никакая газовая "гремучая смесь" не даст. Более того, выброс 3,5% общего количества радионуклидов и, следовательно, топлива из активной зоны, находящейся в глубоко закритическом состоянии, никак бы не мог остановить взрывной саморазгон цепной реакции. А видимые на фотографиях здания 4-го энергоблока разрушения таковы, что удержать внутри него основную массу выброшенного при взрыве активной зоны топлива оно (в отличие от высокопрочного колпака взорвавшегося в 1969 году французского реактора в Сен-Лоран лез О) никак не могло.

Как же специалисты МАГАТЭ, безусловно знавшие всю историю и предысторию ядерной энергетики, восприняли эту "химическую" гипотезу?

Вот выдержка из "Итогового доклада международной консультативной группы по ядерной безопасности на совещании по рассмотрению причин и последствий аварии в Чернобыле" (Вена, 30.8 – 5.9 1986 г., с. 4–5): "...Непрерывное повышение реактивности вследствие парообразования привело к мгновенному критическому скачку мощности. Советские эксперты рассчитали, что первый пик мощности достиг стократного превышения номинальной мощности в течение 4-х секунд. Энергия, высвободившаяся в топливе в результате скачка мощности, внезапно разорвала часть топлива в мелкие куски. Механизм этого разрыва хорошо известен из экспериментов по программе исследований в области безопасности. Мелкие частицы раскаленного топлива (возможно, также испарившееся топливо) привели к паровому взрыву".

О гремучих газовых смесях здесь уже речи не идет. Но как и в каком виде эта энергия "высвободилась" в топливе и каким образом она разорвала его в мелкие куски? Каков этот настолько "известный" механизм, что его и объяснять нечего? Из каких экспериментов и по программе каких исследований в области безопасности он стал известным? Уж не из американских ли на реакторах BORAX в 1950-е годы?

А если тугоплавкая двуокись урана "возможно" испарялась, то не ее ли пар дал такое

свечение в момент взрыва реактора, что очевидцы сравнивали его с фотовспышкой, цветотемпература которой составляет несколько тысяч градусов?

Прямого, четкого объяснения взрыва реактора нет и здесь. Впрочем, стократное повышение мощности реактора по сравнению с номинальной в течение четырех секунд могло быть только адиабатическим и не могло не привести к взрывообразному испарению значительной части топлива – независимо от того, образовывалась ли при этом гремучая смесь или нет.

В упомянутой выше предсмертной статье акад. В.Легасова (за два года до того – одного из авторов “Информации”) “Мой долг рассказать об этом” говорится, что в реакторе произошел “объемный взрыв”. Иными словами, распределенный в объеме активной зоны, а не вне ее, как следует из “химической” гипотезы. Если столь маститый специалист это понял, то могли он не понять, какого рода взрыв и чего именно? И почему не счел своим долгом рассказать об этом – о самом главном? Или это его объяснение природы взрыва было “философски осмыслено” и вымарано из статьи к тому времени уже покойного автора, как “не представляющее интереса для советского читателя”⁴, тем же В.Губаревым, бывшим в то время научным редактором “Правды”? Вот какую картину первой стадии катастрофы рисует в своей “Чернобыльской тетради” Г.Медведев:

“...С ростом мощности реактора... резко повысилось давление в технологических каналах и они стали разрушаться... Захлопнулись обратные клапаны ...и полностью прекратилась подача воды через активную зону. ...Парообразование усилилось. Давление росло со скоростью 15 атмосфер в секунду – и очень быстро достигло 250–300 атмосфер. ...Огромным давлением оторвало нижние водяные и верхние пароводяные коммуникации...”

Это и был, видимо, тот “паровой взрыв”. А дальше?

Дальше Г.Медведев вынужден придерживаться версии об образовании гремучей смеси и ее взрывах, хотя и понимает, что главное – не в них. Таковы, видимо, были навязанные ЦК и ВПК правила игры, невыполнение которых сорвало бы публикацию его эпохального очерка. Но несколько раньше автор как бы невзначай, сообщает, что “даже в Хиросиме люди не были так близко от **ядерного взрыва**” (видимо, об американских опытах сорокалетней давности он-таки не знает). И через пару страниц – что “версия о взрыве ‘гремучки’ родилась в воспаленном мозгу А.Дятлова (заместитель главного инженера ЧАЭС, непосредственно руководивший злополучным экспериментом – С.Т.), долго гуляла в умах и... дошла до Москвы... Но почему же? А потому, что это был наиболее легкий подход, в нем и оправдание, и спасение

снизу доверху”. Что же тогда удивительного в том, что эта версия была принята на самых верхах и стала официальной, на государственном уровне, версией Чернобыльской катастрофы. А насчет компьютерных расчетов, о которых сообщает В.Жильцов, то тут прекрасно сработала известная поговорка вычислителя: “Чушь на входе дает чушь на выходе”. И нередко ту, что требуется.

Но вызванный отрывом подводящих коммуникаций мгновенный выброс из активной зоны пара, при высоком давлении и, следовательно, плотности, интенсивно поглощавшего нейтроны, не мог не дать того же эффекта, что и выстреливание управляющих стержней в американских опытах. Независимо от того, образовывалась ли и взрывалась ли гремучая смесь при смешении выброшенных вместе с паром из активной зоны водорода и окиси углерода с воздухом. Относительно медленный саморазгон цепной реакции, длившийся четверть минуты, принял взрывной характер. Отсюда и дробление, и плавление, и “испарение” – вернее стремительное объемное вскипание (“тепловой” и “паровой” взрыв!) самого ядерного топлива, и ослепительное свечение его пара, и воспламенение графита, и моментальный выброс примерно 120 тонн топлива (почти $\frac{2}{3}$ от всего количества) из реактора, причем около 50 тонн – в мелкодисперсном состоянии, и начальная активность выброса порядка миллиарда кюри, если не больше, и своеобразные внутренние радиационные поражения в результате инкорпорации радиоактивной пыли, и все прочее.

Могли ли не понимать этого специалисты МАГАТЭ? Увы, активное нежелание знать и говорить правду проявляется многими западными учеными. И далеко не только в области техники.

22 апреля 1994 года газета “Новое Русское Слово” опубликовала статью Жореса Медведева “Чернобыль: восемь лет спустя”, посвященную, в основном, последствиям поражений короткоживущими радионуклидами йода (которых можно было бы в значительной мере избежать, если бы власти распорядились **немедленно** раздать населению зараженного региона – и тем более “ликвидаторам” – давно заготовленные на случай ядерной войны таблетки иодистого калия, способствующие удалению радиоактивного йода из организма. Но это “могло вызвать панику...”). В статье приведена выполненная В.Ободзинским фотография акад. Легасова у самого 1-го блока. Рядом стоят несколько автомашин, видимо специального назначения. Академик одет в обыкновенную робу. Рот и нос прикрыты “лепестком” – и только. Глаза и уши не защищены ничем. Из-под белой шапочки выбиваются волосы. Как известно, акад. Легасов “схватил” высокую дозу радио-

активной пыли, которой в то время был буквально насыщен воздух вокруг ЧАЭС, долго болел и, предпочтя быструю смерть медленной и мучительной, покончил с собой, оставив упоминутую ранее статью "Мой долг рассказать об этом". Если для академика и члена Правительственной комиссии по ликвидации Чернобыльской "аварии" не нашлось более эффективных средств индивидуальной защиты, то что говорить о ситуации рядовых ликвидаторов, работавших в лучшем случае в таких же "лепестках", но которым и диагноза, и лечения, кото-

рые получал акад. Легасов, "положено" не было? Но что же он там делал? Известно, что акад. Легасов, самолично работая в непосредственной близости от 4-го блока в первые дни после катастрофы, установил, что в разрушенном реакторе цепной реакции деления урана **не происходит**.

Если бы он и другие специалисты обратились к результатам американских экспериментов на реакторах "BORAX", то поняли бы, почему происходить она в нем уже больше **не могла**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Поглощающими нейтроны (прим. С.Т.)

2 Coll. "The Worst Accident in the World (Chernobyl: the End of the Nuclear Dream)". Pan Books, Ltd. and W. Hillman, Ltd. 1986.

3 Авария совершенно иного плана, на реакторе другого типа, при которой в атмосферу было выброшено всего 15 кюри – столько, сколько выбрасывала ЧАЭС менее, чем за месяц нормальной работы. Тем не менее эта авария получила широкую огласку, а станция была надолго закрыта

4 Стандартная формулировка тех и более ранних времен.

5 Напомним, что опаснейшей особенностью радиационных поражений живых тканей инкорпорированной ими радиоактивной пылью является высокая пространственная неравномерность интенсивности облучения. Каждая инкорпорированная "горячая пылинка" частично отработанного ядерного топлива – двуокиси урана является по существу вкрапленным в ткань "точечным" источником корпускулярных (альфа- и бета-) и фотонного гамма-излучений. Поэтому в пределах длин пробега альфа- и бета-частиц, испускаемых инкор-

порированной "горячей пылинкой", локальные дозы облучения ими ткани (рад/час) **обратно пропорциональны** квадрату расстояния от центра источника. Следовательно, в непосредственной близости от его поверхности локальные дозы облучения ткани могут на **несколько порядков** превышать среднюю величину дозы облучения сферического (полусферического) объема ткани, ограниченного максимальной длиной пробега данного вида частиц. Распределение интенсивности гамма-облучения в этих объемах определяется тем же законом, поскольку поглощение гамма-лучей в них очень невелико. И дозы гамма-облучения в них многократно ниже доз альфа- и бета-облучений. Но именно очень слабые, неспособные вызвать "стандартную" острую лучевую болезнь гамма-излучения, исходящие из **пораженного** организма, являются тревожным сигналом, свидетельствующим о наличии внутренних источников куда более опасных корпускулярных излучений.

Получено из России

Надежда КРАВЕЦ

Эпизоды и судьбы

Лагпункт 049

1953. "Глубинка" на трассе Тайшет–Лена. В самом деле, лагерь находится в долинке между сопками, недалеко от насыпи однопутной железной дороги; рядом шумит речка – очевидно, в каменном ложе, судя по звуку. Речку мы так и не видели. В теплое время ее шум не радовал: он постоянно напоминал о воле там, за "зоной". Осенью его не было слышно, речка замерзала. Работали на каменном карьере. В выемках плитовали (разбивали кувалдой) камни, валявшиеся после взрывов, грузили их на платформы "вертушки", затем сбрасывали камни на насыпи. Это называется укреплением пути. Работа для женщин почти непосильная. Старались, надрывались, но постоянно "сидели на штрафняке" (400 гр. хлеба в день и один раз горячая баланда). Выяснилось, что до нас здесь были мужчины по уголовным статьям, которые работать не желали, зато недурно умели "заряжать туфту": в рабочих сведениях отражалась несуществующая кубатура... Прислали женщин 58-й статьи; конечно, надеялись на нашу добросовестность и в этом не ошиблись, но получилось так, что мы и физически не могли выполнить наши нормы (а они, кстати сказать, были равны мужским), да еще должны были покрыть ту самую недостачу.

В результате, поздней осенью весь контингент был отправлен в больницу...

Однажды летом произошло страшное: бригадир Мария Резник, не удержав равновесия, упала на ходу между платформами на рельсы. Лишилась руки и ноги. Как она кричала потом в санчасти! Она была совсем молода, и, видно, организм преодолел такую чудовищную потерю крови. Маша осталась жива, несмотря на то, что в больницу ее увезли только через день. Рассказывали, что к ней приезжал отец, молил отпустить ее. Но этого не случилось. Ее видели спустя год и рассказывали, что она бодро прыгала на костыле и даже вышивала одной рукой на пальцах, придерживая их единственным коленом и зубами...

А вот другой момент – там же, на 049-м. Снабжение было прескверным, дорога неукрепленная, платформы не было, и продукты сбрасывали из вагонов прямо на насыпь. Осенью, когда у нас была почти повальная цинга, сбросили первую картошку. Больше половины мешков было с камнями... Потом вдруг не стало соли. Вовсе. Хлеб пекли и пищу готовили без нее. Мы тогда почувствовали, что если без сахара плохо, то без соли просто невозможно. После еды нас рвало.

Впрочем, рвало и от омуля (!), деликатесной

байкальской рыбы, которая попала к нам только потому, что была уже испорчена. Начальник лагеря злобно упрекал: "Кормлю вас... омулем, а вы... норму не выполняете!"

Заказ "опера"

На 053-й лагпункт прибыл оперуполномоченный. Узнал, что есть прекрасные вышивальщицы, и призвал в кабинет Шуру Остапенко; заказал вышить скатерть (конечно, не заказал, а приказал); в следующий свой наезд (иначе не назывешь) привез прекрасное полотно и разноцветные нитки мулине. Велел вышить по своему вкусу. Шура вышила гладью прелестные цветы – букеты цинерарий по углам и овальный веночек из тех же цветов в центре. Работа была адова, но хороша тем, что можно было сидеть недели две в бараке, а не выходить в тайгу, где мы работали на лесоповале. Скатерть была закончена, выстирана, выглажена и удивительно хороша. Однако, нагрывший в срок "опер" ее забраковал и... велел выпороть все до последнего стежка. Оказывается, он хотел вышивку украинским крестиком, и притом – народный орнамент! Как жаль было огромного труда и прекрасной вещи! Скатерть была снова выстирана, отглажена и вышита – уже другими мастерицами, "западничками" (украинками с Западной Украины). Однако, Шурочка недурно отомстила: оперуполномоченный привез новую работу, на этот раз белый крепдешин, раскроенный на платье для его жены. Было приказано вышить, и весьма обильно, – работа ведь даровая, – пресловутым украинским крестиком весь подол, манжеты, воротник. Но для этого орнамента нужны черные и красные нитки мулине, а он привез только красные и никаких возражений не принимал. Так вот, Шура, разозлившись, вышила все платье красными мулине и – черными катушечными нитками. Она прекрасно знала, что при первой же стирке непоправимо погибнет и вышивка, и платье. Шла на риск, делала бессмысленную работу, отдала готовое и... слава Богу, нас "распецировали", т.е. перевели на новый режим исправительно-трудовых лагерей. Порок был наказан, – не могу удержаться от банального резюме.

Встреча через запретку

Там же, на 053-м. В одно прекрасное утро – в самом деле прекрасное – было начало лета, когда Сибирь так буйно и ненадолго хорошеет, меня неожиданно "заворачивают с развода" (для некомпетентных поясню: утром бригады выходят пятерками в строю на "развод" через вахту, а "завернуть" означает повернуть обратно, не пускать). Надзиратель объявляет, что приехала моя мама и находится за "зоной", но что свидания не

разрешены, и поэтому я остаюсь в бараке, пока она не уедет. Мама перед этим перенесла тяжелую операцию и, как знать, – наверно, решила рискнуть. Путешествие было нелегким, да и далеким. Но интеллигентность и достоинство зачастую вызывают, как известно, обратный эффект. Маму, конечно, не пустили ко мне, а меня – к ней. Я кинулась к начальнику лагеря с откровенной просьбой-предложением: "Выпустите меня за вахту с дневной сменой, меня в накомарнике не узнают, я повидаясь с матерью. Потом посадите меня в карцер за нарушение режима хоть на десять суток! Поймите же, будьте человеком!" Но он не мог стать человеком. Меня не пустили. Сумела вылезти на крышу барака, увидела маму издали, мы махали друг другу рукой, кричали что-то. Часовой на "вышке" грозился, что будет стрелять. Мы этого и в расчет не принимали. Мама уехала. Умерла она спустя три года в возрасте 62 лет.

Начальник Смирнов

Наш этап с пересылки прибыл, наконец, в лагпункт, где-то на середине трассы Тайшет–Лена, – нам неизвестно, где он находился: ближе ли к Тайшету или намного восточнее. В конечном счете, это просто безразлично. Загоняют в маленькое клубное помещение: мы пока на карантине. Размещаемся на полу, но и тому рады, что не на морозе. Ждем. Вскоре является надзиратель, вызывает почему-то меня. Приводит к начальнику лагпункта. В кабинете темновато. Начальник сидит за письменным столом, вижу его плохо – я близорука. "Садитесь". Сажу возле входной двери на стуле. Приглядывается ко мне и поглядывает в какие-то бумаги. "Высшее образование?" – "Да". – "Почерк хороший? Чертовым шрифтом владеете?" – "Могу и чертовым".

Передает через надзирателя небольшую бумажную карточку. "Можете заполнить установочные данные на себя?" – "Да".

Пишу старательно и очень четко фамилию, имя и отчество, год рождения, национальность, статью, начало срока, конец срока. Передаю ему.

Читает и фальшиво удивляется: "Вы еврейка? Непохожи..." – "Ну что вы, как раз похожа". – "А я на еврея похож?" – я уже знаю, что его зовут Валентин Васильевич Смирнов, и никакой он не еврей, но не могу отказать себе в удовольствии ответить утвердительно.

Заключительная реплика надзирателю: "Отвести обратно и – только на тяжелые работы за зоной!" Я знала, что последует за моей наглостью, но, повторяю, – в удовольствии себе не отказала.

А он был большой скот, и хорошо, что мне не пришлось работать в конторе.

Первая работа – ночь на эстакаде

Первый выход в тайгу в первом по счету лагере. Это – зима 1950 года. Мороз сильный, но в тайге тихо, безветренно. Долго идем на объект, поздний вечер, ночная смена. Замотаны лица, дыхание на холоде как бы материализуется, оно выталкивается из ноздрей и останавливается перед лицом, мешая видеть. Минут через сорок приходим на место. Здесь большие эстакады заштабелеванных толстых бревен, горят два костра, перед эстакадами широкая снежная дорога. В общем, наверное, очень красиво, если смотреть со стороны. Но смотреть со стороны нельзя, да и некогда. Периодически подходят большие грузовые машины с прицепами, на прицепах вертикальные стойки – их там называют “мальчики”, ближний “мальчик” откидывают, к машине от эстакады подводятся “покотá” (длинные крепкие жерди, по которым скатываются бревна), начинается погрузка. Эта работа требует, пожалуй, больше ловкости, чем физической силы. Часть бригады работает здесь уже достаточно времени, чтобы накопить опыт. Я же – впервые в тайге, впервые на эстакаде, да еще морозной ночью. Наверху, за моей спиной, две женщины понемногу начинают раскачивать бревно с помощью “дрынов” – крепких палок. Бревно отмерзает, отрывается от своих собратьев, медленно, но с каждым оборотом набирая скорость, катится по наклонной, подпрыгивает на пружинах “покотах”, с бешеной скоростью и грохоча ударяется о “мальчики”, занимая свое назначенное место. Конечно, шум и крики – “Чекайте!” Или же, наоборот – “Трымайте!”, что значит “ждите” и “держите”, и всякие другие украинские слова, которых я еще не знаю и часто путаю. Перепутать смысл команды опасно для жизни... Вот уже у горящего костра лежит без сознания сильно ушибленная девушка, ее вскоре увозит машина. На машинном прицепе с акробатической ловкостью манипулирует маленькая украинка, все зовут ее Лисючка; настоящая фамилия ее, если не ошибаюсь, Лисюк. Постигаю необходимые приемы на практике: эмпирически определяю, что такое и где комель, а где вершина, – хотя на первый взгляд ствол совершенно ровен; уясняю, что “жердь” означает не какую-то гибкую палочку, а подчас здоровенную лесину. Первая ночь проходит благополучно, хотя очень дает себя знать физическая слабость после почти годичного пребывания в тюрьме и тяжелого двухнедельного этапа в “телятнике”. Ото дня ко дню набираю силу и вскоре работаю нормально.

Следствие и последствия

Этап из Москвы. Разматываю клубок своей

памяти и начинаю с того момента, когда закончилось так называемое следствие. Было все, вроде бы, по закону: следователь Кулыгин любезно, насколько умел, сообщил мне, что следствие завершено и нынче я буду “читать свое дело”. Читаю внимательно; в принципе все мои ответы на его вопросы записаны правильно (да я ведь подписывала все эти 90 протоколов), и ничего, ну буквально ничего там нет серьезного, а тем более – криминального. Вызывает законный протест только так называемый “прокурорский допрос”, в котором мои ответы предельно искажены, и где определенное “нет” превращается в не менее определенное “да”. Но протокол того достопамятного допроса (прокурор по известной ныне фамилии Котов*) я в свое время отказалась подписать. Дочитываю до конца и тут – ну и ну! – в разделе показаний свидетелей вижу всего лишь один протокол, подписанный одним из самых, как мне казалось, преданных друзей. В сущности, три эпизода, довольно-таки незначительных, но изложенных уже хорошо знакомым мне стилем моего подполковника, говорившего “социализм” и убежденного, что пушкинский “пиит” вовсе не “поэт”, как я пыталась его уверить, а “глас народа”... В общем, я стараюсь понять, как же это мой друг докатился до жизни такой (говоря по большому счету, это было даже и не предательство, потому что никакого преступления, которого и не было, он не раскрыл: это была просто трусость). Друг мой к тому времени и в творческой, и в партийной, и в личной жизни достиг изрядных высот, и ему, видно, было, что терять; а его, несомненно, припугнули...

Вернувшись домой, я неоднократно встречала этого человека, от которого у меня прежде не было тайн, которому я доверяла, как себе. Я на него зла не держала и готова была по доброму пресечь всякое проявление неловкости, всякую попытку объясниться, оправдаться. Но он смотрел как-то сквозь меня, и ничего ни разу в его лице не дрогнуло. Бог с ним, тем более, что он ныне уже на том свете.

Однако вернусь к последней встрече со следователем. После “чтения дела” он сообщает мне, что теперь я могу – через него – обратиться к родителям с просьбой “нанять адвоката” для защиты на предстоящем суде. Отказываюсь, ибо теперь уже окончательно убеждена, что состав преступления отсутствует (эту формулировку я знала) и что на суде защищать себя буду сама. Отказ принят. Меня отправляют в камеру. Через несколько дней вызывают, и надзиратель ведет меня по новому, незнакомому маршруту – не в следовательский кабинет. Оказывается, к начальнику тюрьмы. Оный подает мне через стол полосу бумаги, на которой машинописные строчки такого содержания: “Особое Совещание при МГБ СССР, рассмотрев дело, приговорило

* Кстати, говорят не “ствол”, а “балан”

* Тот же, что был у Солженицына

(не помню точную формулировку) к особо строгим режимным лагерям сроком на 10 лет за антисоветскую агитацию (или деятельность – тоже не упомяну) по статье 58-10 ч.1 УК РСФСР". Вот уж не ждала, право. А где же суд? Начальник поясняет: "Это приговор Особого Совещания" и – "Подпишите вот здесь". Я отказываюсь: суд меня не видел, я суда не видела, это фикция, подписывать не буду. – "Можете не подписывать, это ничего не меняет". Вот так. Из начальника кабинета меня ведут уже не в мою камеру, а куда-то в подвал. Маленькая клетушка без окна, душно. Не знаю, два или три дня я провела там вдвоем с какой-то странной теткой, с которой не хотелось общаться. Потом вывели в тюремный двор, где уже ждала машина с красивой надписью "Хлеб". Внутри, почти в полной темноте, несколько мужчин. Рядом со мной – крупный человек; тихонько спрашивает: "Вас били?" – "Да что вы, все было корректно". – "Но здесь бьют. Слышали про отдел Двенадцать "Т"?". Присматриваюсь к нему – лицо опухшее, избитое... Разговаривать запрещено. Замолчали. С жадностью прислушиваюсь к уличным звукам, пытаюсь по поворотам машины сообразить, куда везут. Едем недолго. Высаживают на железнодорожных путях, подгоняют к вагону. Потом узнала, что это "заквагон", в котором купе за дверями-решетками – конечно, запертыми. Со мной женщины, человек восемь, ни одного располагающего лица.

Любопытно: шокое состояние, в котором я несколько раз оказывалась, было, очевидно, причиной потери памяти. Я очень многое помню отлично, включая имена, обстановку, последовательность событий, – но первые часы ареста и вот этот переезд в "заквагоне" память восстановить не в силах. Помню только, что все время очень хотелось пить, но нам почти не давали воды, зато приносили ржавую, нечищеную седлку... Но это – классика, и что об этом писать.

Доехали мы до куйбышевской пересылки. Мне там даже понравилось – это был суррогат свободы. Мы слонялись по зоне, нас не запирали, неподалеку была Волга. Вошла в указанный мне барак и впервые увидела опять же классическую картину: сплошные нары-настилы в два этажа, плотные лежащие на них женщины, многие даже на полу. Постояла, пригляделась. С верхних наров доносится добрый голос: "Девушка, вы откуда, не из Москвы?" – "Из Москвы!" – "Забирайтесь ко мне, мы потеснимся". Это была уже немолодая женщина, старая большевичка, бывший работник редакции белорусской газеты. Помню ее фамилию – Ценципер, а вот имя забыла. За двое суток, проведенных рядом, она сделала мне много хорошего, поддержала меня, как говорится, морально. У нее был немалый горестный опыт арестов, приговоров и отсидок: сколько помнится, еще за "уклоны" в 20-х годах и, кажется, в 37-м... Четко помню ее уве-

ренность в правоте дела партии, несмотря ни на что. Это она мне говорила: "Лес рубят – щепки летят". Избитая мысль, но в тот момент она показалась мне чуть ли не откровением. Спустился два дня нас разлучили. Меня отправили дальше, на восток, она осталась на пересылке. Больше я ее, к сожалению, не видела и никогда о ней не слышала.

Так вот, погрузили нас теперь уже в знаменитый "телятник". Было нас в нем около пятидесяти. На верхних и нижних нарах лежали мы так спрессованно, что ночью приходилось переворачиваться всем сразу, по команде, иначе не получалось. А это довольно неудобно! Днем было проще: кто – спал, кто-то сидел. Была глубокая осень, ногами волосы, платки, шапки наши примерзали к покрытой инеем стенке. В середине стояла печурка, но топили ее нерегулярно. Ехали долго, недели две. Неизвестно, куда. Догадки, догадки... Потом возникло слово "Тайшет". Никто из нас о таком городе не слышал. Но он на самом деле существовал. Правда, города мы не увидели, зато узнали пересылку.

"Мастырка"

Весной, когда еще полностью не сошел снег, – это было в 1952 году, – нашу бригаду занарядили в тайгу, собирать мох для конопаченья щелей в строящемся в зоне бараке. Работа, честно говоря, легкая. К тому же – в тайге. Мы к этому времени были изрядно истощены, у многих на теле расцвели цинготные "анютины глазки", мы давно не имели овощей, не говоря уже о фруктах. В тайге, на проталинках, уже проклюнулись острые стрелки черемши, и мы, конечно, накнулись на них, инстинктивно удовлетворяя потребность в витаминах. Видимо, я съевала что-то ядовитое, так как ночью ощутила все признаки жесточайшего отравления. Барак, как водилось в те времена, был заперт снаружи, окна заперты и забраны решетками и выбраться не было возможности. Теряя сознание, просидела у двери нашего "предбанника" до момента, когда ее отпер надзиратель, и, буквально сгибаясь от боли, дотаскала до санчасти. Там наш добрый ангел, врач-зек из Москвы, Белла Евсеевна Нусинбойм, сразу же приняла необходимые меры. Температура была за сорок. Впервые я очутилась на койке в лагерной больничке. На другой день мне стало намного лучше, а на третий появилась какая-то комиссия во главе с красивой, статной женщиной-врачом в офицерской форме. Фамилия ее была, кажется, Коробкова. Она оказалась – в виде исключения – достаточно внимательной и даже доброжелательной. Во всяком случае, когда я по глупости бодро сообщила, что чувствую себя здоровой (не сообщила, что могу этим подвести нашего врача), она строго распорядилась выдержать меня в

санчасти еще несколько дней. Той же ночью ожидался этап на Колыму, о чем мне секретно сообщила вольная медсестричка, очень душевно относившаяся к больным. Вот эта сестричка и задумала спасти меня от этапа. Она добыла за зоной молока, вскипятила его и сделала мне очень болезненный укол. Это вызвало абсцесс и высокую температуру, что и требовалось... Среди ночи в санчасти раздался грохот: в дверь ломались. Не знаю, кто это был, но зачем это было – все знали. Маленькая, худенькая Белла Евсеевна решительно воспротивилась вторжению. Никого из больных не тронули. Добрый доктор так и не узнала о том, на что мы решились с медсестрой, иначе нам бы крепко влетело. Умышленное членовредительство называлось "мастырккой" у блатных.

"Без вины виноватые"

Зимой пятьдесят второго, на лагпункте у начальника Смирнова, мы собрали неплохой самодельный коллектив. Руководила им профессиональная актриса из известного радловского театра, Людмила Михайловна Люмианская (театр этот к началу войны застрял на гастролях в Кисловодске, давал спектакли при немцах, а потом вся труппа была арестована, насколько помнится). Трудно сейчас представить себе, что мы решились осуществить постановку драмы Островского "Без вины виноватые", да еще с первым актом, который обычно в театрах опускается.

Все мужские роли играли женщины: Отрадину-Кручинину – Люмианская, Незнамова – красивая, стройная латышка Валя Сукатниекс, на воле – спортсменка, купца Дудукина – харьковчанка Ксения Лазаревна Брио. Нашлась мастерица, вполне удовлетворительно сделавшая бороды и усы из пожертвованных нашими энтузиастками волос; а какие броши, браслеты и колые возникли из зеркальных осколков, вмонтированных в хлебные мякиши, из нарезанных полос от желтых жестяных банок! Сколько фантазии и мастерства понадобилось, чтобы соорудить более или менее красивые женские наряды прошлого века! Ксения Лазаревна остригла свою густую седую шевелюру, и с бородкой и усами, да еще в костюме одного из вольных смотрелась вполне импозантным дородным купцом... Мы репетировали ежевечерне в нашем небольшом клубном помещении после тяжелого рабочего дня, вызывая немалое любопытство у "населения". Вольные, тоже ожидавшие события, помогли нам одеждой – шляпками, брюками, накидками. А ведь и на самом деле то было событие – и для участников, и для зрителей. Ост-

ровский на лагерной сцене!!! Наша аудитория, как заключенные, так и вольные, в абсолютном большинстве не имели понятия о высокой русской драме, и мы в известном смысле выполняли культуртрегерскую миссию. Во время спектакля в зале раздавались рыдания: сколько там было матерей, разлученных со своими детьми... Но, несмотря на такую, не учтенную нами реакцию, успех был невероятным. Правда, в ходе репетиций Люмианская однажды угодила на трое суток в карцер за то, что настаивала на продлении репетиций уже после обязательного для всех отбоя. На следующий день я прокралась к карцеру, чтобы передать нашей дорогой Кручининой какую-то еду. Однако попалась; был составлен акт о моем преступлении ("...накормлен по норме, одет по сезону, содержаться в карцере может" – такова стандартная формулировка) – и водворена в отвратительный закуток с двумя топчанами, "парашей" и сифилитичкой, моей тезкой. И ничего, пробыла я там два дня, ела и пила с этой особой из одной миски и в результате уточнила для себя, что даже при тесном общении сифилис не заразен.

А в спектакле я исполняла роль подруги героини, девицы Шелавиной. Нет, что ни говори, а "Без вины виноватые" для без вины виноватых... в этом есть некая мистика.

Бригадирство

Однажды меня сделали бригадиром. Эта должность в лагерях, – впрочем, вероятно, и вообще везде, – имеет свои психологические нюансы. Как правило, лагерные бригадиры – народ, мягко говоря, недобрый. Пользуясь своей относительной властью, они эксплуатировали рабочих, не смевших вступать в пререкания: ведь в руках бригадира – распределение хлебной пайки, напрямую связанной с процентом выработанной нормы. Кстати, вес этой дневной пайки в начале 50-х годов колебался от 800 граммов до 400 (это уже был "штрафняк"). Естественно, я сразу же начала осуществлять свои новые обязанности в соответствии с лучшими гуманными традициями: я жалела глупеньких добросовестных девушек (в бригаде было несколько литовок, помню хорошо двух – Стасю Бучите и Владю Валавичуте), и если поругивала, то лишь за бессмысленное усердие; формула была одна: "Девчата, работайте для видимости, Бога ради, не надрывайтесь – у вас еще впереди огромный срок..." Кстати, срок у них был двадцать пять лет; насколько знаю, их преступление заключалось в том, что они в какой-то религиозный праздник вывесили над поселковой школой литовский национальный флаг... Через несколько

дней. на разнарядке, выясняется, что завтра моей бригаде предстоит "ставить" силосные ямы. Последние бывают разными. Я, конечно, не имела о них понятия, но вникла в инструкцию и сообразила, что от нас требуется. Наутро конвой отвел бригаду на довольно большую таежную прогалину, где росла трава "иван-чай", она же – кипрей. Надо было приготовить жерди, ошкурить их, вырыть несколько конических ям (метра два в диаметре, глубиной два метра с половиной, право же за точность этих цифр теперь уже не ручаюсь), аккуратно выстелить стенки ям жердями и заполнить их скошенной травой. Выбирая место для ям, я, конечно, остановилась на свободных от пней участках. Зато, заполняя вечером рабочие сведения, отметила наличие на глубине двух метров слоя вечной мерзлоты, которую, якобы, надо было кайлить, а также корчевку и сжигание пней. Это – ради искусственного увеличения "кубатуры". Начальник на разнарядке удивился и грозно объявил, что завтра он сам явится на объект с целью удостовериться в наличии пресловутой мерзлоты. Пайки получились большие. бригада была довольна. Хорошо, что на другой день начальник не явился. Все сошло.

Бригадирствовал я весьма непродолжительное время. До сих пор не возьму в толк, почему меня вновь перевели в бригаду: то ли начальство почуяло мою неправильную деятельность, то ли кто-то из своих бригадниц "продал", не вынеся бремени гуманного к себе отношения. В период моего бригадирства произошло событие, запомнившееся мне навсегда. В то утро бригада работала на рихтовке пути: выстроившись вдоль рельса и упираясь ломами, по команде, все разом подгибали его, выравнивая путь; забивались новые "костыли", и люди передвигались дальше. Я вполглаза наблюдала за работой, сидя недалеко и беседуя с молоденьким конвоиром. Помню, его звали Сережа Мирасов (кстати сказать, это единственный солдат, которого я помню по имени и с которым я в тот день единственный раз пообщалась). Сережа наивно спросил меня, неужели эти девушки и в самом деле настоящие враги народа, как им, солдатам, ежедневно втирали в голову... "У тебя, видно, есть голова на плечах, думай сам", – ответила я. За путями стояли несколько домиков, в которых жили "вольняшки". И вот, из одного домика выходит недавно прибывшая молодая женщина, работающая в зоне экономистом. Я видела ее до того несколько раз мельком и поразила ее необычному облику: высокая, статная, черноволосая, с огромным пучком и прической на прямой пробор. Такой я представляла себе Эмму Бовари. Женщина подзывает Мирасова и приказывает ему передать обязанности второму конвоиру, а самому вместе с бригадиром пойти к ней. Ну, входим в ее скромное жилище. Я думаю, что речь пойдет о какой-нибудь предстоящей на завтра работе. Однако, ошибаюсь. Нам с Сережей

приказано сесть за накрытый столик и угоститься горячими оладьями, молоком, вареньем! Мы оба, каждый по-своему, смущены. Слюнки текут, сто лет подобного не видела. И так неожиданно. А хозяйка без намека на улыбку, явно сдерживая свой добрый порыв, буквально командует: ешьте, быстро, никаких разговоров! Звали ее, как я потом узнала, Любой Зельман, она окончила институт в Одессе и почему-то была распределена в Озерлаг, экономистом на наш лагерный пункт.

Закончив сказочную трапезу, мы с Сережей были спешно выдворены из рая. В сених он тихо-нко предложил мне отправить через него письмо домой – нам ведь разрешалось писать не более двух писем в год, – но я, опасаясь за него, отказалась. Парень был смущен и обижен. Ему показалось, что я ему не доверяю. Впоследствии мои письма отправляла Люба. Она была умна и достаточно осторожна. Спустя много лет, очутившись в Одессе, я наводила справки о ней. Но таковая в адресном бюро не числилась.

Жар

На 14-м сельхозе, в бытность мою возчиком, начальник Чудук распорядился в один прекрасный день, чтобы я привезла залежавшиеся на почте посылки для заключенных. Задание оказалось непростым. Лошади все были на полевых работах, и в конюшне стоял один лишь Жар – личный жеребец орловской породы, возивший только самого начальника. Захожу в полутемную конюшню, в торце, где находится стойло привилегированного красавца-производителя, над высокой загородкой – неправдоподобно высоко – прекрасная голова Жара, с любопытством смотрящего на меня. Вывожу, запрягаю в телегу и, как всегда, не беру кнута. Конюх озабоченно говорит что-то о ремонтирующемся мосте, на котором требуется особая осторожность. Дорога до почтового отделения на станции Вихоревка довольно долгая. Несколько километров еду спокойно, конь слушается. Приближаюсь к оврагу, через который ведет мост... Так, теперь понятно, о чем шла речь: лежневый мост на добрую треть разобран; проехать в общем-то можно, но обратный путь будет непростым. Кругом – ни души, в случае аварии помочь некому. Провожу коня в поводу. Благополучно добираемся до почты, получаю по накладной штук двадцать посылок, складываю их на телегу, увязываю. Трогаемся обратно. Возле моста Жар останавливается и дальше двигаться не решается. Слезая с телеги, подхожу и ласково-ласково уговариваю этого роскошного, умного зверя. Он делает шаг, другой, очень осторожно; мы оба предельно внимательно лавируем, обходя дыры. Сквозь них видно дно оврага метрах в пяти-шести глубиной. Медленно, но верно добираемся до "берега". Я преисполнена дурацкой гордости (жаль, черт во-

зьми, что никто не видел... – кроме Чудука да конюха никто об этом разобранный мосте и не знает). В зоне сдаю посылки, распрягаю коня и отвожу его в стойло. Кажется, что он с высоты своего королевского величия несколько презирает меня... Ну, спасибо, лошадка! Что бы я делала, если бы другая, дурная и пугливая, лошадь сломала себе на мосту ногу, если бы опрокинулась телега и все посылки свалились бы в овраг? Начальник Чудук похвалил. Собственно говоря, заслуга была вовсе не моя. А Жара я до конца своих дней не забуду...

Реферат

Зимой 52-го года случилось неожиданное: зам-начальника лагеря, капитан Мартыанов вызывает меня и поручает... соорудить для него нечто вроде реферата по очередному докладу Сталина! Лимит – чтобы не дольше получаса чтения. Работать буду в его кабинете ночью, а днем – отгул (в этот период я была на лесоповале). Столь почетное задание удивляет: мне, политзаключенной, доверяется такая ответственная работа? – “Да брось ты, Кравец, я же знаю, ты политически подкованная, сделаешь все, как надо”. Ему предстояло выступить в гарнизоне с “докладом о докладе”. Забавно. Ну что же, после отбоя отправляюсь в домик конторы. В кабинете Мартыанова на столе – “Правда” с докладом вождя, полос на шесть, бумага, чернильница, ручка. По настенным часам можно хронометрировать. Гражданин начальник удаляется, берусь за работу. Наслаждение. Конечно, не от содержания, а от того, что за несколько лет впервые я одна, в тишине. И обстановка, хоть и казенная, но все же человеческая, даже настольная лампа есть! Право, не помню сейчас, о чем был тот доклад и по какому поводу. Но с заданием я, конечно, справилась, и начальник был доволен. Через несколько дней от него последовало новое задание: надо составить текст выступления и нарисовать большие чертежи-схемы по брошюре, описывающей технологию производства искусственного волокна. Почерпнула немало для себя полезного и про целлюлозу, и про капрон, и про фильеры в барабанах, через которые на огромной скорости вращения выдавливаются тончайшие нити – паутинки волокна... Среди ночи возникает Мартыанов. Высыпает на мой рабочий стол кулек конфет. Говорю спасибо, беру одну, откладываю на потом другую. Уговариваю его забрать остальные: столько мне не съесть, а в барак нести никак нельзя, – скомпрометирую и его, и себя... Мой заказчик заводит душевный разговор о печальной доле молодой заключенной женщины... Перезвожу скользкую тему на шуточно-добродушный тон. Прекрасно понимаю, к чему он клонит, но с полным успехом отвожу от себя возможный опасный поворот.

Подвиг конвоира

Летом работали на объекте, штабелевали швырок. Как всегда, на участке, огороженном “запретками”. Между этими палками с набитыми на них фанерками “З.З.”. (“Запретная зона”) проходит воображаемая линия, за пределами которой конвой может стрелять в людей без предупреждения. Во время обеденного перерыва – мы едим нашу баланду из мисок прямо на земле. Объединившись малыми кучками – кто с кем дружит – слышим щелчок выстрела и страшный крик “ратуйте!” ...Одна из молодых украинок, забыв о правилах, перебежала к своим подругам – но не добежала. Конвоир выстрелил в упор без предупреждения, попал в плечо. Девушка кричала, лежа на земле и обливаясь кровью, но приблизиться к ней нельзя было – тело было “за зоной”. Через несколько времени ее унесли гарнизонные солдаты. В больницу отправили, конечно, не сразу.

Я встретила с Марийкой спустя пару лет. Правая рука висела плетью. Дома у Марийки оставалось двое детей.

Стрелявшего в нее конвоира мы больше не видели. Он был “наказан” внеочередным отпуском домой. Такого было предусмотрено уставом поощрение.

Рябина

Осенью в тайге был небывалый урожай рябины. Как-то на обратном пути нашей бригаде попались добрые конвоиры. Разрешили набрать ягод, кто сколько унесет. Мы старались для наших старушек-инвалидов, не покидавших зону и особенно нуждавшихся в витаминах. Но возле вахты дежурные офицеры приказали вывалить на землю всю нашу драгоценную ношу. Мы шли по желто-красному месиву ягод, растоптанных в пыли.

Альдебаран

Молодой начальник режима по фамилии Подкуйко читал для заключенных лекцию по астрономии! Читал достаточно безграмотно и комично. В совершенном восторге сообщил аудитории о наличии в созвездии Тельца красной звезды Альдебаран. Название, видимо, казалось ему особенно забавным, – он радостно выделил “барана”, рассмеялся и, соответственно, вызвал дружный хохот присутствующих.

“Нас от вас отгородили”

Весна 52-го. Штабелевка. На объект идем по шпалам. на них иней, мы одеты тепло. кто в ват-

никах, кто в своих домашних брюках и куртках. Через пару часов становится просто жарко, мы сбрасываем лишнюю одежду, складываем ее под штабель. Обед нам привозят на лошадке к месту работы. К вечеру обнаруживаем исчезновение вещей. А у девушек нашей бригады – литовок, полячек, западных украинок – были хорошие шерстяные брюки и свитера. Конвоиры вроде бы ничего не знают, им и разговаривать с нами не положено.

На другой день во время обеденного перерыва одна из более пожилых женщин, обращаясь к молчаливому конвоиру, высказывается своеобразно: "Как хорошо, что нас от вас отгородили... а то бы у нас все потаскали!" Имелось в виду, что мы живем в зоне. Вещи так и пропали. Кто-то заметил, что накануне по направлению к поселку вольных ехала телега, на которой навалом лежали носильные вещи.

Смерть вождя

1953-й год выдался у нас снежный. Мне выпало по разнарядке сбрасывать огромную снежную шапку, завалившую конторский барак. В тот год режим ужесточился, радио в зоне было снято, и мы давно не слышали новостей с воли.ковыряюсь в снегу на двухскатной крыше. Тишина. Я одна. Ощущение подобия свободы. Внезапно до слуха доносится из-за зоны, где стоял высокий столб с репродуктором, скорбный текст Левитана... Я буквально скатываюсь с крыши вместе с лопатой и снегом и утопаю в сугробе под барак, словно накрытая лавиной. Начальство в зоне уже знает о событии. Позже, когда вернулись из-за зоны работники, в столовой творится странное. Большинство женщин истерически плачут. Вдумавшись, можно понять и такую реакцию. Не скажу, что я сама ликовала – нет, наступило какое-то оцепенение. В воздухе, так сказать, носилось предчувствие конца. Боялись воцарения Берии...

Через день моя бригада рыла в зоне длинную и глубокую траншею. Тут уж наши "западнички", хлебнувшие немецкой оккупации, просто выли от ужаса. Они были уверены, что роем мы для себя, что у этой траншеи нас будут расстреливать.

Все обернулось фарсом. Над вырытой траншеей возвели длинный дощатый короб: мы просто-напросто строили для себя новое отхожее место.

Фрау Цинссер

На тайшетской пересылке – чрезвычайное происшествие: конвоир катит по зоне детскую коляску! Однако в коляске не ребенок, а добротные заграничные чемоданы... Вскоре, уже на трассе, я встретила хозяйку этой коляски.

Красивая молодая немка, моя ровесница, жена дипломата фрау Цинссер. По-русски – ни слова. Я же немецким владею достаточно прилично. История, вкратце, такова: муж ее постоянно находился на дипломатической работе в восточных странах – Китае, Японии, Индии. К концу войны оба они были в Порт-Артуре. По окончании короткой войны с японцами в город вошли наши войска. Цинссеры не были арестованы; они были интернированы и препровождены в странный лагерь в подмосковном городке Красногорск. По рассказу фрау Цинссер, с ними обращались вполне уважительно, они жили в семейных коттеджах. Родилась дочка. К концу сороковых годов интернированных начали понемногу отпускать домой. Пригласили к начальнику ее и объявили, что она с ребенком может возвращаться на родину. Естественно, она спросила о муже. Ответ гласил, что спустя некоторое время его также отправят.

Она наотрез отказалась ехать без него, хотя ей намекали, что было бы разумнее воспользоваться предоставленной возможностью, хотя бы ради ребенка. Все же она осталась. И вскоре они были отправлены оба – только не на Запад, а на Восток... С мужем ее, понятно, разлучили. Девочка некоторое время оставалась с матерью, потом ребенка отняли и отправили на "мамскую колонну" (так назывался лагерь для малышей, детей заключенных). Осталась коляска, в которой и везли увиденные нами на пересылке чемоданы. Куда все это девалось – неизвестно. Несколько месяцев я работала на лесоповале в одной бригаде с фрау Цинссер. Эта, без сомнения, избалованная в своей прежней жизни аристократка была достаточно замкнута в своем горе. Естественно, что она и не могла общаться ни с кем, кроме меня. Мне же она много рассказывала о дальних краях, о горячо любимом муже, но никогда – о своем доме, никогда – о девочке... Я восхищалась ее выдержкой, ее дисциплинированностью. Ни одного слова жалобы. В ее поведении явственно просматривалось прекрасное воспитание и внутреннее превосходство – не над окружающими, нет, – над обстоятельствами. Нас периодически перебрасывали с одного лагерного пункта на другой. Мы расстались. Через год до меня дошла страшная новость: фрау Цинссер в своей бригаде рубила топором гвозди из толстой проволоки, – кусок металла отскочил и попал ей в глаз. Глаз погиб. Узнала я только о самом факте. По моим сведениям, в семидесятых годах фрау Цинссер уже благополучно жила у себя на родине, в ФРГ, ее муж и дочь были с ней.

Галина Очарска

В нашей камере на Лубянке несколько месяцев находилась совсем юная полячка – Галина

Очарска. Странная она была, очень несчастная, абсолютно без всякой помощи извне, без вещей. Когда ее уводили, ей было выдано казенное одеяло и что-то еще. Мы все, ее сокамерницы, собирали ей какую-то одежду. По ее рассказу, она была дочерью польского офицера, расстрелянного в Катынском лесу. Сама она служила в английской разведке. Сложная была история и запутанная. Информация о массовых расстрелах, произведенных НКВД, казалась нам тогда плодом больной фантазии Галины. Сегодня мы уже информированы... Позже я встретила с ней в лагере. Она стояла в моей кофточке, прижавшись к печке, была какая-то отрешенная, не могла или не хотела общаться... Вроде бы и не узнала меня. Впоследствии я никогда о ней больше не слышала.

Доктор Иппа

На четырнадцатом сельхозе, еще до расконвоирования, я на лесоповале загнала щепку в ладонь левой руки. Было это зимой, щепка пробила грязную рукавицу. Стащила я ее с руки, высосала кровь, снова надела и работала до конца дня. На другой день по закону подлости в ту же ранку вонзилась новая щепка. Тут уже дело было плохо. Начался абсцесс. В нашей зоне была, конечно, фельдшерица, но тетка грубая, "вольняшка"; к тому же, в санчасти уже не первый день лежал труп повесившейся заключенной, – его никак не могли вывезти по причине транспортных неувязок... в общем, я боялась сепсиса. Решилась пойти к начальнику лагеря, Чудуку. Показала раздувшуюся ладонь, напомнила, что я музыкант и попросила разрешить доступ в мужскую зону, где был врач, москвич. Начальник вызвал солдата-конвоира, который меня туда и препроводил. А о существовании этого врача я узнала случайно, незадолго до того. Случилось так, что к нам в женскую зону привезли посылки, часть которых была адресована мужчинам нашего лагпункта. Мы эти посылки сортировали. Вижу на одной – "Николаю Максимовичу Иппа" и обратный адрес – Москва, Трехпрудный переулок. Бог мой, я жила на углу Малой Бронной улицы, это совсем рядом. Спрашиваю культорга, кто этот заключенный с такой необычной фамилией. Оказывается, врач мужской зоны. Ну вот, к нему, земляку, я и попросилась на операцию. Входим мы с солдатом в маленький барак, навстречу нам – немолодой, интеллигентного вида человек, курит трубку. Моя просьба вскрыть абсцесс его заметен смущает: "Видите ли, я операций не делаю... У меня, правда, медицинское образование, но в Москве я работал в издательстве, а здесь только даю освобождение от работы или отправляю в больницу..." – "Доктор, Бога ра-

ди, операция ведь простенькая. Хлорэтил есть? Да? Так заморозьте и режьте, я потерплю. Надо спасти руку, – ведь я, может быть, еще буду играть на скрипке!" Решился. Заморозил ладонь, сделал первый надрез, а на втором я от страшной боли потеряла сознание и очнулась уже на его койке, вдыхая нашатырный спирт. На руке жгут, чтобы кровь остановить. Доктор кипятит шприц для новокаина. Ну вот, обколол, снова берет скальпель, – и в этот момент гаснет свет! Операция продолжается при свете свечи, которую держит солдат. Картинка в духе старых голландцев... Все. Перевязка. Конвой ведет "до хаты", а завтра снова – к доктору. Во время марганцевой ванночки – разговор. "Вы ведь учились в Московской консерватории, – не знали ли там мою дочку, студентку, Танечку Иппа?" – "Нет, доктор, я окончила курс восемь лет назад и не могла ее знать. У вас дома все в порядке? Я недавно держала в руках вашу посылку". – "Я не принял ее..." – "Почему??" – "Пусть они думают, что меня нет. Я за них боюсь". – "Да Господь с вами! Представляю себе, как они страдают, предполагая самое худшее! Умоляю вас, напишите им, дайте знать, что вы живы. Страшные времена позади, нынче уже пятьдесят четвертый год, и с ними ничего не может произойти из-за контакта с отцом и мужем..." Кажется, я уговорила этого милого, заблуждавшегося человека. Сразу же написала своим родным, попросила послать хороший трубочный табак. Когда через пару месяцев пришла мне посылка, я передала с кем-то из вольных коробку "Золотого руна". Для доктора. А мне передали от него баночку домашнего варенья. Записки были запрещены, но таким образом я получила сигнал о том, что он все-таки связался со своей семьей. Я никогда его больше не видела.

Спустя примерно год, уже на другом лагерном пункте, стало известно, что доктор Иппа скончался от сердечного приступа... Эта история имела продолжение. В конце шестидесятых в Москве, в Колонном зале наш оркестр записывал с певцами оперу Хренникова "Безродный зять" на пластинки. Со мной за пультом сидел коллега, человек замкнутый и неразговорчивый. В какой-то момент, когда дирижер занимался с духовой группой, а мы, скрипачи, сидели без дела на своих местах, я, оглянувшись, тихонько пробормотала про себя: "До чего же хорошенькая женщина Танечка Натарева (так звали нашу пианистку)". Коллега же тихо, не оборачиваясь ко мне, проговорил: "Когда мы с ней учились в консерватории, ее фамилия была Иппа..."

...После записи я отозвала Таню, увела ее в сквер, показала свой шрам на ладони – память о ее отце. Мы плакали.

Удивительная цепь совпадений. Но в жизни вообще так много удивительного...

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает**

Перепечатка разрешается, но с указанием источника

Druck: "Express", Jerusalem

